„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

БОЛЬШЕВИК

№ 18 30 СЕНТЯБРЯ № 18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—45314 Тираж 70.000 экз.
Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

Выполним важнейшее решение партии.

Ноябрьский пленум ЦК и ЦКК решил вопрос о необходимости проверить ряды нашей партии, о «самой решительной чистке от социально чуждых, примазавшихся, обюрократившихся и разложившихся элементов», от «элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристских целей, элементов мелкобуржуазного перерождения, сросшихся с кулачеством и т. п.». Это решение было предусмотрено еще одним из 21 условий принадлежности к Коминтерну, 13 п. которых требует: «Коммунистические партии всех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодически чистки (перерегистрации) личного состава партийных организаций, дабы систематически очищать партию от неибежно примазавшихся к ней мелкобуржуазных элементов».

Однако, было бы ошибочным смотреть на генеральную чистку и проверку 1929 г., как на одну, из таких периодических чисток, безотносительно к особым условиям переживаемого периода, в которых существует и работает ВКП(б). Генеральная чистка 1929 г., принятая партией в момент перехода от восстановительного периода к реконструктивному, сама по себе является одним из условий успешного выполнения задач этого периода. Генеральная чистка поставила перед собою поэтому задачу перестройки рядов партии, мобилизации лучших сил передовых рабочих, в особенности крупных производственных предприятий, батрацких и бедняцких сил деревни, привлечение новых кадров в ВКП(б), которые должны заместить потерявшие классовое лицо, чуждые партии, мелкобуржуазные, разложившиеся, примазывавшиеся, обюрократившиеся элементы. Партия поставила перед собой задачу произвести генеральный смотр всех ячеек, генеральную проверку всех членов партии, решительное очищение партии от всего негодного, от всего, что мешает партии двигаться успешно на новом этапе, когда партия совершает труднейшие шаги к социализму.

Эти гигантские задачи, которые ставит перед собою партия в деле социалистического переустройства всего народного хозяйства страны, в деле массовой коллективизации сельского хозяйства требуют, чтобы партия решительно очистилась от таких элементов, которым чужды задачи партии, которые «по-бюрократически, починовничьи относятся к этим задачам, которые не умеют сопроти-

вляться влиянию мелкобуржуазной стихии, не умеют и не желают бороться с классовым врагом».

Настало время подвести первые итоги этой чистки, проверить, насколько правильно партия выполняет решения Ноябрьского пленума ЦК и XVI партийной конференции. Пока проверка еще далеко не закончена, надо учесть все недочеты и ошибки, допущенные до сих пор, в этой проверке, для того, чтобы, пока не поздно, их исправить. Партия имела в виду, что предпринимаемая ею чистка является одним из серьезнейших способов самокритики, что настоящая проверка партии возможна будет лишь в том случае, «если широко будет развернута самокритика и самодеятельность всей партии, если все возможности в этом направлении будут использованы», если будет развернута большая работа на основе внутрипартийной демократии. При чем инструкция, разработанная на основе решения Ноябрьского пленума и XVI Всесоюзной партийной конференции указывала на то, что: «работа контрольных комиссий и проверкомов, как и всяких других партийных органов должна проходить под контролем всей партии и в первую очередь проверяемой организации». Имелось в виду, что партия мобилизует широкие беспартийные рабочие и крестьянские массы. Она руководствовалась при этом указанием Ленина, что чистить партию надо, «опираясь на опыт, на указания беспартийных рабочих и крестьянских масс». Привлекая эти массы к проверке наших партийных рядов, партия ставила перед собою задачу «развернуть широкую массовую работу по раз'яснению основных задач партии и обязанностей коммунистического авангарда». (Инструкция). Партия напоминала в принятом на XVI Всесоюзной конференции решении слова Ленина: «Есть места, где чистят партию, опираясь главным образом, на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это—самое ценное, самое важное. Если бы нам действительно удалось таким образом очистить партию сверху донизу, «невзирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное». [1]). Ленин считал, что если мы так очистим партию, то этим мы еще сильнее свяжемся с массами. И эта более крепкая связь с массами нашей партии была одной из важнейших задач, которую ставила себе и проверка 1921 г., как и проверка 1929. «Чистить партию,—писал тогда Ленин,—считаясь с указаниями беспартийных трудящихся,—дело великое, оно даст нам серьзные результаты, оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде, сделает ее авангардом, более крепко

[1]) Ленин, т. XVIII. ч. I, стр. 360.

связанным с классом, более способным вести его к победе среди массы трудностей и опасностей» [1]).

XVI Всесоюзная партийная конференция более подробно перечисляя признаки тех, кому не место в партии, указывала: «Чистка должна беспощадно выбросить из рядов партии все чуждые ей, вредные для ее успехов, равнодушные к ее борьбе элементы — неисправимых бюрократов, примазавшихся, связанных с классовым врагом и ему помогающих, оторванных от партии в силу хозяйственного, собственнического обрастания, антисемитов, скрытых сторонников религиозного культа, разоблачая скрытых троцкистов, мясниковцев, децистов и сторонников других антипартийных групп, и очищая от них партию».

Другая, не менее важная, задача, которую ставила себе партия при чистке и проверке своих рядов, была задача вербовки новых членов партии из среды рабочих и работниц, в особенности рабочих и работниц крупных производственных предприятий, батраков и бедняков. XVI партийная конференция прямо ставила задачи использовать открытые собрания для раз'яснения линии партии и привлечения в ряды партии лучших элементом из беспартийных рабочих, батраков и бедняков.

Третья задача, которую ставила себе партия, это была задача «укрепить работу организации, проверить работу ячейки, создать более товарищеские отношения между членами партии, повысить чувство ответственного каждого за политику, за судьбу всей партии, дать толчок к повышению уровня политических знаний, усилить борьбу с бюрократизмом, повысить активность всех членов организации, усилить связь их с массами рабочих и крестьян, усилить активное участие в социалистическом переустройстве деревни, в рационализации производства и управления, в поднятии трудовой дисциплины, в изгнании всякого рода излишеств и т. п. [2]).

Мы считаем необходимым напомнить эти решения, эти задачи, поставленные перед всеми партийными организациями, перед каждым членом партии в отдельности, потому что мы не можем признать, что эти решения полностью выполнены, что все партийные организации отнеслись с должным вниманием к этой важнейшей политической задаче, выдвинутой партией в начале реконструктивного периода,—важнейшей задачей, без решения которой трудно будет справиться и со всеми остальными задачами. Партийные решения подчеркнули,

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 360.

[2]) Резолюция XVI партийной конференции.

что вся партия должна обратить внимание на выполнение этой задачи. Само собой разумеется, что к этой задаче должно быть привлечено внимание и других общественных организаций, связанных с партией, на которые партия опирается,—профсоюзы, комсомол. Само собой разумется, что вся печать должна была уделить должное внимание этому, что необходимо было поставить проверку того, как выполняются решения партии, внимательно следить за ходом всей проверки и исправлять на ходу недочеты, недостатки, а главное надо было выполнить огромную подготовительную работу.

Выполнено ли все это? Сделано ли все это так, как этого требуют решения партии, так, как этого требуют интересы рабочего класса? В настоящее время трудно еще подводить окончательные итоги, но кое-какие предварительные итоги уже несомненно намечаются и эти итоги заставляют нас сказать о том, что важнейшая задача, поставленная партией, выполнена недостаточно, что она требует усиления внимания всей партии.

Проверена часть деревенских ячеек, а кое-где проверены деревенские ячейки полностью, при чем по не вполне точным данным мы имеем в деревенских организациях: исключенными [1]) 15,2%, выбывшими добровольно и механически 1,6%. Таким образом, после проверки деревенских ячеек, примерно, на 15% изменяется их состав. Нужно иметь в виду, что апелляция кое-что в этом отношении изменит. Процент исключенных, несомненно, снизится, но пока что деревенские организации изменяют свой состав, примерно, на ⅙.

За что же исключались члены деревенских ячеек? Как чуждые элементы, и за связь с чуждыми элементами исключено 20%, за преступления уголовного порядка, растраты, взятки, подлоги, примерно, 9,2%, за отказы от вхождения в сельскохозяйственные коллективы—6,4%, за использование служебного положения—2,2%, за скрытие хлебных излишков—3,6%, за искривление классовой линии—2,1%, за выполнение религиозных обрядов и антисемитизм—4,6%, за бюрократизм—0,8%. Вот основные поводы к исключению. Если мы обратимся к партийным решениям, и к тем инструкциям, которые давались партией в отношении деревенских ячеек, мы увидим, что в этом отношении партия к чистке в основном подошла правильно, ибо партия ставила себе задачу решительно очистить деревенские ячейки «от проникших в нее элементов,—классово чуждых или сросшихся с кулацкими элементами—торговцами, баями и духовенством,—от членов партии, проводящих политику, отталкивающую от партии батраков и бедняков, от партийцев, непринимающих участия в проведении в жизнь мероприятий по социалистическому переустройству сельского хозяйства, от ее чиновничьих элементов, не повлоняющих директив партии

[1]) На 1 сентября в 2.576 деревенских ячейках и 92 кандидатских группах (по данным 73 райкомов).

об опоре на бедноту и союзе с середняцкими массами крестьянства, от членов партии, хозяйственное обрастание которых заслонило перед ними задачу коммунистической пропаганды и организации деревни, от злостных нарушителей революционной законности, от злоупотребляющих властью в личных целях».

Однако, мы должны сказать, что некоторые данные заставляют нас сомневаться в том, что эта задача выполнена полностью так, как этого требуют интересы пролетариата. Правда, чистка деревенских ячеек проходила при огромной активности всей партийной крестьянской массы, в особенности батраков и бедняков, но и кулак активно вел себя во время чистки, мобилизовал все силы для того, чтобы защитить разложившихся, потерявших классовое лицо партийцев и—наоборот,—для того, чтобы опорочить настоящих коммунистов в деревне. Далеко не везде была развернута необходимая подготовка и обеспечена необходимая самокритика, кое-где проверка проходила слишком поспешно, без учета работы коммуниста в деревне и без достаточного внимания к тем жалобам, которые шли из среды беспартийных крестьян. Поэтому партийные организации должны были бы самым внимательным образом отнестись к указаниям на плохую проверку тех или иных ячеек, на оставление в партии негодных коммунистов, которые сумели во время чистки скрыть свои проступки и преступления.

Но в особенности мы считаем необходимым обратить внимание на далеко незаконченную проверку непроизводственных и производственных ячеек в городах. Правильная чистка непроизводительных ячеек может быть обеспечена лишь в том случае, если в этой чистке будут привлечены партийцы и беспартийные рабочие с производства. Правда, состав непроизводственных ячеек за последний год значительно улучшился и проверка этих ячеек после XIII с'езда показала, что рабочих по социальному происхождению в них около 40%, крестьян—37% и служащих—23%. С тех пор непроизводственные ячейки, благодаря выдвижению рабочих, были кое-где еще значительнее орабочены, и социальный их состав еще более улучшился. Несомненно, однако, что именно в непроизводственных ячейках мы имеем наибольший процент примазавшихся к партии коммунистов и проходимцев, «которые назвались коммунистами и надувают нас, которые пролезли к нам, потому, что коммунисты теперь у власти» (Ленин). Ленин в 1921 году советовал нам очистить партию от «рвачей», «авантюристов», от «показных членов партии», «от тех, кто хочет только «пользоваться» выгодами от положения членов правительственной партии, кто не хочет нести тягот самоотверженной работы на пользу коммунизма». Ленин советовал «оставить в партии только сознательных и преданных коммунизму», чтобы в партии остались «добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики, только настоящие представители угнетавшихся при капитализме масс». А между тем первые

итоги чистки приводят к тому, что в непроизводственных ячейках процент исключенных ниже, чем в ячейках производственных.

Это заставляет нас тревожно настроиться по отношению к тому, насколько правильно выполняются решения партии о чистке непроизводственных ячеек и насколько правильно подходят к чистке производственных ячеек. Ибо нет никакого сомнения в том, что здесь есть крупные ошибки, искривления партийной линии, что здесь есть неправильный подход, что здесь, либо недостаточно проведена подготовка к чистке тех или иных ячеек, а в некоторых случаях, слабо развернута или совсем не развернута самокитика при проверке непроизводственных ячеек. Ведь не следует забывать, что в каком-нибудь советском учреждении, где беспартийному служащему предстоит еще пройти чистку гасаппарата, далеко не всегда у этого беспартийного служащего есть мужество вскрыть недостатки и даже преступления коммунистов, работающих в проверяемом учреждении. Проверочные комиссии должны мобилизовать внимание рабочих к проверке этих ячеек, работающих на предприятиях, как связанных с деятельностью данного учреждениях, так затрагиваемых деятельностью данного учреждения, мобилизовать работу стенной газеты и др. элементы, посредством которых можно было бы вскрыть, недостатки и недочеты работы коммунистов проверяемого учреждения. Мы имеем все основания утверждать, что это сделано далеко не всюду, и далеко недостаточно. Чистка партии проходит, поэтому во многих организациях необычайно вяло, к чистке не привлечено внимание комсомола. Комсомол вообще слабо участвует или совсем не участвует в этой чистке. Слабо интересуется этой чисткой и руководители профсоюзов. Партийные организации в целом также мало интересуются чисткой, свалив все дело на проверочные комиссии, как будто бы это не есть дело всей партии. Редко, где организации поставили у себя проверку того, как проводится чистка в районе, на крупных предприятиях, какие недочеты, что надо исправить. На деле нет нужного партии строгого смотра ячеек, нелицеприятной проверки всех членов партии, которая всколыхнула бы всю партийную организацию, заставила бы ее напряженно жить этой проверкой, чтобы действительно, присмотреться к каждому члену партии, к каждой ячейке, очистить их, исправить их и пополнить их новыми членами партии из подросшего актива рабочих, батраков и бедняков. Кое-где мы наблюдаем необычайно поверхностное отношение, и ненужную спешку в этом отношении, — как будто бы это была какая-то несерьезная очередная кампания, которую надо поскорее сбыть с рук. Поэтому самая проверка проходит так, что нередко забывают о тех указаниях, которые давала партия, сбиваются на тон морализирования, а не классовой проверки, на тон легкого анекдотического экзамена, а не поднимают ячейки на более

высокую ступень принципиального и практического подхода к гигантским задачам, поставленным партией. Поэтому-то далеко не везде выявлено классовое лицо проверенных коммунистов. Поэтому чистка партии пока еще не дала тех результатов, каких добивалась и добивается от этой чистки партия.

Партийные организации должны (пока еще не поздно!) решительно перестроить работу чистки. В проверку должна быть втянута вся партия. Печать должна всколыхнуть вновь партийные организации. Партийные организации должны проверить, как идет чистка партии, потребовать отчета от проверочных комиссий, помочь им. Недопустимо, как это имеет место кое-где, когда секретарь или члены бюро ячеек не участвуют в проверке своей ячейки, а тем более недопустимо, когда этим не интересуются руководящие партийные органы. Вокруг чистки должно быть создано гораздо более повышенное требование, должно быть мобилизовано общественное мнение, должна быть подчеркнута и усилена задача вербовки новых членов партии, должны быть мобилизованы лучшие силы для правильного выполнения этой задачи. Партийные организации должны изучить внимательнейшим образом, что дала проверка каждой ячейки для того, чтобы исправить недостатки в работе этой ячейки, для того, чтобы сделать соответствующие выводы. Они не должны успокаиваться на достигнутых результатах. Они должны проверять внимательнейшим образом апелляцию каждого рабочего.

Ошибки, недочеты были и неизбежны в каждой проверке. Они были и в проверке 1921 года, и об этих ошибках писал в свое время Ленин. Ленин писал тогда: «Конечно, не всем указаниям массы мы подчиняемся, ибо масса тоже поддается иногда, особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями, настроениями, нисколько не передовым». Партия предупреждала, что необходимо, во-первых, ни в коем случае не превращать открытые собрания с беспартийными в арену демогагической дискредитации партии чуждыми пролетариату элементами и не допускать на такие собрания нетрудовых или классово чуждых элементов. Во-вторых, ни в каком случае не плестись в хвосте у беспартийной массы там, где дело идет об определении правильности партийной линии того или иного партийца. Но кроме этих возможных ошибок возможны и другие. Возможны политические ошибки, которые трудно будет исправить, когда проверка будет уже закончена. Такой политической ошибкой, совершенно недопустимой, было бы, если процент исключенных из производственных ячеек по большинству ячеек оказался выше, чем в непроизводственных. Это означало бы, что производственные ячейки у нас хуже в отношении коммунистической выдержанности, чем непроизводственные, как это можно было бы неправильно заключить из тех выводов, которые мы имеем теперь в результате далеко, повидимому, неправильного подхода к чистке непроизводственных ячеек. Вот такие ошибки должны быть

теперь же решительно исправлены. Их можно и должно исправить!

Необходимо в остающееся время максимально привлечь внимание всей партии к чистке. Мобилизовать силы партии для проведения чистки производственных и непроизводственых ячеек. Печать должна развернуть снова, как это было в начале чистки, энергичнейшую кампанию, выявляя все недостатки чистки и проверки отдельных ячеек и работы отдельных проверочных комиссий. Комсомольцы должны быть привлечены к активному участию в проверке и чистке. В особенности же внимание должно быть обращено на привлечение беспартийных рабочих и работниц. Внимательнейшим образом партийные органы обязаны рассмотреть апелляции рабочих на неправильные с их точки зрения решения проверочных комиссий. Проверить и выяснить причины неявок на проверку, механических и добровольных выходов, как бы ни были малы цифры добровольно и механически выбывших. Заслушать теперь же доклады о ходе чистки во всех партийных организациях, сделав соответствующие выводы, внимательно прислушиваясь к голосу рабочих масс о недостатках произведенной проверки, решительно исправляя эти недостатки.

В особенности же должно быть обращено внимание на вербовку рабочих, работниц и батраков в партию. Несколько десятков тысяч рабочих, работниц и батраков подали уже заявления о вступлении в партию в период чистки. Партия сделает из них серьезный отбор для того, чтобы укрепить свои ряды. Мы убеждены, что партия взамен исключаемых в настоящее время нескольких десятков тысяч, (а может быть и сотни тысяч) членов и кандидатов, — негодных, разложившихся, социально-чуждых, обюрократившихся и т. п. — примет в свои ряды на место каждого исключенного одного-двух передовых рабочих — общественников, коммунистов с производства или батраков, которые помогут партии выполнять гигантские задачи социалистического переустройства и завершить дело социализма.

Но для этого надо решительно встряхнуться всем организациям, чтобы поставленную задачу генеральной проверки рядов ВКП(б) выполнить, как боевую, важнейшую политическую задачу.

И. Луппол.

К вопросу о теоретических корнях правого уклона.

I.

В настоящее время мы охотно подчеркиваем основные положения азбуки марксизма: положения о том, что теория неразрывно связана с практикой, что только в связи с практикой находит теория свое самооправдание. Эти положения можно было бы варьировать и дальше: от самой «высокой» теории нити умозаключений, иногда невидимые для самого теоретика, ведут к определенным практическим выводам и действиям; с другой стороны, эти практические выводы и действия, видимыми или невидимыми путями ведут к определенным, пусть подчас неосознанным, теоретическим положениям.

Если к этому вспомнить, что «без революционной теории не может быть и революционного движения», т.-е. революционного действия, практики, то следует сказать, что при прочих равных условиях малые ошибки в революционной теории приводят к малым ошибкам в революционной практике, а большие теоретические ошибки к большим же ошибкам на практике, в действии, — с другой стороны, ошибки в революционой практике не могут не быть связаны и с ошибками в революционной теории.

С указанной точкой зрения и право - оппортунистические ошибки на практике связаны, вернее сказать, обусловлены правооппортунистическими же ошибками в теории. Систематически и упорно выдвигаемые правооппортунистические положения означают уже программные разногласия. Последние имеют, конечно, свои социально-классовые корни, а также обусловленные ими корни обще-теоретические или методологические.

Если правый оппортунист — только практик, то он не осознает и не может осознать своих теоретических ошибок, своего теоретического оппортунизма; он просто следует за теми, кто теоретически возглавляет право-оппортунистический уклон. Но если перед нами оппортунист теоретик, то,— хотя суб'ективно он, быть может, и не сознает своих методологических ошибок, — он может и должен их видеть.

Конечно, эти теоретические ошибки и уклоны не так заметны, как практические, их труднее вскрыть, но, поскольку «без революционной теории не может быть и революционного движения», — тем необходимее их вскрыть и тем существенней их показать.

Поскольку мы говорим о правом уклоне внутри коммунистической партии, мы не должны ожидать сплошной социал-демократической практики, хотя при известных условиях уклон может перерасти за пределы коммунистической практики, тактики и программы. Вместе с тем поскольку мы говорим об обуславливающих правый уклон шатаниях, блужда-

ниях, заблуждениях и ошибках пока еще внутри марксистской теории, мы не должны ожидать, например, сплошного идеализма, сплошного антимарксизма, хотя при известных условиях эти блуждания и заблуждения могут перерасти вовсе за пределы марксизма и утратить с ним всякую связь.

Однако, практические положения современного правого уклона в ВКП таковы, что не приходится говорить об отдельных, единичных ошибках теоретиков этого оппортунистического уклона по части марксистской теории, по части диалектического материализма. Теоретически вопрос стоит острее, чем можно было бы думать. В теоретических произведениях наиболее крупных представителей правого уклона элементы диалектического материализма плавают в густом настое чуждых марксизму принципов. На философском языке это называется э к л е к т и з м о м, т.-е. мешаниной из чуждых друг другу, несовместимых теоретических положений. Марксистские слова, термины, утверждения ухитряются уживаться бок-о-бок с чуждыми и даже враждебными диалектическому материализму представлениями. Все это сдобрено общей антидиалектической концепцией и приведено в своеобразную эклектическую систему принципов, — систему, — имеющую лишь отдаленное и притом в н е ш н е е с х о д с т в о с диалектическим материализмом. Само собой разумеется, что в обще-теоретических произведениях наиболее крупного представителя оппортунистического уклона в ВКП — т. Н. И. Бухарина, мы находим все марксистские понятия: общество, производственные отношения, класс, классовая борьба; мы находим как в цитатах, так и в изложении много мыслей, основоположников марксизма; но, как сказано, весь строй мыслей, вся концепция самого автора чужда диалектическому материализму, что и обусловливает эклектический характер всей системы.

В настоящей статье мы и хотели бы на нескольких основных проблемах, имеющих важнейшее значение для революционно-марксистской общественной теории и практики, показать как эклектический характер теоретической концепции т. Н. И. Бухарина, так и связь ряда его немарксистских трактовок этих проблем с оппортунистическими практическими выводами.

II.

Общественные классы, борьбой которых заполнена арена мировой истории, суть категории исторические. Это значит, что было время на заре человеческой истории, когда классов не было (первобытный коммунизм); это значит далее, что будет время, когда не будет общественных классов. Различая таким образом эпохи истории, нужно помнить, что этого деления для уразумения общественных явлений далеко не достаточно. То время, когда существуют, действуют и борются классы, не есть эпоха недиференцированная, сплошная. Сами классы возникают, развиваются, исчезают в борьбе; класс угнетаемый становится господствующим и класс господствующий теряет свое господство. Это движение классов происходит не хаотически, а по определенным социально-историческим законам. Задача исторического материализма и заключается между прочим в открытии и изучении этой закономерности движения классов.

Классы в своей совокупности составляют то, что называется обществом. Конкретное определение общества, определение отражающее об'ективную действительность, входит важнейшей составной частью в марксистскую методологию познания социальных явлений. Уже отсюда видно, что марксистское определение общества не только должно учитывать закономерности движения классов, но должно основываться на закономерностях этого движения. Это необходимо тем более, что отдельные периоды в движе-

нии классов являются не простыми хронологическими, временными периодами, а представляют собою вполне определенные и исторические последовательные т и п ы, с т р у к т у р ы взаимоотношений и борьбы классов.

Такие социально-классовые структуры, об истиной природе которых нам придется говорить несколько ниже, и должны быть отражены в марксистском понятии общества. Только тогда оно будет обладать об'ективной познавательной и действенной ценностью. В противном случае при желании теоретика дать универсальное определение общества, т.-е. такое, под которое могут подойти все люди всего земного шара,—исчезает социально-классовый характер экономических структур, общество становится безжизненым, — превращается в голую и пустую абстракцию. Именно такое бессодержательное и абстрактное определение общества дает т. Бухарин: «Наше определение общества, — пишет он, — будет таково: это есть наиболее широкая система взаимодействующих людей, обнимающих все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь. Мы пришли таким образом к вполне материалистическому взгляду на общество. Основа его строения есть трудовая связь точно так же, как основа жизни есть материальный процесс производства» [1]).

Н. И. Бухарин убежден, что в своем определении он пришел «ко вполне материалистическому взгляду на общество». Несомненно, определяя общество как «систему взаимодействующих людей», он дает материалистическое определение. Однако, н е в с я к и й м а т е р и а л и з м е с т ь д и а л е к т и ч е с к и й м а т е р и а л и з м, и не всякое материалистическое определение оказывается материалистическим в применении к обществу, т.-е. и с т о р и к о-материалистическим определением.

Французские материалисты XVIII века были материалистами в области истолкования природы, но, перенося свой натуралистический материализм в область понимания общества, человеческой истории и не учитывая специфических особенностей общественных явлений, они оказывались в этой области не материалистами, а натуралистами. Мыслить же в применении к обществу натуралистически значит, как говорил Ф. Энгельс, мыслить неправильно. Равным образом, и Л. Фейербах, материалист в своем мировоззрении не был материалистом в своей трактовке общественных явлений. Понимая их по аналогии с явлениями естественными, он оказывался в области человеческой истории абстрактным метафизиком, не уловившим того, что специфически свойственно обществу. Понадобились тезисы К. Маркса о Фейербахе, вскрывшие созерцательность, абстрактность, антидиалектичность и антиисторичность Л. Фейербаха, чтобы «вполне материалистический взгляд» стал взглядом историческим, шире — диалектико-материалистическим.

Нечто подобное мы видим и в определении т. Бухарина. Определяя общество как «систему взаимодействующих людей» он дает, конечно, материалистическую установку, а не, скажем, психологическую или суб'ективно-идеалистическую. Но этого мало. Вместо того, чтобы итти дальше по пути конкретизации своего определения, он ставит себе задачу дать универсальное определение общества.

Марксистское понятие «всеобщего», конечно, не есть порок или погрешность, но, как требовал В. И. Ленин, всеобщее должно быть не просто абстрактным всеобщим, в котором исчезают все дальнейшие характеристики и признаки, а таким всеобщим, которое содержит в себе богатства «особенного» и «единичного». Марксистское определение общества, стало быть, должно быть всеобщим, но таким, которое содержит в себе понятие производственных, классовых отношений и через них все единичные явления

[1]) Н. И. Б у х а р и н. «Теория исторического материализма», М., 1921 г., стр. 95

«Всеобщее» же т. Бухарина есть «универсальное» и чем больше это универсальное по об'ему, тем меньше в нем содержания. Давая предельно универсальное определение: «наиболее широкая система», т. Бухарин и приходит не к «вполне материалистическому взгляду на общество», а к совершенно абстрактному взгляду, в котором погибает все специфически-общественное. Под его определение подходят все люди всего земного шара.

Не говоря уже о том, что такое определение не обладает никакой познавательной ценностью, с этим определением «нечего делать», т.-е. в применении к такому «обществу» нельзя выработать никакой нормы поведения, нельзя дать никакого действенного лозунга, нельзя, например, говорить об *изменении* такого общества, ибо действительное общество неправильно *об'яснено*. Философы, — писал Маркс — занимаются тем, что так или иначе об'ясняют мир, а дело заключается в том, чтобы его изменить. Но прежде чем выработать тактику изменения мира, а в данном случае общества, нужно правильно, т.-е. в согласии с об'ективной действительностью об'яснить его. Н. И. Бухарин грешит против этого первого марксистского требования.

Один порок влечет за собой другой. Будучи абстрактным, бухаринское определение общества не заключает возможности выработать в отношении к себе какое-либо правило действия; вследствие этого оно является пассивным, *созерцательным* определением, что опять-таки чуждо марксизму. Но будучи абстрактным и созерцательным, оно является и антидиалектическим, т.-е. метафизическим. В нем не заключена даже в потенции, в возможности борьба противоположностей и их единство.

«Общество» т. Бухарина есть механическая сумма людей, хотя и взаимодействующих. Солнечная система тоже не исключает, — а даже предполагает взаимодействие отдельных входящих в нее единиц, отдельных небесных тел. Всякая механическая система (часовой механизм, наборная машина и т. п.) включает взаимодействие отдельных частей, но строить общество по модели хотя бы и сложнейшего механизма, значит неправильно об'яснять общество, значит не понимать марксистского определения общества.

Являясь механическим, а не диалектическим определением, бухаринское определение антиисторично. Если стать на точку зрения т. Бухарина, то нельзя понять *движения* общественных структур (хотя сам он и говорит о различных общественных структурах). Последнее свидетельствует лишь об эклектизме т. Бухарина.

В самом деле, абстрактно, механически понимаемое «общество» не может двигаться, изменяться, развиваться, ибо в нем не заложен источник движения. И феодальное общество есть «система взаимодействующих людей, обнимающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь», и капиталистическое общество также обладает указанными признаками. Конечно, определение общества должно быть таким всеобщим, чтобы оно содержало в себе особенности и феодального общества и капиталистического общества, но содержало диалектически — и сохраняя их особенности, и снимая их, а не формально-логическим, в котором по мере увеличения об'ема уменьшается содержание. Определение общества должно быть таким, чтобы оно в порядке отражения действительности и логически делало бы возможным и понятным не только сосуществование различных обществ, но и смену одного общества другим, короче говоря, определение общества должно быть логически — *историческим*.

Бухаринское определение общества содержит много слов; не все они в отдельности неверны, но в совокупности они не ухватывают сути марксистского определения. Конечно, общество есть система людей, но речь и идет о человеческом обществе, а, говоря точнее, всякое общество и есть человеческое общество. Конечно, это система *взаимодействующих* людей, но это, как мы видели, характерно для всякой системы в противоположность хаосу, конгломерату, аггрегату и т. п. Конечно, общество обнимает длительное взаимодействие, но вопрос времени не есть вопрос принципиальный. Где нижняя граница этой длительности и как ее понимать? Феодальное общество в Европе насчитывало почти тысячелетнюю длительность, а капиталистическое — всего несколько десятков лет, — когда Маркс уже «увидел» его гибель. Система «наследственных» пролетариев в капиталистическом обществе весьма длительна, но, скажем, система сезонных сельскохозяйственных рабочих в том же обществе весьма не длительна, что не мешает и в последнем случае говорить о капиталистических производственных отношениях. Наконец, указание на «трудовую связь» также абстрактно и недостаточно, ибо труд и трудовые связи можно усмотреть везде и всегда: и в муравьиных и пчелиных «обществах», и в семье, и в научном обществе.

Н. И. Бухарин пишет, что основа общества есть «трудовая связь, точно так же, как основа жизни есть материальный процесс производства». Странно, что т. Бухарин для жизни, биологического явления, считает необходимым подчеркнуть «материальный процесс производства», а для общества заменяет его («точно так же») гораздо более абстрактным и неопределенным понятием «трудовой связи».

Абстрактное, созерцательное, антидиалектическое, антиисторическое определение общества у т. Бухарина является совершенно посторонним марксизму. Между тем оно составляет «длительное» достояние т. Бухарина. Оно дано последним в развернутой форме в «Теории исторического материализма», оно фигурировало у него и раньше в «Экономике переходного периода». В этом своем произведении т. Бухарин писал, что необходимо «брать натуральную форму вещей и рабочих сил, в этих единицах вести счет и *самое общество рассматривать как организацию элементов в их натурально-вещественной характеристике*» [1]).

Здесь мы видим все то же чисто механическое, вульгарно-материалистическое понимание общества, совершенно смазывающее основные моменты производственных отношений и связанной с ними классовой структуры общества. Вместо марксистской историко-материалистической точки зрения, видим точку зрения натуралистическую, которая, как мы говорили, в применении к обществу уже перестает быть материализмом. Вполне понятно, поэтому, что при чтении «Экономики переходного периода» против слов «мы брали общество как систему элементов in natura» Ленин на полях написал: «Караул!» [2]).

III.

Для Ленина была совершенно ясна немарксистская установка т. Бухарина. Это тем более понятно, что еще в 1894 г. в «*Друзьях народа*» *Ленин развил непревзойденные в русской марксистской литературе мысли по поводу понятия общества.* Полемизируя с народниками, отстаивавшими абстрактно-идеалистический взгляд на общество, Ленин писал:

«Начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс, — значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации, в частности не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к об'ективному анализу каких бы то ни было общественных отношений» [3])

---

[1]) Н. *Бухарин*. «Экономика переходного периода», ч. I., М., 1920 г., стр. 44.

[2]) Экземпляр «Экономики переходного периода», с пометками В. И. Ленина, хранящийся в Институте Ленина.

[3]) В. И. *Ленин*. Собрание сочинений, т. I, стр. 74.

Основное, что требует Ленин, — замена абстрактного понятия общества, «общества вообще», понятием **общественной формации**. Это есть необходимая конкретизация, только при наличии которой можно понять движение, изменение, развитие обществ. Только понятие общствнной формации делает определение историко-материалистическим, равно как необходимое понятие общественно экономической формации делает его историко-материалистическим. В бухаринском определении нет ни того, ни другого. Поэтому оно не является ни историческим, ни материалистическим определением.

Ленин пишет, что Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, — установив, что развитие таких формаций есть естественно исторический процесс».

В самом деле, в «Наемном труде и капитале» К. Маркс дал свое развернутое определение общества:

> «Производственные отношения в их целом образуют то, что называют общественными отношениями, обществом и к тому же обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, обществом с своеобразным, ему одному присущим характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество являются такими совокупностями производственных отношений, из которых каждая обозначает вместе с тем и особую ступень в развитии человечества».

Такое определение общества является прежде всего конкретным определением. Как понятие оно всеобще, но всеобщность его такова, что в нем сохраняются все особенные типы общества и все единичные их проявления: и феодальное общество, и капиталистическое общество и т. д. Такое определение, далее, является диалектическим, поскольку оно является единством противоположностей, например, феодальных производственных отношений (помещик и крестьянин), капиталистических производственных отношений (капиталист и пролетарий). Основываясь на понятии пориздводственных отношений, такое определение не смазывает, а подчеркивает классовый характер современных общественных формаций, именно их — классовые по природе производственные отношения, а не расплывчатую «трудовую связь» или сумму отдельных людей, или «систему элементов in natura», полагая во главу угла.

Вместе с тем такое определение общества является глубоко историческим определением. В нем подчеркивается «определенная историческая ступень развития», в нем, в порядке отражения или, как Ленин выражался о понятиях, в порядке «сокращения» об'ективной действительности, логически заложены возможности сосуществования одного общества с другим или изменения одного общества в другое, т.-е. движения, а стало быть и революционного превращения одной общественной формации в другую, например., феодального общества в капиталистическое или капиталистического в общество переходного к коммунизму периода.

Ленинский анализ советской действительности, ленинское указание на пять общественно-экономических укладов являются блестящим образцом применения марксистского анализа. Имея перед собой перечисляемые Лениным пять социально-экономических укладов, сложное сосуществование пяти типов совокупностей производственных отношений (1. патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство, 2. мелкое товарное производство, 3. частно-хозяйственный капитализм, 4. государственный капитализм 5. социализм), мы видим не только созерцательность логических определений, не только об'яснение укладов, но и заложенный в них действенный момент изменения их.

Поняв действительность, мы, исходя из пролетарской классовой точки зрения, можем изменить ее, приняв и проводя определенную политику, определенную тактику в отношении к тому или иному укладу. Мы, например, всемерно развиваем пятый уклад—социалистический, всемерно уничтожаем третий уклад—частно-хозяйственный капитализм, подтягиваем через кооперацию первый уклад к пятому; новыми формами смычки постепенно приобщаем второй уклад к тому же пятому и т. п.

Все это логически понятно с точки зрения марксистско-ленинского определения общества, но все это никак не может быть понято с точки зрения бухаринского определения, ибо оно бессодержательно, абстрактно и антиисторично.

Мировоззрение должно быть последовательным, единым во всех своих частях; именно таким является марксистско-ленинское мировоззрение. Нельзя последовательно проводить марксистско-ленинские принципы общественной теории в жизнь, оставаясь на точке зрения бухаринского определения общества. Но, действительно, можно с точки зрения этого последнего недоучитывать обострения классовой борьбы в переходный период, ибо в бухаринском определении нет классов, а есть сумма людей, «элементов in natura». Нельзя с бухаринской точки зрения охватить политику пролетариата и его партии в отношении всех пяти укладов, но можно говорить о развитии производительных сил вообще, даже о врастании кулака в социализм, вовсе не замечая за счет роста какого уклада может происходить это «врастание». Нельзя с бухаринской точки зрения говорить о движении и превращении одной общественной формации в другую, одного социально-экономического уклада в другой, но можно эклектически говорить о превращении «как таковом», о трансформационном процессе «вообще».

Как эклектик, впитавший в себя разрозненные элементы марксизма, тов. Бухарин, говорит, конечно, об «экономике переходного периода», но его общетеоретические основы продолжают оставаться абстрактными, метафизическими. В данной связи чрезвычайно интересно, что начав читать «Экономику переходного периода» В. И. Ленин задержался на первой же странице. Уже подзаголовок книги тов. Бухарина «Общая часть трансформационного процесса» своей абстрактностью и бессодержательностью заставил его остановиться и написать на полях «Что такое ???? «вобче»? à la Spencer?».

При беглом чтении можно, конечно, не обратить на это особого внимания, но если принять во внимание все, что мы говорили выше, то замечание Ленина встанет во весь свой рост. Очевидно, зная установку тов. Бухарина в общественно-теоретических вопросах, Ленин сразу понял абстрактную постановку вопроса у тов. Бухарина, постановку вопроса о «трансформации» «вобче» и правильно квалифицировал ее как спенсеровщину, как эволюционно-позитивистскую метафизику.

IV.

Но, скажут нам, неужели же у т. Бухарина, в его общественно-теоретической концепции нет понятия производственных отношений? Конечно, есть — ответим мы. В **эклектической системе все есть**. Есть у тов. Бухарина и производственные отношения, но беда в том, что трактовка этих отношений этой важнейшей категории общественной теории Маркса абсолютно не марксистская. Зато она вполне гармонирует с немарксистским пониманием общества.

Опасаясь как бы не впасть в психологизацию общественного базиса, к которому относятся производственные отношения, и считая самым дельным аргументом в руках антимарксистов то, что «понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие», тов. Бухарин пред-

полагает оказать марксизму большую услугу, решительно и воочию материализовав недостаточно материальные в марксизме производственные отношения. Но вместо того, чтобы развивать положения марксизма дальше в духе того же марксизма и, стало быть, в согласии с об'ективной действительностью, он бросается вспять, в сторону вульгарного, механического материализма.

С тов. Бухариным происходит то, что не раз уже происходило с людьми, желавшими оказать марксизму «дружескую» услугу. Не так еще давно покойный А. А. Богданов писал, что настало время уточнить не точные общественные науки. Благая мысль! Но «уточнять» общественные науки можно лишь на основе того, что дал Маркс, как это и делал Ленин, а не путем вывертов, поворотов вспять и уснащения общественной науки не присущей ей терминологией, взятой из области так называемых естественных и точных наук.

В свое время тов. Н. И. Бухарин в полемике с Э. Енчменом по конкретному случаю показал неосновательность биологизации общественных явлений. Однако, возражая против биологизации, тов. Бухарин сам решительно склонился в пользу механизации этих явлений. Думая материализовать производственные отношения в якобы недостаточной маркистской трактовке, он попросту механизировал их, конструируя их по модели механических систем. Вместо материализации получилась механизация, а вместе с тем снова из общественного понятия было выброшено то, что составляет специфическую сущность данного общественного отношения.

Тов. Бухарину следовало бы отправляться от таких классических положений марксизма: производственные отношения есть такие отношения, в которые люди вступают в общественном отправлении своей жизни; которые далее не зависят от воли самих людей; которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил; которые в совокупности своей образуют экономическую структуру общества; которые, по выражению Маркса, в целом образуют то, что называют общественными отношениями, обществом; которые, далее, в классовом обществе не могут не быть классовыми по своей природе, ибо именно классы и являются суб'ектами общественных производственных отношений, которые, наконец, не воспринимаются непосредственно глазом, носом, ухом, руками, а могут быть вскрыты лишь теоретическим анализом, чему в отношении капиталистических производственных отношений лучшим свидетельством являются томы «Капитала».

Вместо всего этого тов. Бухарин, поставивший себе целью материализовать производственные отношения так, чтобы никакому психологисту неповадно было, решил «опредметить», овеществить их настолько, чтобы их можно было ощупать, понюхать и увидеть глазами. Уже по самому заданию видно, что мы имеем дело с механическим, метафизическим, а не диалектическим материалистом.

Как же материализует производственные отношения тов. Бухарин? Он пишет:

«Под производственными отношениями я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых, как «живые машины») в пространстве и времени» [1].

Замена производственных отношений распорядком, расстановкой, хотя бы и трудовой, людей, да еще понимаемых как «живые машины», в пространстве и времени и есть механизация, а вместе с тем и вульгаризация диалектического материализма. Конечно, люди материальны, но эти бухаринские материальные люди абстрактны; они еще более абстрактны, чем абстрактней человек Л. Ф. Фейербаха. Ссылка на время

[1]) Н. И. Бухарин. «К постановке проблем теории исторического материализма». Сборник «Атака», М., 1924 г., стр. 121.

и пространство звучит очень учено, но и старые метафизические материалисты до-фейербаховского периода, очевидно, рассматривали людей во времени и пространстве. Указание на пространство не делает еще данного положения материалистическим, равно как и указание на время не делает его историческим. Абстрактная, механическая трактовка производственных отношений остается в полной силе. В отношении бухаринского понимания производственных отношений следует повторит то же самое, что было сказано о его определении общества. Это понимание абстрактно, созерцательно, антидиалектично и антиисторично.

V

Суб'ектом общественных производственных отношений являются классы. Суб'ектами феодальных производственных отношений являются помещики и крестьяне; — капиталистических — капиталисты и пролетарии. При бухаринском же механическом определении классы выпадают. Это составляет коренной порок бухаринской концепции, теоретический порок, который невидимыми нитями связан и с его современным недоучетом сложного классового переплета переходного периода, недоучетом обострения классовой борьбы. Но с выпадением классов из производственных отношений натуралистическая трактовка их перестает быть историко-материалистической, оказываясь идеалистической и в лучшем случае позитивистской.

Но, скажут нам опять, вы преувеличиваете. Неужели так-таки у т. Бухарина в его общественно-теоретической концепции выпадают классы? Неужели он не говорит о классовом строении общества? Конечно, тов. Бухарин говорит о классах, конечно, он посвятил этой проблеме целую главу, в которой есть много ценного и верного, но речь идет об общей методологической установке тов. Бухарина. Как эклектик он вобрал в свое учение и положение марксизма о классах и классовой борьбе, но как эклектик же он не переварил этого учения, не освоил его, не подчинил ему свои методологические установки, и поэтому в решающих принципиальных местах его общественная точка зрения дает себя знать.

О классах тов. Бухарин пишет:

«Классы представляют собой прежде всего группы лиц, об'единенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми, вытекающими отсюда, последствиями для процесса распределения» [1]).

В «Теории исторического материализма» он дает следующее определение:

«Под общественным классом разумеется совокупность людей, играющих сходную роль в производстве, стоящих в процессе производства в одинаковых отношениях к другим людям, при чем эти отношения выражаются также и в вещах (средства труда). Отсюда вытекает и то обстоятельство, что в процессе распределения продуктов каждый класс об'единен единым источником дохода, ибо отношения распределения продуктов определяются отношениями их производства» [2]).

Определение распределения продуктов отношениями их производства не является предметом спора. Но кроме этого у тов. Бухарина есть ряд недоговоренностей, который и его определение класса делает таким, что его нельзя назвать марксистским. Прежде всего мы опять встречаемся у него с абстрактной постановкой вопроса. Речь идет о производственном процессе как таковом, о производственном процессе вообще. Это связано с система-

[1]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», М., 1920 г., стр. 42.
[2]) Н. Бухарин, «Теория исторического материализма», М., 1929 г., стр. 325—326.

тически проводимой сплошной, недиференцированной трактовкой производственных отношений. Часто не знаешь, говорит ли он об общественных производственных отношениях, или о технических производственных отношениях. Последние как бы поглощают первые, что вновь и вновь закрывают ему доступ к — по необходимости тонкому—анализу конкретных общественных явлений. Общественные производственные отношения у тов. Бухарина тонут в технических отношениях, в «трудовой координации» «живых машин».

Равным образом в трактовке класса у тов. Бухарина речь идет и о «производственном процессе» («Экономика переходного периода») и о «процессе производства» («Теория истор. мат.»), но нигде не сказано, об общественном ли, или лишь о техническом процессе производства идет речь. Это может привести к путанице, а для самого тов. Бухарина, желает он этого или нет, осознает он это или нет, приводит к парадоксу— к выхолащиванию классового содержания в самом определении класса.

Возьмем его определение:

> «Классы... — группы лиц, об'единенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми, вытекающими отсюда, последствиями для процесса распределения».

Наемные рабочие подходят под это определение? Подходят. Капиталисты подходят? Подходят. Очень хорошо. Однако, с другой стороны, группа рабочих, работающих у станка, поскольку она об'единена «общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения» тоже подходит под это определение. В этом, конечно, также нет ничего удивительного. В то же время скажем, на советской фабрике, мы видим группу заведующих отделениями или их помощников. Они также «об'единены общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения» (более высокий уровень заработной платы). Следует ли отсюда, что группа рабочих от станка и группа заведующих отделениями или их помощников принадлежат у нас к двум различным общественным классам? Конечно, нет, а между тем это следует из бухаринского определения, данного им в «Экономике переходного периода».

Ошибка тов. Бухарина в данном случае заключается в том, что он забыл об одном слове, имеющем однако важнейшее в данной связи значение. Н. И. Бухарин должен был бы сказать, что речь идет об общественном процессе, общественном строе производства.

Определение «Теории исторического материализма» повторяет ту же ошибку. В одном отношении оно однако лучше. Вместо расплывчатых «всех вытекающих отсюда последствий для процесса распределения» там идет речь о едином для каждого класса источнике дохода (например, заработная плата, прибыль и т. д.). Тем не менее и это еще не все для марксистского определения классов. В определении класса не может быть обойден момент классовой эксплоатации, т.-е. эксплоатации одного класса другим. Ничего этого нет в бухаринском определении класса. Оно выглядит очень приглаженно, академично и так сказать беспартийно.

Прочитав определение класса в «Экономике переходного периода», которое мы дважды привели выше, В. И. Ленин написал на полях:

> «Классы представляют собой прежде всего «группы лиц» (не точно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и отличающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы».

В этой заметке на полях Ленин подчеркнул оба момента, о которых мы говорили выше и без которых определение общества не может быть названо марксистским.

Для сравнения приведем ленинское определение классов, данное в «Великом почине».

> «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту, в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их в общественной организации труда, а, следовательно, по способам и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это — такие группы людей, из которых одна может присвоивать себе труд другой, благодаря различию их места в определении уклада общественного хозяйства» [1].

В нашу задачу не входит комментарий к этому определению Ленина. Следует лишь сказать, что в противоположность бухаринскому определению, оно связывает класс с производственными отношениями и историческими общественными формациями, что оно не только отражает об'ективную действительность, но и делает возможным, логически обосновывает классовую политику пролетариата.

Метафизически—позитивистская установка тов. Бухарина сказывается даже в мелочах. Так в «Экономике переходного периода» он пишет:

> «Пролетариат строит фундамент будущего общества. И притом строит его, как классовый суб'ект, как организованная сила».

Получается так, что слова «организованная сила» поясняют слова «классовый суб'ект». Ленин не мог пройти мимо такого «пояснения». Против последних слов: «как организованная сила» он записал на полях: ??? «важнее», чем класс!»

Бухаринское расчленение пролетариата как класса и как организованной силы может иметь тот смысл, что «классовый суб'ект» есть содержание, а «организованная сила» есть форма. Беда тов. Бухарина в данном случае заключается в том, что он способен мыслить содержание раздельно от формы, а форму раздельно даже от такого содержания как классовость пролетариата.

> «Задачи, — пишет он далее, — стоящие перед пролетариатом, в общем и целом, формально, т.-е. независимо от социального содержания процесса те же, что и для буржуазии, при расширенном отрицательном воспроизводстве».

Вполне понятно, что и по этому поводу Ленин не мог удержаться, чтобы не сделать, нужно сказать, весьма меткого замечания. «Моя» богдановская Begriffsscholastik (схоластика понятий. И. Л.), есть главный враг «мой»,—записал он на полях, перефразируя известную поговорку: язык мой—враг мой.

Однако, здесь дело не только в языке. По тов. Бухарину возможна такая метафизика, когда форма пролетариата отделяется от его содержания, когда пролетариат ставит задачи формально, независимо от социального содержания общественного процесса. Это и есть теоретическая лазейка, которая допускает практическое соскальзывание с классовых позиций пролетариата, допускает отход от классовой политики.

Теоретически метафизическое разделение формы и содержания может привести к весьма опасным выводам, окончательно порывающим с марксистской трактовкой общественных проблем. Если форма пролетариата, как классового суб'екта есть организованная сила и если пролетариат ставит задачи «формально, независимо от социального содержания процесса», т.-е если форма мыслится отдельно от содержания, то теоретически и практически возможно, что организованная сила пролетариата, как форма, отделяется от своего содержания, т.-е от него же, как классового суб'екта.

---

[1]) В. И. Ленин, т. XVI, «Великий почин», Собрание сочинений, стр. 249.

Именно эта метафизика приводит тов. Бухарина к следующей формулировке.

«При развертывании революционного процесса *в мировой* революционный процесс гражданская война трансформируется в классовую войну, которую *со стороны* пролетариата ведет регулярная «Красная армия».

Проходя мимо заключения тов. Бухариным слов «Красная армия» в кавычки, заметим следующее. Классовая война ведется не Красной армией *со стороны* пролетариата, а ведется самим пролетариатом, одной из организаций которого является Красная армия. Красную армию нельзя отделять от пролетариата, ибо это тоже будет метафизическое, формальное рассмотрение вопроса «независимо от социального содержания процесса». Во-вторых, говоря о трансформации гражданской войны в классовую войну, которую ведет Красная армия пролетариата, нельзя обходить молчанием факта превращения пролетариата в господствующий класс, т.-е., захвата пролетариатом государственной власти. Иначе получается совершенно нелепая картина: пролетариат ведет классовую борьбу, классовую же войну с его стороны ведет неизвестно откуда пришедшая и неизвестно какая по своей классовой природе «Красная армия» в кавычках. Очевидно, именно это имел в виду Ленин, когда написал по поводу приведенных слов тов. Бухарина: «Уродливая и неверная терминология, смазывающая завоевание государственной власти классом» [1]).

VI.

Классовое содержание систематически выхолащивается тов. *Бухариным в его теоретической концепции и притом даже тогда, когда он говорит о классах.* Это не может не отразиться и в трактовке проблем строительства социализма во всех его (строительства) формах: будет ли речь итти о социалистической индустриализации страны, о социалистической реконструкции сельского хозяйства, о кооперации как пути к социализму. Мы не хотим сказать, что правые уклонисты против социализма, против социалистического строительства, но ведь и германские социал-демократы не против социализма, они лишь несколько «своеобразно» представляют себе путь к социализму. Равным образом несколько «своеобразно» представляют себе пути и формы социалистического строительства и правые уклонисты.

Выхолащивая классовое содержание из категорий исторического материализма, они выхолащивают классовое содержание и из путей и форм строительства социализма. В первом случае исторический материализм перестает быть историческим материализмом; во втором случае строительство социализма грозит перестать быть строительством социализма. На языке практиков классовый характер и класовая тенденция социалистической реконструкции заменяется словами вообще о народном труде; на языке теоретиков—словами о соотношении людских элементов, о равновесии между абстрактным, метафизическим, почти внеклассовым обществом и внешней средой.

«Прочность, — пишет т. Бухарин, — всякого структурного равновесия, т.-е. равновесия между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие между обществом и внешней средой» [2]).

Общество переходного периода, т.-е. общество с пролетариатом в качестве господствующего класса во главе, несомненно должно подчиняться тем же законам. Стало быть «прочность равновесия между людскими элементами» этой общественной структуры также опирается на определенное равновесие между ней (структурой) и внешней средой.

[1]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», М., 1920 г., стр. 98—99. Экземпляр Института Ленина.

[2]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 87—88.

Прежде всего, если мы хотим что-нибудь понять, нужно перевести с бухаринского языка на марксистский. По поводу этого языка В. И. Ленин скромно написал: «эта терминология, умышленная замена классов группировками и т. п., не есть ли шаг назад к «социологии» в кавычках», т.-е (необходимо пояснить),—к абстрактным, метафизическим ничего общего с марксизмом не имеющим общественным теориям».

После перевода положение тов. Бухарина будет выглядеть так: прочность общественных отношений, т.-е отношений между различными классами опирается на равновесие между обществом и средой. Ежели равновесие в пользу общества, то и отношения между классами прочны, если равновесие не в пользу общества, то отношения между классами непрочны! Совершено нелепая, поистине чуждая марсизму постановка вопроса. В применении к СССР, это будет звучать еще нелепее: прочность отношений между классами в СССР опирается на равновесие между обществом (и притом бухаринским, совершенно игнорирующим наши общественно-экономические уклады) и внешней средой. В годы массового неурожая, например, когда пролетарское государство, т.-е. организованный в господствующий класс пролетариат оказывает в особенности помощь бедняцкому и середняцкому крестьянству, отношения между этими классами должны быть непрочны. С другой стороны, в годы хорошего урожая, когда, с точки зрения, бухаринских политических принципов, особенно хороши виды на «врастание кулака в социализм» эти отношения должны быть особенно прочны.

Читатель видит, к каким нелепым немарксистским выводам может привести бухаринская теория равновесия. В данном случае в ней выхолащивается не только классовое содержание, но вообще всякое общественное содержание. Механистические принципы и дурной натурализм проявляются в ней во-всю.

Напрашивающиеся выводы чрезвычайно просты: среда дает—строим социализм, среда не дает—не строим социализма. Классовая структура общества переходного периода вовсе исчезает из поля зрения теоретика. Единственный выход: *спасай какой-угодно ценой равновесие между обществом и средой, ибо в нем залог прочности равновесия между «людскими элементами», между «различными общественно людскими группировками», развивай какой-угодно ценой, какими угодно путями производительные силы, чтобы равновесие между обществом и средой дало плюс в пользу бухаринского общества,* в котором потонули все классовые различия, все социально-экономические уклады.

Немудрено, что такая теория общественного равновесия понравилась и заслужила одобрение у эсерствующего «социолога» П. Сорокина, который писал:

«Наиболее интересными и ценными главами книги гр. Бухарина являются главы, трактующие о равновесии общества с природой и элементов первого друг с другом, а затем глава, посвященная учению о нарушении и восстановлении общественного равновесия. Не скажу, чтобы эта трактовка была новой. В труде буржуазного Парето («Trattato di sociologia generale» мы находим более глубокую трактовку тех же вопросов» [1]).

В настоящей статье в наши задачу не входит ни критика теории равновесия в целом, ни критика всей «Теории исторического материализма» тов. Бухарина, но и из рассмотренных нами бухаринских трактовок общества, производственных отношений и классов ясно, что эта теория предста-

[1]) Рецензия П. Сорокина на «Теорию исторического материализма» т. Бухарина. «Экономист», 1922 г., № 3.

вляет собою одну из разновидностей абстрактно-социологических, механически-метафизических «теорий», которая, поскольку она пользуется марксистской фрезеологией и впитала в себя отдельные положения исторического материализма и поскольку сам автор ее полагает, что он—диалектический материалист,—должна быть названа эклектической.

VII.

Метафизичность и эклектизм всей теоретической концепции тов. Бухарина, порывающей с историческим материализмом, метко и иронически были схвачены В. И. Лениным в его общей оценке «Экономики переходного периода». Намекая на пристрастие автора к иностранным ученым терминам Ленин писал:

«Автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно in actu (в действии), часто впадая в то, что носит название «Terminus Technikus» (технического термина) «Begriffsscholastik» (схоластика понятий), и не давая себе отчета, что многие неудачные формулировки и термины вурцелируют в философии, попадая sub specie Grundgedanken (с точки зрения основных понятий) под линию idealismi philosophici sev agnosticismi (идеализма философского или агностицизма), recht oft und unkritisch von andern übernommen (довольно часто и не критически перенятого от других), отнюдь не materialismi (материализма)».

Метафизичность теоретических взглядов тов. Бухарина сказывается не только в абстрактном определении общества, трактовке его как суммы людских элементов с выхолащиваним классового содржания, но и в особенности в трактовке некоторых проблем эпохи пролетарской революции.

Как эклектик, воспринявший ряд положений марксизма, тов. Бухарин говорит и о пролетарской революции, и о захвате власти. Однако, для него момент захвата власти пролетариатом является не столько значительнейшей вехой в истории классовой борьбы, конституирующей пролетариат в господствующий класс, сколько пунктом, с которого начинается отмирание классовой борьбы. Теоретически и независимо от его желания момент взрыва революции и захвата власти пролетариатом является для т. Бухарина концом революции.

Ленин подчеркивал, что диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых формах. Н. И. Бухарин подчеркивает прямо противоположные моменты:

«В новом ряде развития, который начинается от рабочей диктатуры (я не говорю о возможности уничтожения рабочей диктатуры извне, как в Финляндии), мы имеем перед собой натуральный ряд, где развитие противоречий с известного времени начинает изживаться, т.-е. мы будем иметь перед собою не расширенное воспроизводство противоречий нашей системы, а все уменьшающееся их воспроизводство, и эволюционным путем это воспроизводство системы превращается в развертывание коммунизма» [1]).

Здесь все характерно: и заключение возможности гибели рабочей диктатуры извне в скобки, как будто это есть нечто случайное, ни в какой связи с содержанием рабочей диктатуры не стоящее, как будто «извне» действуют не определенные классы—противники рабочей диктатуры, а некие нейтральные «людские элементы in natura», и молчаливое утверждение конца революции с заменой ее эволюцией.

Самое революцию т. Бухарин понимает метафизически, как пункт, открывающий собою эволюцию. С его точки зрения, именно, в период эволюции, а не революции живем и действуем сейчас мы. В момент захвата власти революция уже закончена и вместо «линии катастроф» начинается «органический период развития». Для т. Бухарина революция—«катастрофа», период «после диктатуры пролетариата»—органическая пора. Эта терминология, смена катастрофических периодов периодами органическими, ничего

[1]) Н. И. Бухарин «Ленин, как марксист», сборник «Атака». М. 1924, стр. 276.

общего с марксизмом не имеет; это—старая позитивистская, метафизическая, надуманная терминология, искажающая действительность и ничего не об'ясняющая. Для марксизма революция не есть катастрофа, как и период после захвата власти и установления диктатуры пролетариата не есть органическая пора. Повторяем, противопоставление катастрофических и органических периодов, не говоря уже о неудачности самих терминов, сугубо метафизично.

Досаднее всего то, что т. Бухарин пытается навязать эту антимарксистскую терминологию В. И. Ленину.

«Особенно,—пишет т. Бухарин,—в своих последних статьях, например, где речь идет о кооперации, он (т.-е. Ленин) прямо говорит, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь в текущий период нашего строительства, осью нашей политики является мирная организационная работа» [1]).

Не говоря уже о том, что у Ленина нет понятия «линии катастроф», по т. Бухарину выходит, что Ленин «мирную организационную линию» противопоставлял « нашей революционной линии». Это чудовищное извращение мыслей Ленина. У Ленина слова «мирная организационная работа» противопоставляются периоду борьбы пролетариата за власть до революции, с одной стороны, и войне, т.-е., вооруженной защите социалистического отечества от капиталистов,—с другой, но отнюдь не «нашей революционной линии», которая, само собой разумеется, продолжается и после захвата власти и после отражения попыток интервентов. Коротко говоря, Ленин «мирную работу» противопоставляет войне, а т. Бухарин борьбе.

Из поля зрения т. Бухарина совершенно выпадает классовая борьба после захвата власти, диктатура пролетариата, как продолжение классовой борьбы в новых формах. На ее место в лучшем случае становится «эволюционная борьба хозяйственных форм», задачей которой является поддержание во что бы то ни стало равновесия между обществом, понимаемым, как «система элементов in natura» и внешней средой.

Немудрено после всего этого, что и «эволюционную борьбу хозяйственных форм» т. Бухарин понимает до-нельзя причесанно, приглаженно и мирно. Как метафизик он рассуждает по формуле: или—или.

«Мы преодолеем нэп,—пишет он,—не путем разгрома лавок в Москве и провинции, а путем предоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций».

Таким образом, дилемма ясна: или разгром лавок, или конкуренция и растущая мощь промышленности. Но так как «разгром» лавок должен быть отвергнут, то остается мирная конкуренция. «Разгром» взят нарочито, ибо не физический же погром имеется в виду. Итак, если «разгром» лавок—позволительно спросить: чьих?—отвергается, то единственный путь преодоления нэпа—мирная конкуренция—позволительно спросить: с кем?

В указанных положениях, высказанных т. Бухариным в речи «Ленин как марксист», содержится отход от классовых позиций пролетариата, отход, который потенциально заключается в теоретических, в лучшем случае, эклектических изысканиях автора и который ныне проявляется на практике в виде оппортунистического уклона.

Концепция т. Бухарина, которую мы проследили лишь на нескольких проблемах, вредна и опасна при своем развитии, ибо она является теоретическим обоснованием правого уклона в ВКП. Будучи не марксистской, а эклектической, порывая с марксизмом в важнейших принципиальных проблемах теоретического обществоведения, она требует решительного отпора, быстрейшего преодоления, если не путем «разгрома», то и не путем мирной «конкуренции».

[1]) Ibid, стр. 275.

М. Иоэльсон.

Монополистический капитализм или „организованный“ капитализм.

I.

В основе оценки современного этапа развития мирового капитализма товарищем Бухариным лежит, безусловно, его теоретическая концепция об организации капитализма в рамках народного хозяйства отдельных капиталистических стран. Эта концепция, получившая свою завершенную форму в последних его известных статьях в «Правде», не является, однако новым, теоретическим открытием тов. Бухарина. Начиная с первых выступлений тов. Бухарина, через все его выступления по вопросам империализма красной нитью проходит теория об организации капитализма «внутри страны». Эта теоретическая концепция базируется на давнишнем специфическом понимании товарищем Бухариным эпохи империализма. Уже в первые годы войны тов. Бухарин совместно с рядом других товарищей расходился с Лениным в оценке империализма. Если Ленин никогда не противопоставлял монополистический капитализм, как эпоху лишающих капитализм его характерных определяющих черт эпохе домонополистической, то для тов. Бухарина и других империализм казался таким периодом, где эти характерные черты капитализма были целиком преодолены в развитии каптал　изма.

В одном из писем Н. И. Бухарина к Ленину, он высказывает удивление, каким образом Ленин может хоть в какой-либо степени сравнивать империалистическую эпоху с периодом свободного капитализма. «Как это, пишет тов. Бухарин, «для 20-го века» поучительны 60-е годы прошлого века. «Ведь это как раз корень наших разногласий (логических) с Каутским, что они «поучают» нас примерами доимпериалистической эпохи» [1]. Если, с одной стороны, в тогдашней борьбе с Каутским как у Ленина, так и у Бухаринской группы было единое понимание абсурдности рассуждений о возможности возвращения к демократическому «свободному» капитализму, то Ленин не мог согласиться с оценкой тов. Бухарина империализма как «сплошного», достигшим такой высокой ступени развития, что в нем бесследно растворились все остатки промышленного капитализма. Отсюда у тов. Бухарина непосредственно вытекало отрицание необходимости сохранения программы-минимум, неправильные взгляды в вопросе о праве наций на самоопределение, и в вопросе об империалистическом государстве.

Характерно, что Ленин тогда уже ясно видел в чем состоят ошибки тов. Бухарина в вопросе характеристики империалистической эпохи. В письме к тов. Коллонтай, касаясь британской рабочей социалистической партии, Ленин пишет: «Кажись Socialist Labour выкидывает всю программу-минимум. Вот соблазн и опасность для Бухарина, который на «эфтом самом месте» спотыкался у нас с 1915 года» [2].

---

[1]) Институт Ленина, «Письмо Н. И. Бухарина В. И. Ленину из Стокгольма», ноябрь 1915 года.

[2]) Письмо к Коллонтай от 17/II 1917 г. «II Ленинский сборн.», стр. 282.

Уже тогда основным в оценке тов. Бухариным империалистической эпохи являлось положение об отмирании конкуренции в отдельных странах в эпоху монополистического капитализма. В статье «К теории империалистического государства», относящейся к 1915 году и предназначенной для сборника «Соц.-демократ», но не принятой редакцией, мы имеем первые наметки бухаринской теории. (Статья, как известно была опубликована в СССР в 1925 году в сборнике «Революция права»). «Отдельный капиталист», писал тов. Бухарин, «исчезает, он превращается в Verband kapitalisten, члена организации, он уже не конкурирует со своими «земляками», он кооперирует с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает» [1]).

В той же статье мы имеем уже и отчетливую характеристику бухаринской концепции империалистического государства, которое «обнаруживает тенденцию овладеть всей производственной сферой и всей сферой товарного обращения» и в котором рыночные цены назначаются государством, рабочим же дается паек, необходимый для поддержания рабочей силы» и т.д.[2]). Однако в этой статье т. Бухарин пока еще говорит лишь о «тенденции», о «недалеком будущем», но уже в статьях 1917 года—в период дискуссии по вопросам программы теория «организованного» капитализма выявляется им в весьма развернутом виде. Уже в первом номере, начавшего выходить в мае 1917 года московского журнала «Спартак», в статье «Война и революционный социализм», тов. Бухарин следующим образом формулирует свои взгляды на империалистическую эпоху: «В нашу эпоху конкуренция между капиталистами значительно изменила свой вид. Для передовых капиталистических стран она всецело перенеслась в область внешней конкуренции, т.-е. конкуренция с иностранными капиталистами на мировом рынке» [3]).

Если, таким образом, конкуренция «всецело перенеслась», в область внешнего рынка, то внутри страны она, следовительно, должна была радикально видоизменить свой характер. Действительно, в одной из последующих статей в «Спартаке», тов. Бухарин, рисуя развитие народного хозяйства в эпоху монополистического капитализма, пишет: «экономическое достояние каждой страны превращается все более и более в коллективную (общую) собственность немногочисленного класса крупных капиталистов. Прежний, раздробленный и неорганизованный капитализм заменяется капитализмом организованным» [4]). Можно, таким образом, отметить, что еще задолго до новейшей социал-демократической теории организованного капитализма, этот термин был введен в применении к эпохе монополистического капитализма товарищем Бухариным.

Тезис об организованном капитализме был еще более ярко формулирован в статье «К пересмотру партийной программы». «В области внутренних отношений капиталистического хозяйства,—указывал тов. Бухарин,—место неорганизованных предприятий и «свободной конкуренции» занял организованный монополистический капитализм» [5]).

В чем выражалась эта пресловутая «организованность» капитализма? На этот вопрос тов. Бухарин очень подробно отвечает в статье «Крушение капитализма» [6]). «Не только, почти, вымерла свободная конкуренция (этот процесс зашел далеко еще до войны, благодаря картелированию и трестиза-

---

[1]) «Революция права», сборн., изд. Коммакадемии, стр. 17.

[2]) Там же, стр. 25.

[3]) «Спартак», орган Московского областного бюро и московск. комитета РСДРП(б), №1 от 20/V 1917 года.

[4]) «Спартак» № 2, статья «Государственный капитализм и социалистическая революция» (разрядка наша. *М. И.).*

[5]) «Спартак», № 4.

[6]) «Спартак», № 10 (разрядка наша. *М. И.).*

ции промышленности, образованию картелированных предприятий и проникновению банковского капитала в промышленность), пишет тов. Бухарин, «но и образовалась сильная тенденция к урегулированию производства путем его огосударствления».

«Организованный» капитализм уничтожает специфические черты капиталистической системы, это есть уже капитализм sui generis. «Уничтожает ли этот новый тип капиталистических отношений противоречия капиталистического общества, уничтожает ли он прежде всего анархию современного способа производства?» спрашивает тов. Бухарин, и отчетливо отвечает: «Если ограничиваться только рамками государственной организации, т.-е. рамками капиталистического отечества, то можно отвечать на этот вопрос в у т в е р д и т е л ь н о м смысле».

Следовательно, уже в 1917 году у тов. Бухарина была своя особая цельная концепция империализма. Он и тогда переоценивал организационные способности капитализма, и вместе с тем переоценивал последствия, которые оказывает монополистический капитализм на структуру капиталистических стран. В своем выступлении на VI с'езде партии тов. Бухарин следующим образом характеризовал социальные отношения, создаваемые империализмом: «П р о м е ж у т о ч н ы й   с л о й   и   м е л к и й   п р о и з в о д и т е л ь   и с ч е з а ю т. За первый год войны мелкая буржуазия вымерла на 40%. Все средства производства концентрируются в руках капиталистического государства. Нарастает государственный капитализм, последняя мыслимая форма капитализма» [1])

Исходя из всей своей концепции империалистической эпохи, тов. Бухарин не мог, конечно, согласиться с политикой партии в эпоху Брест-Литовска, политикой, которая строилась на основе реальной обстановки как в Советской России, так и в капиталистических странах. В этот период на страницах органа «левых» коммунистов «Коммунист», т. Бухарин продолжал развивать свои прежние взгляды. Так, например, в одной из статей, он снова указывал, что в эпоху государственного капитализма имеет место «государственное регулирование производства, уничтожение производственной анархии, уничтожение вольного рынка, учет и контроль со стороны государственных органов...» [2]). И если затем, тов. Бухарин должен был признать свои «левые» ошибки в этот период, то в отношении своих теоретических взглядов он остался на своей прежней позиции.

Поэтому выступая на VIII с'езде партии по вопросу о программе т. Бухарин предлагал «вычеркнуть из программы все то, что говорилось о старом капитализме» [3]).

Переоценивая организованность финансового капитала, отрицая, что монополистический капитализм непосредственно связан со старым капитализмом, тов. Бухарин, конечно, не мог согласиться с тов. Лениным, что «финансовый капитализм есть какая-то надстройка над капиталистическим обществом, что свободная конкуренция является реальной сутью дела, а над ней какая-то финансово-капиталистическая скорлупа» [4]). Поэтому, он подчеркивал в своем заключительном слове: «Разве скорлупа или надстройка может быть коренным или основным, ясно, что это — д в а   п о н я т и я, исключающие друг друга» [5]).

---

[1]) Стенограф. отчет VI с'езда РСДРП(б), изд. «Коммунист», 1919 г., стр. 92. (Разрядка наша. *М. И.*).

[2]) «Коммунист», 16/X—1918 г.

[3]) Формулировка тов. Ленина в его речи на VIII с'езде партии. Собран. соч. (первое изд., т. XVI, стр. 112).

[4]) Заключительное слово тов. Бухарина по вопросу о программе партии. Стеног. отч. VIII с'езда РКП(б). Изд. Коммунист. Москва, 1919 г., стр. 93.

[5]) Там же. (Разрядка наша. *М. И.*)

Ленин подверг сокрушающей критике всю теоретическую концепцию Бухарина, и с'езд, как известно, не согласился с бухаринской точкой зрения. В период окончания гражданской войны, в период перехода к мирному хозяйственному строительству, тов. Бухарин сделал попытку теоретизации «экономики переходного периода». Мы не входим здесь в обсуждение его теоретической концепции переходного периода. Но она в известной степени базировалась на разобранном нами выше понимании т. Бухариным империалистической эпохи, как эпохи «сплошного» «чистого» империализма. Именно поэтому переходный период рисовался тов. Бухарину в весьма упрощенном и своеобразном виде. Между тем еще Ленин указывал, что «Если перед нами был бы цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, н а ш а   з а д а ч а   б ы л а   б ы   в о   с т о   т ы с я ч   р а з   л е г ч е. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. Развитие в действительности таково, что приходится поступать совершенно и н а ч е» [1]) И, конечно, вся политика партии, политика нэпа и являлась принципиально другой политикой «переходного периода», чем та, которую наметил тов. Бухарин в «экономике переходного периода». Вполне понятно, что для того, чтобы обосновать свою концепцию переходного периода, необходимо было еще раз изложить свою теорию империализма. В первых главах «Экономики переходного периода», мы и находим четкое изложение взглядов тов. Бухарина на современную эпоху, взглядов, повторяющих в основном всю его старую концепцию организованного капитализма. «Ф и н а н с о в ы й   к а п и т а л, писал т. Бухарин, уничтожил анархию производства внутри капиталистических стран. Монополистические союзы предпринимателей, комбинированные предприятия и проникновение банкового капитала в промышленность создали новый тип производственных отношений, превратив неорганизованную товарнокапиталистическую систему в финансово-капиталистическую о р г а н и з а ц и ю» [2]). И дальше тов. Бухарин описывает созданную им самим картину современного капитализма, лишенную всех тех черт в действительности, присущих капиталистическому строю. Достаточно привести несколько известных цитат, чтобы показать, что описываемый товарищем Бухариным капитализм имел мало общего с действительным положением вещей. «Капиталистическое народное хозяйство, писал тов. Бухарин, — превратилось и з   и р р а ц и о н а л ь н о й   с и с т е м ы   в   р а ц и о н а л ь н у ю   о р г а н и з а ц и ю, из безсуб'ектного хозяйства в хозяйствующий суб'ект [3]) и дальше: «меновая связь, выражающая о б щ е с т в е н н о е разделение труда и разрыв общественно-производственной организации на самостоятельные капиталистические «предприятия», заменяется т е х н и ч е с к и м разделением труда внутри организованного «народного хозяйства» [4]).

Наконец, «пределом данной тенденции, является превращение всего «народного хозяйства» в абсолютно сплоченный «к о м б и н и р о в а н н ы й   т р е с т», где все отдельные «предприятия» перестали быть предприятиями, а превратились лишь в отдельные мастерские, в о т д е л е н и я этого треста, где, следовательно, о б щ е с т в е н н о е разделение труда превратилось в его т е х н и ч е с к о е разделение, и где все хозяйство стало абсолютно единым предприятием с о о т в е т с т в у ю щ е й   г р у п п ы   м и р о в о й   б у р ж у а з и и. Общим организационным принципом этой формы капитализма, было

---

[1]) Ленин, собран. соч. (первое изд.), т. XVI, стр. 115. (Разрядка наша. *И. М.*)

[2]) Н. Б у х а р и н, «Экономика переходного периода». Москва, 1920 г., стр. 10. (Разрядка всюду тов. Бухарина).

[3]) Там же, стр. 14.

[4]) Там же, стр. 11.

соподчинение всех экономических организаций (и не только экономических) буржуазии ее **государству**[1]).

В свете всего предыдущего изложения становится вполне понятным последнее выступление тов. Бухарина по вопросам организованного капитализма. В период 1915—1920 гг., говоря о военном государственном капитализме, тов. Бухарин считал, что налицо имеется только тенденция, которая не получит своего окончательного развития в виду грядущего краха всей капиталистической системы в самом ближайшем будущем. Уже в упомянутой выше статье «К теории империалистического государства», тов. Бухарин, дав вышеприведенную характеристику организованного капитализма, писал, — что это только лишь тенденция,—«недалекое будущее, если только не произойдет социальной катастрофы раньше, чем сложится чистый тип, нарисованных выше экономических отношений[2]). И в другом месте тов. Бухарин указывал, что если не произойдет социальной катастрофы, есть «много шансов», что «капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего развития и притом **в высшей более централизованной форме**, чем до сих пор»[3]).

Теперь, «третий период» развития послевоенного капитализма, в котором правые и примиренцы видят лишь успехи капиталистического хозяйства, рост технических достижений, вполне понятно, что тов. Бухарин на этот капитализм переносит все те черты, которые он считал характерным для государственого капитализма эпохи 1915—1920 гг. Не даром в его статьях в «Правде», он говорит о том, что мировой капитализм переживает теперь второй тур развития тенденций государственного капитализма, что «теперешний государственный капитализм растет на новом базисе»[4]). Теперь государственный капитализм, по мнению товарища Бухарина, является более высокой формацией, ибо если раньше это был государственный капитализм «**осажденной капиталистической крепости**», (военно-государственный капитализм)», то теперь этот государственный капитализм «растет как «нормальная» капиталистическая система»[5]). Поэтому и все черты государственного капитализма получают теперь еще более четкий, более развернутый характер. «Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становится все более проблемами **мирового** хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации[6]).

И дальше, т. Бухарин указывает, «организационная проблема, проблема наилучшей при данных условиях «оптимальной» организации и при том в масштабах, выходящих далеко за пределы частного хозяйства, все больше и больше становится на первый план... Поскольку речь идет не о мировом хозяйстве, а о «национальных» капиталистических организмах, все ярче и отчетливее пробивается тенденция к рационализации хозяйственного процесса... Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации»[7]).

Так же, как и раньше тов. Бухарин считает, что теперешний этап развития государственного капитализма «означает замирание конкуренции внутри капиталистической страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами»[1]).

[1]) Там же, стр. 30.
[2]) «Революция права», цитир. изд., стр. 25.
[3]) «Экономика переходного периода», стр. 40. (Разрядка наша. *М. И.*
[4]) Н. Бухарин, «Теория организованной бесхозяйственности». «Правда» от 30/VI 1929 г.
[5]) Там же.
[6]) Н. Бухарин, «Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии». «Правда», 26/V 1929 г.
[7]) Там же.

Таким образом, «рецидив» бухаринской теории организованного капитализма является логическим следствием всей его старой концепции империалистической эпохи. Если в первый период его теоретические положения вели к «левым» ошибкам, то теперь они ведут к правым ошибкам и фактически сближаются с новейшими социал-демократическими теориями организованного капитализма, новейшими откровениями мировой социал-демократии. Но в этом и состоит диалектика всех ошибок и уклонов от партийной линии. Независимо от того, являются ли они правыми или «левыми», они вытекают всегда не из марксистских, не из ленинских, а из мелкобуржуазных теоретических предпосылок.

II.

Прежде чем перейти к критическому разбору вышеизложенной бухаринской теории организованного капитализма, необходимо хотя бы бегло рассмотреть социал-демократические теории современного этапа развития капитализма, для того, чтобы показать, те ясные нити, которые вольно или невольно тянутся от бухаринской концепции к теории социал-демократии. Не представляется возможным точно установить дату возникновения социал-демократических теорий организованного капитализма. Нужно сказать, что уже первые буржуазные исследователи новейших концентрационных процессов в народном хозяйстве высказывали гипотезу о возможности уничтожения свойственной капитализму анархии производства, благодаря картелям и трестам. Так, один из первых исследователей картелей Клайнвехтер писал: «Мыслимо слияние картелей и различных предприятий в единое гигантское предприятие. Благодаря этому будет создано регулирование общего производства в зависимости от общего спроса и будут устранены таким путем кризисы перепроизводства и задаржки сбыта»[2]).

Задолго до войны у всех оппортунистов и ревизионистов, начиная с Бернштейна, проскальзывали тенденции переоценивать организационные способности капитализма и выставлять положение о возможности планового хозяйства при капиталистическом строе. Однако, в своем современном виде, социал-демократическая теория организованного капитализма появляется только начиная с 1923—24 года. Это вполне понятно. Непосредственный послевоенный период развития капитализма был даже в оценке буржуазных и социал-демократических теоретиков периодом «развала капитализма». После же поражения пролетариата в Германии в конце 1923 года, капитализм начал несколько выкарабкиваться из трясины полного развала. И социал-демократы не преминули эти первые попытки капитализма к восстановлению своего прежнего положения об'явить совершенно новым этапом развития капитализма. Именно с тех пор они не перестают петь дифирамбы «организационным» способностям послевоенного капитализма.

Уже в одной из популярных социал-демократических работ, изданных в 1923 году, указывалось, что современное «капиталистическое хозяйство, не ограничиваясь акционерными обществами, дает начало социалистической форме: государственному капитализму, который с одинаковым правом можно назвать государственным социализмом[3]).

Но, как известно, наиболее четкую формулу организованного капитализма дал Гильфердинг в первом номере, начавшего выходить в 1924 г. журнала «Гезельшафт». В этой хорошо известной статье—«Проблемы нашего

[1]) Там же.
[2]) Kleinwächler, «Die Kartelle», 1883, стр. 46.
[3]) «Die Theorie des modernen Socialismus», V. Rudolf Abraham, 1923, стр. 117.

времени»,—Гильфердинг указывал, что новейшие процессы концентрации означают «переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному» [1]). Однако тогда еще Гильфердинг был сравнительно осторожен. Положение капитализма было еще не таково, чтобы даже социал-демократу представлять его в слишком радужном свете. Гильфердинг указывал далее, «что растущий сознательный порядок и руководство в хозяйстве стремится преодолеть на капиталистической основе анархию, имманентную капитализму свободной конкуренции. Если бы эта тенденция могла беспрепятственно проложить себе дорогу, мы имели бы в результате хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме» [2]).

Здесь, таким образом, вопрос идет еще о тенденциях, о возможности создания организованного капитализма. Однако, в дальнейшем, Гильфердинг выступает уже с открытым провозглашением новой фазы в развитии капитализма. В своем выступлении на конференции Союза социальной политики в Вене в 1926 году, Гильфердинг уже солидаризируется со взглядами яркого апологета капитализма проф. Гармса, который отрицал высказываемые тогда некоторыми буржуазными учеными опасения о «закате капитализма», и подчеркивал, что капитализм переживает начало своего возрождения. Гильфердинг тогда уже указывал что «в настоящее время капитализм создает организованное хозяйство, в котором большие концерны охватывают целые промышленные отрасли, переходят границы отдельных народных хозяйств и руководят производством» [3]). По мнению Гильфердинга, эта новая фаза капитализма «облегчает» переход к социализму. «Перед нами стоит проблема — говорил Гильфердинг — как это уже без того организованное хозяйство перевести из его иерархической формы в другую, демократическую форму. Для этой задачи мы должны иметь цветущий, а не обедневший декадентский капитализм, так как для наследников очень приятно, когда его наследователь возможно богаче» [4]).

Тут уже довольно ясно выступает характер и цель новой социал-демократической концепции. Социал-демократам необходимо доказать принципиально новый характер современного капитализма для того, чтобы построить теорию врастания капитализма в социализм. В также хорошо известном выступлении Гильфердинга на С'езде германской социал-демократической партии в Киле, в 1927 г. эта концепция была выражена достаточно четко: «организованный капитализм, говорит Гильфердинг, означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства» [5]). За последние годы теория организованного капитализма становится неот'емлемой частью всех социал-демократических программ и резолюций социал-демократических с'ездов, с'ездов реформистских профсоюзов и II Интернационала. Так, на с'езде германских профсоюзов осенью 1928 года докладчик по вопросу международного экономического положения подчеркивал: «важнейшим явлением последних десятилетий, а особенно последних лет, является изменение капитализма от хозяйства свободной конкуренции к хозяйству монополистической организации» [6]). Можно было бы привести бесчисленное множество цитат из статей и речей современных реформистов и в этом отношении нет никакой принципиальной разницы между «правыми» и «левыми» социал-демократами. Те и другие защищают положение, что капитализм находится не в периоде заката, а что наоборот, он переживает новый под'ем, переживает новую, высшую форму организованного капитализма. Эта мысль выразил в свое время небезызвестный русский меньшевик Биншток, который в настоящее время является одним из «авторитетов» германской социал-демократии по вопросам мирового хозяйства. «Мир», писал Бинншток, «находится не в конце, но в середине, а может быть и в начале могущественного процесса индустриализации. Прежде всего это относится к таким колоссальным хозяйственным областям, как Россия, (!!!), Китай и Индия, население которых вместе составляет почти половину человечества» [1]).

[1]) Probleme der Zeit. Die Gesellscheft, 1924, № 1.

[2]) Там же.

[3]) Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik in Wien, 1926. 172 Band. Leipzig стр. 112.

[4]) Там же, стр. 115.

[5]) Protokolle d. socialdemokratischen Parteitag. 1927, in Kiel, Berlin, 1927, стр. 178.

[6]) Protokolle der Verhandlung des 13 Kongress der Gewerkschafte Deutschlands, Hamburg, 3—7 Sept., 1928 г., стр. 175.

Наконец, «авторитетнейшее» раз'яснение по вопросу о современном положении капитализма дал в своей резолюции последний Брюссельский конгресс II Интернационала: «Послевоенное десятилетие»,—читаем мы в одной из резолюций,—«характеризуется гигантским развитием могущественных монополистических организаций. Во все возрастающем числе отраслей производства индивидуалистический капитализм свободной конкуренции вытесняется организованным капитализмом» [2]). Сказанного достаточно, чтобы уяснить теоретическую концепцию современной социал-демократии. В ее основу положена мысль, что современная стадия развития монополий привела к тому, что капитализм из его анархической, бесплановой структуры перешел в новую фазу, фазу организованного капитализма с плановым регулированием, с уничтожением конкуренции и связанной с ней анархией производства. Вместе с тем, этот этап развития капитализма характеризуется усилением госкапиталистических тенденций. Сравнивая эту характеристику современного этапа капитализма, мы видим удивительное внешнее совпадение ее с характеристикой новейшей фазы капитализма, даваемой тов. Бухариным. И в том и в другом случае в основу характеристики новейшей фазы капитализма кладется уничтожение конкуренции, преодоление анархии, замена неорганизованного капитализма организованным.

Правда, для социал-демократии теория оргнизованного капитализма нужна, как своего рода подсобная концепция для двух других теорий, являющихся краеугольными теориями современного оппортунизма. Это: теория «хозяйственной демократии» и теория мирной фазы развития мирового капитализма, она же теория ультра-империализма. Мы уже указывали, что Гильфердинг из своей теории организованного капитализма делал вывод о возможности мирного врастания современного капитализма в социализм, поскольку организованный капитализм означает «принципиальную замену капиталистического принципа... социалистическим». «Хозяйственная демократия» именно должна явиться магическим средством для безболезненного перехода капитализма в социализм. Одним из творцов теории хозяйственной демократии является сотрудник буржуазной «Франкфуртер Цейтунг» Фритц Нафтали, который выпустил специальную работу о хозяйственной демократии. Наиболее интересно его определение демократизации хозяйства, которое он характеризует как «отстранение всякого господства и передачу руководящих органов хозяйства из органов капиталистических интересов в органы всего общества» [3]). И вот, вопреки самым ясным фактам, вопреки бьющей глаза действительности, реформисты считают, что развитие современного капитализма ведет как раз к этой «демократизации» хозяйства. В резолюции

[1]) G. Binstock Einleitung in die Weltwirschaft., Berlin, 1927, стр. 161.

[2]) Protokolle des Dritten Kongress der Socialistischen Internationale. Brussel, 1928, IX—20 Zweiter Band.

[3]) Fr. Naftaly. Wirtschaftsdemokratie. Berlin, 1928, стр. 21.

Гамбургского конгресса германских профсоюзов мы читаем следующие великолепные положения: «Современное развитие ясно ведет от единичного капиталистического предприятия к организованному монополистическому капитализму... В ногу со все более ясно видимыми структурными изменениями капитализма идет демократизация хозяйства... Демократизация хозяйства ведет к социализму» [1]). Здесь, перед нами весьма краткая, но в то же время весьма красочная картина «врастания в социализм». Под влиянием, каких обстоятельств, однако, происходит, по мнению социал-демократов эта «демократизация» с о в р е м е н н о г о капитализма. На этот вопрос дал уже несколько лет тому назад ответ Гильфердинг, подчеркивавший огромное значение государства в деле регулирования хозяйственной жизни капитализма. «Мы имеем», писал Гильфердинг, «организованное хозяйство, которое в растущей мере подвергается сознательному организованному воздействию с о с т о р о н ы о б щ е с т в а, с о с т о р о н ы г о с у д а р с т в а...» [2]).

Государство же, по новейшей концепции социал-демократии, может быть благодаря демократии подчинено воле широких масс населения и проводить политику в интересах последних. Гильфердинг следующим образом, на с'езде в Киле формулировал задачи социал-демократии: «нашему поколению поставлена задача преобразовать с помощью государства, с помощью сознательного общественного регулирования это организованное и руководимое к а п и т а л и с т а м и хозяйство в хозяйство, руководимое д е м о к р а т и ч е с к и м г о с у д а р с т в о м. Отсюда следует, что проблема, поставленная нашему поколению, не может быть ни чем и н ы м, к а к с о ц и а л и з м о м» [3]). Получается, таким образом, весьма стройная теория, которая может быть кратко формулирована следующим образом: послевоенная концетрация привела к организованному капитализму и сращиванию последнего с государством. Современное государство есть государство демократическое, выполняющее волю широких масс трудящихся. Последние могут, таким образом, пользуясь своим влиянием на государство преобразовать мирным путем «капиталистически организованное хозяйство» в «социалистически организованное».

Вместе с тем, по мнению современных реформистов хозяйственная демократия проявляется и в том, что рабочие приобретают все большее влияние, через фабзавкомы, благодаря рабочему законодательству, благодаря вмешательству профсоюзов и т. д. на капиталистические предприятия, осуществляя своего рода совместное участие с предпринимателями в области совместного руководства капиталистическим предприятием. Следовательно, как бы с двух сторон происходит процесс «демократизации» хозяйства, процесс постепенного врастания в социализм. С одной стороны, «демократическое государство» все сильнее подчиняет себе капиталистические предприятия, с другой—непосредственно снизу рабочие все больше контролируют в своих интересах деятельность капиталистических предприятий. Мы не будем останавливаться на опровержении этих новейших откровений социал-демократии. Они подвергались у нас уже достаточной критике, которая доказала полную несостоятельность всей этой теории. Никто иной, как Каутский, когда он был еще марксистом, издевался над теориями видящими в росте монополистических организаций постепенное врастание в социализм.

«То что «реформистам» кажется мирным врастанием в социализм, есть лишь рост силы обоих противоположных классов, которые стоят друг против друга в непримиримой борьбе... Врастание в социализм есть только другое

[1]) Protokolle etc., стр. 21.
[2]) G i l f e r d i n g, Probleme der Zeit. (разрядка наша. *М. И.*).
[3]) Protokolle etc. (разрядка наша. *М. И.*).

выражение п о с т о я н н о г о о б о с т р е н и я классовых противоречий, врастание в эпоху великих и решительных классовых битв, которые мы называем социальной революцией» [1]). Хорошо писал Каутский 20 лет тому назад!

Тов. Бухарин из своей теории организованного капитализма, не делает вывода о возможности примирения классовых противоречий. Однако, известно, что в свое время правые в Коминтерне (Брандлер, Тальгеймер и др.), исходя из неправильной оценки стабилизации, преувеличивая успехи последней и не понимая наступательного характера теперешних революционных боев пролетариата, выступали с лозунгом «рабочего контроля». По сути говоря, лозунг рабочего контроля сводится к той же идее, что и «хозяйственная демократия». В основе той и другой лежит совершенно неверное представление о возможности для рабочих оказывать какое-либо влияние на управление предприятием в условиях капиталистического строя. Всем, известно, что Ленин категорически подчеркивал, что рабочий контроль возможен л и ш ь в у с л о в и я х д и к т а т у р ы п р о л е т а р и а т а.

Участие рабочих в контроле над промышленными предприятиями в условиях капиталистического строя «есть лучший способ надувания рабочих буржуазией, лучший способ утонченного подкупа в политическом смысле» [2]). И далее, Ленин подчеркивал: «когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда р я д о м с диктатурой пролетариата, всегда в с л е д за ней, то мы раз'ясним этим о каком государстве идет речь» [3]).

Таким образом, одна и та же ошибочная переоценка «организованности» капитализма, переоценка возможностей государственного вмешательства при капитализме, ведет к неправильным политическим выводам и в отношении определения задач рабочего класса.

Как мы уже указывали, социал-демократы на основе своей теории организованного капитализма, строят утверждение о наступлении мирной фазы в развитии мирового капитализма. Эта теория ни что иное, как законченный вариант знаменитой теории ультра-империализма Каутского. Как известно, Каутский выступил с этой теорией уже в начале войны. Он указывал тогда на возможность того, что «теперешняя империалистическая политика может быть вытеснена новой ультра-империалистической, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплоатацию мира интернационально-об'единенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» [4]).

Через несколько лет Каутский писал по этому вопросу уже с гораздо большей определенностью. «Ни в коем случае, указывал он, не исключена возможность, что теперешняя война уже кончится тем, что империалисты руководящих великих держав обоих лагерей сговорятся о совместном разделе и эксплоатации мира» [5]).

Свое утверждение о возможности наступления новой эры в развитии империализма Каутский обосновывал в значительной мере «усиливающимся международным переплетением различных клик финансового капитала». Теперь теоретики организованного капитала выступают с той же теорией, которая, однако, получила уже большую оформленность и законченность. Если, по мнению социал-демократов, внутри капиталистических стран организованность капитализма достигла уже весьма высокой стадии развития, то эта организованность начинает перерастать национальные границы капиталистических стран. Выступая на последнем Брюссельском конгрессе II Интерна-

[1]) К а р л К а у т с к и й, «Путь к власти», Гиз, 1923 год, стр. 28—29. (разрядка наша *М. И.*).
[2]) Л е н и н, Собран. соч., издан. 1-ое, т. XIV, ч. II, стр. 230.
[3]) Там же.
[4]) «Neue Zeit» от 30-го апреля 1915 г., № 5, стр. 144.
[5]) «Neue Zeit» от 16 февраля 1917 г., № 20, стр. 473.

ционала, теперешний председатель американской социалистической партии Хилквит указывал: «гигантский рост трестов и монополий начинает разбивать национальные рамки и создает интернациональные экономические силы первостепенной важности» [1]).

Еще более определенно об этом пишет Нафтали: «От развития картелей, синдикатов и трестов в отдельных странах ведет прямой путь к международному переплетению предпринимательских организаций и гигантских предприятий» [2]).

Гильфердинг придает международному переплетению капитала такое значение, что считает его одним из основных элементов организованного капитализма. И так же как в свое время Каутский, теперешние вожди социалдемократии считают, что это международное переплетение капитала, «организация» капитализма в мировом масштабе неизбежно ведет к устранению опасности войн, к уменьшению конкуренции между империалистическими государствами. В одной из своих статей, озаглавленных «Реалистический пацифизм» Гильфердинг прямо подчеркивает: «ложно утверждение, будто сама капиталистическая конкуренция должна вести к противоречиям между государствами» [3]).

Наконец, сам родоначальник теории ультра-империализма Каутский недавно снова выступил с утверждением о наступлении новой мирной эпохи империализма. «Мы, как раз вступили в период международной организации финансового капитала, в период международных картелей и трестов, и они оказывают влияние на внешнюю политику великих держав... Финансовые капиталисты знают теперь другие, менее дорогие и менее опасные, методы для реализации своих стремлений, чем войны между великими державами» [4]).

Все сказанное показывает, что новейшая теория социал-демократии сводится к тому, что наступил новый период организованного капитализма, исключающий неизбежность войн между империалистическими странами и являющийся фазой мирного развития империализма. И также, как внутри страны, по мнению реформистов, организованный капитализм все больше подвергается контролю со стороны демократии, так и в мировом масштабе возможно создание демократического контроля над международными капиталистическими организациями, для каковой цели возможно приспособить Лигу Наций.

На первый взгляд имеется явное различие между концепцией организованного капитализма тов. Бухарина, теорией организованного капитализма в отдельной стране, и социал-демократическими теориями организованного капитализма, охватывающего весь мир и незнающего ни внутренних, ни внешних противоречий.

Однако, если встать на точку зрения тов. Бухарина, то этим чрезвычайно ослабляется возможность критики социал-демократических теорий «организованного» капитализма в мировом масштабе. Ведь что означает бухаринская концепция? Она означает, что на мировом рынке сталкиваются крайне немногочисленные, могущественные государственно-монополистические тресты [5]). Немногочисленность числа участников международной конкретной борьбы является одной из предпосылок для того, чтобы между этими конкурентами было достигнуто соглашение.

---

[1]) Protokolle, zweiter Band, VI, 27.
[2]) Fr. Naftaly, Wirtschaftsdemokratie, 1928, стр. 22.
[3]) Die Gesellschaft, 1924.
[4]) Karl Kautsky, Wehrfrage und Socialdemokratie, 1928, стр. 17.
[5]) Например в одной из последних работ «Империализм и накопление капитала» тов. Бухарин подчеркивает, что на мировом рынке «суб'ектами концентрации являются уже не отдельные предприниматели и не отдельные тресты, а консолидированные государственно-капиталистические тресты, т.-е. организованные буржуазией, народно-хозяйственные тела. (Цит. соч., стр. 128).

Ведь уже элементарная теория концентрации учит, что чем меньше число капиталистических предприятий, тем больше шансов, что между ними будет достигнуто соглашение. Действительно, на практике международные соглашения чаще всего создаются тогда, когда имеется на лицо прочное национальное об'единение. Так электрическая промышленность, на международную переплетенность которой указывал еще Ленин, издавна организована была могущественными национальными трестами и это повело к созданию в этой отрасли прочных международных картелей и трестов. Наоборот, в угольной промышленности, которая в важнейшей стране добычи — Англии находилась на чрезвычайно низкой ступени концентрации, никогда не удавалось организовать прочных международных соглашений. И обычно указывается, что причина неудачи организации международных угольных об'единений лежит в наличии многочисленных мелких самостоятельных предприятий в Англии.

Это прекрасно понимают и социал-демократы, которые свою теорию международной организации капитализма выводят также из предпосылки высокой степени организованности капитализма в каждой отдельной стране. Так, упоминавшийся нами меньшевик Бинщток, следующим образом излагает условия способствующие образованию «интеримпериалистических союзов». Новая структура капитализма сводится по его мнению «к регулированию производства и цен, к исключению конкуренции между отдельными капиталистами одной и той же страны и выступлению их во вне, как единое целое» [1]). Отсюда, подчеркивает Бинщток, «создаются необходимые предпосылки для того, чтобы эти национальные, борющиеся друг с другом, капиталистические организации пришли к соглашению об экономической эксплоатации мира» [2]). Отсюда только один шаг к тому, что «конкуренция на мировом рынке будет ограничена, будет происходить распределение рынков сбыта товаров, экспорт капитала будет производиться по взаимному соглашению, другими словами— капиталистическое мировое хозяйство организуется» [3]).

Известную неувязку в своей теории чувствовал и сам тов. Бухарин, когда он впервые в развернутом виде создал свою концепцию. В одной из упомянутых выше статей, журнала «Спартак» в 1917 году, тов. Бухарин после того, как он изложил свою концепцию замирания конкуренции внутри страны, замечает: «как это ни странно, но организация внутри страны влечет за собой обострение анархической конкуренции между странами» [4])

В другом месте, тов. Бухарин сам должен был признать, что наличие государственно-капиталистических трестов создает тенденцию к соглашению между ними.

В этом отношении чрезвычайно характерна следующая цитата из «Экономики переходного периода»: «Нам следует упомянуть, указывает тов. Бухарин, говоря об основных тенденциях к организации капиталистической системы, также о синдикатах государственно-капиталистических трестов, о своеобразных синдикатах «второго порядка», которые своими составными частями имеют государственно-капиталистические тресты. Таковы государственные «коалиции», такова «Лига Наций». Предпосылки для этих организаций были созданы финансово-капиталистическими связями, общей суммой взаимного «участия»... Здесь тенденция к организации выступает за пределы от-

---

[1]) G. Binstock, Einleitung in die Weltwirtschaft. Berlin, 1927, стр. 152.
[2]) Там же, стр. 152.
[3]) Там же, стр. 153. (Разрядка наша. *М. И.*).
[4]) Н. Бухарин, «Крушение капитализма, «Спартак», № 10, 1917 г., стр. 7. (Разрядка наша. *М.И.*).

дельного государства. Следовательно, в этих попытках капиталистического мира организующий процесс нашел свое высшее выражение» [1]).

Из таких же предпосылок, как мы видели выше социал-демократы выводят свою теорию ультра-империализма. Поэтому, если теория т. Бухарина говорит лишь об «организации» капитализма внутри отдельных стран, она, благодаря неправильному пониманию структуры современого капитализма, дает оружие в руки прямых защщитников социал-демократической теории империализма и пробивает брешь в ленинской критике «ультра-империализма».

III.

Мы разобрали теорию тов. Бухарина о «замирании конкуренции внутри страны» и теорию «организованного» капитализма современной социал-демократии. И если наши правые не делают из своей теории таких широких оппортунистических выводов, то логическая порочность, лежащая в основе обоих теорий организованного капитализма, неизбежно ведет к одним и тем же ошибочным, по существу глубоко реформистским выводам. И, поскольку та другая теория базируется на концепции о том, что новейшая фаза развития капитализма ведет к уничтожению конкуренции, к уничтожению анархии производства, разоблачение ложности основы этой теории неизбежно должно повести к крушению всех надстроек («хозяйственная демократия», ультра-империализм и т. д.), возведенных над теорией организованного капитализма.

Мы указывали, что Ленин уже в самом начале войны выступал против бухаринской концепции «чистого» империализма. В период 1917—18 гг., как известно, Владимир Ильич с достаточной ясностью подчеркивал неправильность концепции, что монополистический капитализм уничтожает все остатки промышленного капитализма, уничтожает конкуренцию. Наоборот, Ленин настойчиво указывал, что «Соединение противоречащих друг другу начал конкуренции и монополии и существенно для империализма» [2]).

В этой диалектической постановке проблемы монополистического капитализма Ленин целиком опирался на взгляды Энгельса и Маркса. «Монополия», писал Энгельс, «не может остановить поток конкуренции, мало того она сама порождает конкуренцию, в роде того, как запрещение ввоза или ввозные пошлины как раз порождают конкуренцию контрабанды» [3]). Еще более четко эту же мысль выразил Маркс в полемике с Прудоном: «В практической жизни, поучает Маркс Прудона, мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкурирующие становятся монополистами. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частичных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими; и чем более растет масса пролетариев по отношению к монополистам данной нации, тем разнузданнее становится конкуренция между монополистами различных наций. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу» [4]).

Критика Лениным бухаринских теорий неоднократно уже излагалась в нашей печати, поэтому нет надобности подробно на ней останавливаться. Мы уже указывали, что Ленин всегда подчеркивал связь монополистической

---

[1]) Н. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 35—36 (разрядка

[2]) Ленин, Собр. соч., 2-ое изд., т. XV, стр. 297.

[3]) Ф. Энгельс, «Очерки критики политической экономии». Собр. соч. т. II, стр. 308, 1929 г.

[4]) Карл Маркс, «Нищета философии», Гиз, 1928 г., стр. 144.

эпохи с предыдущей эпохой промышленного капитализма. Представление о том, что при империализме совершенно уничтожаются все остатки до-монополистической эпохи, Лениным категорически опровергалось. «Империализм», писал Ленин, «является продолжением развития капитализма, его высшей стадией. На самом деле империализм не перестраивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, спутывает со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренций, кризисов, и т. д. империализм не может» [1]).

Это определение попадает не в бровь, а в глаз всем тем, которые доказывают возможность устранения «организованным» капитализмом конкуренции, рыночных отношений и т. п.

Известно, что Ленин еще с большей определенностью выступил по вопросам конкуренции и монополии на VIII с'езде партии при обсуждении партийной программы. Достаточно напомнить, что Ленин подчеркивал, что «никогда в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать» [2]). Это положение вытекало из того, что как подчеркивал Ленин, «Империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом» [3]). Поэтому «чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет» [4]). Поэтому-то и Ленин отвергал проект программы, защищаемый тов. Бухариным. «Если написать программу», говорил Ленин, «так как хотел тов. Бухарин, эта программа будет неверна. Она будет пожалуй воспроизводить лучшее, что сказано о финансовом капитализме и империализме, но не воспроизведет действительности, потому что в этой действительности как раз такой цельности нет» [5]). В этом сочетании конкуренции и монополии Ленин видел основное противоречие империалистической эпохи, противоречие подготовляющее крах капитализма. Говоря о критике Каутским империализма, Ленин подчеркивал «что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой и т. д.» [6]). И в другом месте Ленин указывал, что это противопоставление конкуренции и монополии «именно... подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию» [7]).

Цитат из высказываний Ленина можно было бы привести еще без конца, но и вышеприведенные с исчерпывающей ясностью показывают, как Ленин относился к возможности создания капитализмом организованного хозяйства. Было бы, конечно, в корне ошибочным сделать из всего сказанного выше вывод, что Ленин недооценивал роль монополии в современную эпоху капитализма. Ведь ни кто иной, как Ленин, подчеркивал, что настоящая эпоха характеризуется «сменой свободной конкуренции монополистическим капитализмом» [8]). В пылу полемики отрицать то значение, которое Ленин придавал всевозможным формам монополистических союзов, это значило бы вместе с водой выплеснуть и ребенка. (Подобная ошибка случилась

---

[1]) Ленин, Материалы к пересмотру партийной программы. Собр. соч., 2-ое изд., т. XX, стр. 297 (разрядка наша. *М. И.*).

[2]) Ленин, Собр. соч., (1-ое изд.), т. XVI, стр. 114.

[3]) Там же.

[4]) Там же, стр. 112.

[5]) Там же, стр. 113.

[6]) Ленин, Собр. соч. (2-ое изд.), т. XV, стр. 297.

[7]) Ленин, Собр. соч. (1-ое изд.), т. XIV, ч. I, стр. 121.

[8]) Ленин, Собр. соч., (2-ое изд.), т. XIV, стр. 293. Материалы к пересмотру парт. программы.

у тов. Борилина в его статье еще в 1925 г. «Под Знаменем Марксизма» № 5—6 за 1925 г.). Ленин также подчеркивал значение усилившихся госкапиталистических тенденций на последнем этапе развития империализма. «Империалистическая война», писал Ленин, «есть канун социалистической революции... Потому что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [1]). Однако, для Ленина монополистический капитализм, даже в его высшем выражении государственно-монополистического капитализма, никогда не переставал быть капитализмом со всеми свойственными последнему чертами анархии производства, бесплановости, рыночных отношений и т. д. Наоборот, чем на более высшую ступень поднимался капитализм, тем больше обострялись свойственные ему противоречия, которые должны неизбежно повести к взрыву капиталистической системы.

Отрицая возможность организованного капитализма, Ленин, конечно, не мог допустить возможности создания длительного соглашения между капиталистами в масштабе всего мирового хозяйства. Вот почему Ленин с особенной беспощадностью критиковал ультра-империалистические взгляды Каутского. Именно Ленин неоднократно подчеркивал, что «ультра-империалистические союзы в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистической коалиции против другой империалистической коалиции, или в форме всеобщего союза всех империалистических держав—являются неизбежно лишь «передышками» между войнами» [2]). Особенно Ленин подчеркивал несостоятельность тезиса о том, что финансовое переплетение капитала может привести к уничтожению противоречий между империалистическими державами. «Международно-переплетенный капитал,—писал Ленин—дает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению—значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их» [3]).

Если, таким образом, теории организованного капитализма, в их различных вариантах, в корне противоречат ленинской теории монополистического капитализма, то нужно еще подчеркнуть, что логически завершением теории организованного капитализма является возможность организации в условиях капитализма всеобщего картеля или всемирного треста. Именно, такую возможность рисовал еще Гильфердинг в «Финансовом капитале», когда подчеркивал наблюдающуюся тенденцию к постоянному распространению картелирования. «В результате этого процесса—писал Гильфердинг—должен был бы получиться всеобщий картель. Здесь все капиталистическое производство регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картелями—магнатами, а с другой стороны,—между другими членами общества... вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги... это сознательно регулируемое общество в антагонической форме, но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано и потому необходимость денег миновала» [4]). Нужно при этом, однако, подчеркнуть, что Гильфердинг считал тогда, что всеобщий картель «был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом невозможным, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привела бы к его крушению» [1]). Теоретическую возможность создания организованного капиталистического общества в антагонистической форме допускал и т. Бухарин. Он писал что: «Можно себе представить «коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс об'единен в единый трест и где следовательно перед нами организованное, но в то же время антагонистическое, с точки зрения классов хозяйство» [2]). Справедливость требует отметить, что тов. Бухарин всюду подчеркивал, что в реальной действительности образование такого всеобщего треста было бы невозможно, поскольку «социально-политические причины не могли допустить даже образование такого всеохватывающего треста» [3]). Здесь, таким образом, против возможности организации капитализма на антагонистической основе выдвигаются социально-политические возражения. С экономической же стороны такая высшая форма организации капитализма вполне допускалась. Между тем, нужно указать, что приписывать капитализму возможность плановой организации хозяйства, это значит ставить на голову все учение Маркса о капитализме. Разве можно себе представить, исходя из теории Маркса, что изменяются условия производства и в то же время остаются неизменившимися антагонистические формы распределения. Ведь еще в «Введении к критике политической экономии» Маркс писал: «Система распределения вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства,—не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства, но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения — форму, в которой каждый принимает участие в распределении» [4]). Вместе с тем, при исчезновении товарного характера производства должна исчезнуть так же рабочая сила, как товар и вместе с тем исчезнет капиталистическая форма присвоения прибавочной стоимости. Следовательно, уничтожение обмена, уничтожение проблемы наемной рабочей силы должно вести к уничтожению и капиталистической системы. Капитализм без анархии производства, не есть капитализм, ибо, как подчеркивал и Ленин «Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства» [5]).

Если, таким образом, абсолютно немарксистской является теория об экономической возможности создания всеобщего треста, единого организованного мирового капитализма, то ясно, что и та стадия организации капитализма, которую рисуют современные теоретики организованного капитализма и которая фактически в оценке современных социал-демократов приближается к единому плановому капиталистическому хозяйству, является надуманной, несоответствующей действительности, противоречащей законам капиталистического развития. И, действительно, если мы посмотрим на фак-

---

[1]) Ленин, Грядущая катастрофа и как с ней бороться, т. XIV, ч. II, стр. 209.
[2]) Ленин, «Империализм», т. XIV (изд. 2-ое), стр. 168.
[3]) Ленин, Крах II Интернационала. Собр. соч., т. XIII, стр. 152.
[4]) Гильфердинг, Финансовый капитал. Петроград, 1918 г., стр. 346.

---

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 435.
[2]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», изд. 3-е, Гиз, 1928 г., стр. 82. (Нужно, правда отметить, что еще задолго до Гильфердинга и Бухарина подобную возможность рисовал и Туган-Барановский. «Представим себе,— писал он, — что роль акционерных компаний в связи с соединением их в союзы, картели и тресты поведет к полному исчезновению единоличных капиталистических предприятий и об'единению всего капиталистического производства в одно планомерно-организованное колоссальное, национальное предприятие». М. П. Туган-Барановский, «Современный социализм в своем историческом развитии». 1906 г., стр. 7.
[3]) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», «Московский Рабочий», 1927 г., стр. 133.
[4]) Маркс, «К критике политической экономии», Гиз, 1929 г., стр. 30.
[5]) Ленин, «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Собр. соч., 2-ое изд., т. XVIII, стр. 232.

тическую картину развития мирового капитализма даже за последний период, мы нигде не увидим полного замирания конкуренции, ни внутри капиталистических стран, ни на мировом рынке. Современные монополии лишь модифицировали формы конкуренции, но не смогли их уничтожить. В основном новейшие формы конкуренции сводятся:

1. К борьбе капиталистических предприятий внутри картелей. На эту форму конкуренции в свое время указывал и Гильфердинг. В новейшее время это обстоятельство особенно подчеркивал Шмаленбах [1]).

2. К борьбе между отдельными монополистическими предприятиями в одной и той же отрасли между собой. В этом отношении характерна, например, борьба между крупнейшими гигантами американской автомобильной промышленности: Фордом и Дженерал Моторс.

3. Конкуренция между трестами и картелями, с одной стороны, и «аутсайдерами»,—с другой. Как ни затруднено возникновение новых конкурирующих предприятий, высокие монопольные цены, в конечном счете, всегда вызывают появление конкуренции. В настоящее время чаще всего конкурентами выступают не вновь создаваемые предприятия, а другие существующие тресты, организующие у себя новые виды производства для конкуренции с трестами, занимающими до этого времени монопольное положение в производстве того или другого товара.

4. Борьба между монополистическими трестами, производящими заменимые товары. Например: конкуренция между производителями искусственного и натурального шелка, борьба между синтетическим азотом и чилийской селитрой и т. д.

5. Борьба между монополистическими об'единениями за бюджет потребителя. Известно, что в новейшее время этот вид конкуренции достигает огромной остроты. Ведь для того или другого треста чрезвычайно важно, чтобы потребитель имеющиеся у него сбережения истратил на покупку изделий именно данного треста (например, купил бы радиоприемник у Радиотреста, а не граммофон у Граммофононго треста).

Намеченными формами далеко не исчерпываются современные формы конкуренции. Конкретный фактический материал для иллюстрации вышеупомянутого положения можно было бы привести в изобилии [2]).

Из всей вообще правильной оценки Коминтерном «третьего периода», неизбежно должно следовать не *замирание* конкуренции, а ее *обострение*. Что является самым характерным для «третьего периода»? Это рост диспропорции между производством и покупательной способностью рынка. Этот рост диспропорции, безусловно, вызывает обострение борьбы за потребителя как на внутреннем, так и на внешнем рынке и, следовательно, к бешеному усилению конкуренции между производителями. Вот почему оценка современного этапа стабилизации абсолютно несовместима с представлением о *замирании* конкуренции в той или иной форме.

---

[1]) См. его статью «Скованный капитализм» в сборнике «Буржуазные ученые о закате капитализма», Гиз, 1929 г.

[2]) Например директор одного крупного американского банка указывает на пять видов новой конкуренции: 1) «вертикальная» конкуренция — между фабрикантами и оптовиками, оптовиками и розничниками и т. п.; 2) одни отрасли промышленности конкурируют с другими с целью не допускать товаров, могущих заменить друг друга; 3) конкуренция одной отрасли промышленности со всеми другими в целях получения наибольшей доли дохода и использования сокращающейся покупательной способности населения; 4) конкуренция одной местности с другой, охватывающая города, штаты и целые области; и 5) резкое обострение международной конкуренции. (Чез и Ф. Шлинк, Как расстрачиваются деньги потребителя, Гиз, 1928 г., стр. 30—41).

IV.

Теория «организованного» капитализма затушевывает самое центральное в ленинской концепции империализма: то, что монополистический *капитализм есть «загнивающий, умирающий капитализм»*. Если капитализм все время подымается на более высокую ступень развития, если он способен преодолеть внутри ли одной страны или в мировом масштабе свойственную ему анархию производства и ввести плановость, если буржуазия в состоянии создать организованное хозяйство, то из этого неизбежно должно следовать, что в современном капитализме заложено еще много прогрессивных элементов, что неизбежен еще длительный под'ем капитализма. Вот почему идеи организованного капитализма должны были родиться у тех, кто чрезвычайно оптимистично смотрит на будущее послевоенного капитализма, видя в нем лишь наличие технического прогресса, считая, что капитализм переживает чуть ли не «вторую промышленную революцию». И если от грубых социал-демократических апологетов капитализма перейти к правым в Коминтерне, то и здесь имеется ясная логическая связь между переоценкой организованности капитализма и неправильными взглядами на теперешнюю стабилизацию, «как крепкую и крепнущую». Из переоценки успехов капиталистического хозяйства вытекает и теория возможности мирного врастания капитализма в социализм. Раз капитализм уничтожил главнейшие свойственные ему противоречия, следовательно, принципиально это уже не капитализм, это уже есть некий переходный этап, этап к социализму. Эти теории, конечно, ничего общего не имеют с ленинским пониманием империализма, как последнего этапа капитализма. Монополии действительно создают все *предпосылки* для социалистического строя, но для того, чтобы эти предпосылки могли найти свое осуществление, капитализм, как таковой, должен быть взорван и уничтожен.

Из слишком оптимистической оценки мощи и организованности современного капитализма также неизбежно должны вытекать пессимистические взгляды в отношении возможности и условий революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах. Понятно, поэтому, что среди оппортунистов укоренилось мнение о том, что современные классовые бои носят *оборонительный*, чисто *экономический* характер. При этом, если придерживаться буквально точки зрения тов. Бухарина о том, что в настоящее время «проблема соотношения классов и классовой борьбы является проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке», то тогда создаются весьма пессимистические перспективы для социальной революции без наличия военного столкновения, без войны между империалистами. Недаром в этом вопросе тов. Бухарин перегибал значение военных столкновений для наступления социальной революции. Между тем, известно, что Ленин считал, что для революции не только не абсолютно необходима война, но «социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но из-за любого политического кризиса» [1]).

Но, как мы уже подчеркивали выше, постановка вопроса тов. Бухариным об организации капитализма внутри отдельных капиталистических стран, неизбежно тянет к теории о возможности и дальнейшей организации капитализма и в мировом масштабе. Это по существу ведет к перспективе возможности еще дальнейшего беспредельного развития капитализма и отрицанию на ближайший период для рабочего класса революционных перспектив. Поэтому, мы должны категорически отвергнуть всякую, в какой бы то ни было форме, постановку вопроса об организованном капитализме, как концепции, не имеющей ничего общего, не совместимой с ленинской теорией монополистического капитализма, как эпохи социалистической революции.

---

[1]) *Ленин*, Собр. соч., (2-ое изд.), т. XIX.

Г. Стрельцов.

Борьба за линию партии и оппортунизм на практике.

Что важнейшим условием осуществления тех, поистине грандиозных задач, которые партия и рабочий класс нашей страны поставили перед собою, является преодоление и полный разгром правого уклона — эта истина осознана всей партией. Вся партия в целом и ее руководство сделали уже довольно много для разоблачения политической платформы правых и ее теоретических, антиленинских основ. Разумеется, самая решительная и непримиримая борьба с идеологией правого оппортунизма должна продолжаться и дальше. Это необходимо тем более, что правые оппортунисты во главе со своим лидером т. Бухариным не сдают своих антипартийных позиций, продолжают упорствовать и углублять свои ошибки, несмотря на то, что их платформа единодушно осуждена партией, а их «прогнозы» и пророчества — опровергаются каждодневно самой жизнью.

Факты последнего времени с особой остротой поставили перед партией задачу борьбы с правым оппортунизмом на практике. Обнаружилось,—при том даже в отдельных крупнейших пролетарских организациях (не говоря уже об Астрахани и др. местах),—не мало фактов, показывающих, как весьма часто за обманывающим взгляд прикрытием из статей, речей, резолюций, громких криков о необходимости борьбы с правым уклоном, развертывания самокритики и т. п. скрываются самая доподлинная оппортунистическая практика, грубейший зажим самокритики, явления обюрокрачивания, разложения и перерождения. Борьба с оппортунизмом на практике, как с одной из наиболее зловредных форм оппортунизма,—предстоит упорная, систематическая.

Все это, а также особую опасность и вредоносность оппортунизма на практике мы намерены проиллюстрировать на примере нижеследующих фактов, относящихся к работе одной из наших губернских партийных организаций. Речь идет о Вологодском округе (бывшей до августа м-ца Вологодской губернии).

Вологодский округ — по преимуществу крестьянский, сельскохозяйственный. Основные отрасли хозяйства — животноводство, молоко, масло, лес, лен. Положение в вологодской деревне до сих пор совершенно еще не изучено. Не изучена, например, такая важная сама по себе,—а для Вологодского округа важная тем более — проблема, как проблема классового расслоения деревни.

Однако все данные говорят о наличии в округе довольно значительной количественно и экономически мощной кулацко-капиталистической верхушки деревни. Фактом, который сразу же приковывает к себе внимание, является ожесточенная, доходящая до самых резких форм[1]), классовая борьба в

[1]) Вот далеко не единичные примеры: «В Леденгском районе 20 августа кулаком Секушиным до полусмерти изрублен бедняк Секушин. У него отрублен нос, рука и поврежден бок». В дер. Круглица, Норобовского сельсовета сын зажиточного Бахвалов выстрелом из обреза ранил крестьянина А. Казова. У пострадавшего вышиблены глаза и зубы, оторван язык и сломан нос».

деревне. Кулак громит колхозы, избивает бедноту, батраков, колхозников. Много случаев убийств. Недавно, в быв. Лежской волости, имела место вторая «Лудорвайщина».

Несмотря на это в Вологодском округе до последнего времени был распространен взгляд: «у нас кулаков нет, есть зажиточные». Категория «зажиточный» получила полное право гражданства и встречается весьма часто в официальных партийных и советских документах. Очень часто под этой фирмой «зажиточного» скрывается самый доподлинный кулак.

Разумеется такая извращенная, неклассовая, неленинская постановка вопроса о социально-экономических группах в крестьянстве, отсутствие более или менее точных социальных характеристик крестьянских хозяйств, отсутствие того «разделения», «разграничения» «крестьянина —трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта», в котором (разграничении) Ленин усматривал «всю суть социализма»[1]) и которое является важнейшим условием построения правильной, последовательно —классовой линии в отношении крестьянства — все это не могло не отражаться самым пагубным образом на практической политике в отношении к кулаку и бедняку.

И в самом деле, по линии осуществления решения партии о политическом и экономическом наступлении на кулацко-капиталистические элементы деревни мы имеем в Вологодском округе грубейшие искривления классовой линии партии.

Особенно это обнаруживается по линии налогового обложения. Официальные материалы уже последнего времени говорят об огромном недообложении кулачества и переобложении бедноты. Имеется массовое сокрытие об'ектов обложения по целому ряду районов и недоучет «индивидуалов» (процент привлеченных к индивидуальному обложению мизерный: по б. Вологодскому и др. уездам не достигает 1%). Обложение кулацких хозяйств из года в год снижалось и напр., начисление налога на 1929/30 год, произведенное по семи отдельным быв. волостям и сельсоветам округа (всего 5.463 хозяйства) показывает снижение налога в кулацких хозяйствах на 14,73%![2]).

Все эти факты — среди других причин —находят свое об'яснение в том, что выявление кулацких хозяйств и освобождение бедноты производилось в большинстве районов без участия бедноты, а также в том, что в учетных и налоговых комиссиях (волостных и сельских) сидят кулаки и так наз. «зажиточные». Напр. по б. Вологодскому и б. Кадниковскому уездам процент участия бедноты в комиссиях в 1928/29 г. по сравнению с прошлым годом снижен, а процент участия «зажиточных» — возрос. И вот о работе этих-то комиссий Вологодский УФО отзывался следующим образом: «сельские учетные комиссии работали активно..., доходы по крупным предприятиям выявлены тщательно и полней, чем в прошлом году (?!).., выявление индивидуалов, за исключением некоторых волостей, прошло даже слишком полно (??!)».

Не менее кричащие факты имеются по линии землеустройства. Несмотря на то, что положение в этой области изучено плохо, все же все данные говорят о большом росте после революции отрубов и хуторов при слабом росте колхозного и совхозного строительства. По материалам недавнего обследования, произведенного уже новой ОкрКК ВКП(б), из льготного

[1]) Ленин, т. XVI, с. 352.

[2]) Вот еще один красочный пример. Недавно (конец августа), в Толшменский район, в котором кулаки избили 25 бедняков, и колхозников и убили двух— выехала Окружная комиссия. Эта комиссия установила следующее: в прошлом году обложение кулаков по району достигало 65.674 р., а в этом году—10.145 р. Таким образом кулак получил подарок в 55 тыс. руб., в то время, как налог на бедноту и середняков снижен на 6—9%!

фонда по землеустройству бедноты значительная часть направлялась на выселки, хутора и отруба, при чем большие льготы предоставлялись хозяйствам «зажиточных». Столыпинщина вместо коллективизации — вот результат вологодской практики. Далее, недавно вскрыт ряд дел о владении бывшими помещиками землею, по несколько десятков десятин, о наделении землею нетрудовых элементов (попы и торговцы).

Грубейшие извращения линий партии имеются и по линии *судебной*. Как указано выше, в Вологодском округе происходит ожесточенная классовая борьба, кулацкий террор принимает иногда дикие формы. Из практики Вологодского Губсуда можно привести не мало случаев, когда явно-политические, контрреволюционные выступления кулачества квалифицировались органами милиции и суда как простое хулиганство.

Такова политика в отношении кулака. Прежде чем высказывать обобщение, посмотрим, какова же была политика в отношении бедноты. Оказывается, что в целом ряде мест (напр. ряд волостей быв. Кадниковского уезда) *совершенно нет групп бедноты*. Наша опора в деревне — беднота — *не организована* как следует — вот общий вывод.

А как обстоит с экономической помощью бедноте? Из материалов обследования, произведенного недавно ОКР РКИ следует: 1) беднота охвачена системой с.-х. кредитной кооперации *гораздо слабее*, нежели высшие слои деревни, в том числе и «зажиточные». Напр. по Заднесельскому товариществу, при наличии 600 бедняцких хозяйств, не вовлеченных в с.-х. кредитное товарищество, кооперировано за счет бедняцкого фонда только три хозяйства; 2) во многих местах бедняцкие фонды не использованы, а очень часто они попадают в руки середняков и «зажиточных»; 3) размеры ссуд, выдаваемых беднякам, в большинстве случаев ниже ссуд, выдаваемых середнякам и «зажиточным»; 4) льготный фонд на землеустройство бедноты направляется в значительной части на выселки, хутора и отруба. Много фактов, когда бедняк льготу не получает, а получает ее зажиточное хозяйство с 4—5 головами крупного скота, платящее 50 руб. с.-х. налога и т. д.

Такова «практика» — *самая доподлинная право-оппортунистическая практика*. Но дело не обходится и без соответствующей ей «*теории*». Подводя итоги кампании по с.-х. налогу за 1927/28 год *фракция* Вологодского Уисполкома вынесла следующее «интересное» постановление, поистине достойное того, чтобы быть заклейменным на лбах у его авторов. Вот оно:

«Вследствие того, что местами установлены случаи, когда предоставляемое из года в год сложение сельхозналога отдельным бедняцким хозяйствам не отражало преследуемого этим экономического под'ема этих хозяйств по чисто суб'ективным причинам и это последнее являлось и является аргументом для разных нездоровых выступлений со стороны середняцко-зажиточной части (как не лодырей) (!!) — это обстоятельство диктует, сейчас необходимость заняться вопросом конкретного изучения тех результатов, кои дает нам классовый принцип (!!)... с тем, чтобы установить общий экономический под'ем бедняцкой части населения, вместе с этим выявить и тех бедняцких элементов, кои уже себя деклассировали (?!) и которым дальнейшее предоставление льгот не дает реальных результатов».

Трудно придумать, что-либо более, путанное и вместе с тем, более ясное по смыслу, чем это постановление *партийной* фракции: раз бедняк себя «деклассировал», раз его хозяйство не поднимается до уровня середняцкого и зажиточного (так как только в этом случае помощь бедняку, по мнению фракции, достигала бы «реальных результатов»), а тут еще недоволен кулак, называющий бедняка лодырем — нельзя ли «изучить» классовый принцип, нельзя ли его пересмотреть?! Ослиные уши правых оппортунистов торчат буквально из-за каждой буквы этого постановления, являющегося, по существу, перепевом мотивов кулака, недовольного политикой партии и власти в отношении бедноты.

Все приведенные выше факты говорят о том, что в б. *Вологодской губернии в области проведения классовой линии партии в отношении деревни мы имеем вопиющие, грубейшие искажения и извращения*.

Вместо ленинской линии партии, выраженной в известной формуле Ленина: «уметь достигать соглашения со средним крестьянином, *ни на одну минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту*» [1] — *проводилась фактически линия, близкая к линии Фрумкина, выраженной в не менее известной формуле: «мы не должны мешать производству кулацких хозяйств»*.

Организованного политического и экономического наступления на кулацко-капиталистические элементы деревни (по линии налоговой, судебной, строительства колхозов[2]), организации бедноты и т. д.) — *не велось*. Всем этим об'ясняется тот факт, что в очень многих местах в органах власти, особенно налоговых сидели (сидят еще и теперь) не только так наз. «зажиточные», но и кулаки. Тов. Сталин, критикуя на Ноябрьском пленуме ЦК прошлого года идеологию правых, в частности, платформу Фрумкина, говорил: «Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? *Это значит дать ему власть*» [3]. Вологодская практика (можно привести факты и из других мест) убедительно подтверждает, что дело обстоит именно так: там, где наши организации вместо упорной борьбы с кулачеством *на деле* сдают пролетарские позиции в руки кулака — там кулаку удается пролезть и в органы нашей власти и творить нужную ему политику.

После всего сказанного у читателя возникает естественно вопрос, где же было и что делало партийное руководство Вологодской организации? Мы ответим на этот вопрос ниже. Пока же приведем еще пару чрезвычайно разительных фактов — фактов существования в губернии до самого последнего времени крупных предпринимателей и целых помещичьих гнезд.

Только недавно (в половине этого года) были вскрыты и преданы широкой огласке нашумевшие в Вологде «Шуйское» и «Кубино-Озерское» дела.

В Кубино-Озерской волости кулак Комиссаров владел мощной водяной мельницей с турбиной в 75 лошадиных сил и пропускной способностью в 1.200 пудов в сутки. В 1918 г. этот кулак открыто вел антисоветскую агитацию и распространял даже среди крестьян напечатанные им антисоветские листовки. Не раз поднимался низами вопрос о национализации мельницы Комиссарова. Возмущенные голоса и требования не приводили ни к чему. В 1925 г. пом. Губпрокурора Васильев постановил требование об отобрании мельницы «*как незаконное оставить без последствий*» и дело производством прекратить. Президиум Вологодского Уисполкома, рассмотрев указанное постановление, вынес решение: «согласиться с постановлением». С тех пор Комиссаров рос и богател. Налогом Комиссаров облагался как кустарь.

---

[1]) Ленин, т. XV, стр. 564.

[2]) В колхозах, как об этом свидетельствуют многие факты, беспрепятственно принимались «зажиточные» и даже лишенцы. Вся эта публика, попадая в колхозы, старается взорвать их изнутри или подчинить своему влиянию. Вологодская практика лишний раз подтверждает правильность недопущения кулака в колхозы.

[3]) Сталин. Вопросы ленинизма. 6-е изд., стр. 577.

По данным Губ. РКИ, в 1926/27 г. его мельница была обложена промысловым налогом на 1.114 р., а нужно было обложить на сумму в 19 с лишним тыс. р.; в 1925/26 г. обложена на 2.810 р., а следовало 22.378 р.; в 1928/29 г. обложен на 7.069 р., а следовало 26.128 р. Как следует из материалов Комиссаров сам диктовал налоговой комиссии сумму причитающегося с него налога!

С Комиссаровым покончено лишь в начале июля сего года, когда краевая газета забила тревогу о неблагополучии в Вологде. На этот раз вылетели, кому следует вылететь, из Вологодского УИКА, Укома, а некоторые и из партии.

Еще более любопытным является так. наз. «Шуйское» дело. В быв. Шуйской волости до самого последнего времени существовал заводчик Пальников, владевший на правах частной собственности кожевенным заводом, стоимостью (по его собственной оценке) в 150 тыс. руб., водяной мельницей, крупными хозяйственными постройками и землей в количестве 38 гектаров. Еще в июле прошлого года голос некоторых низовых работников и крестьян через Московскую «Крестьянскую газету» докатился до руководящих губернских органов (Губисполком). Докатился, чо безрезультатно: дело Пальникова потонуло в недрах аппарата[1]). Знали о деле Пальникова и Губпрокуратура и милиция. Безобразная эксплоатация Пальниковым рабочих происходила на глазах у местных властей. Государственные организации снабжали Пальникова сырьем.

Все это длилось до половины этого года, когда натолкнулись на Пальникова снова. Как следует из постановления фракции Губисполкома (во главе с новым руководящими товарищами) от 21 июля с. г. некоторые услужливые представители волостного советско-партийного аппарата посоветовали Пальникову сдать завод совласти добровольно (об этом есть прелюбопытное заявление Пальникова), о чем в вике был заключен договор, при чем—самое замечательное в этом деле—Пальникову было обещено: 1) восстановить его в избирательных правах; 2) принять в члены профсоюза; 3) не отбирать землю; 4) дать дорогу детям учиться; 5) самого принять директором завода.

Здесь уже пахло «мирным врастанием в социализм» настоящего заводчика! Вообще следует заметить, что идеи о «мирном врастании кулака в социализм» в вологодской практике (сознательно или несознательно—это другой вопрос) частенько находили практическое применение. Результаты такого рода право-оппортунистической практики начисто опровергают тезис тов. Бухарина, выставленный им в приобретшей печальную известность брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз»: «Кулаку и кулацким организациям (даже «кулацким организациям»!! Г. С.) всеравно некуда будет податься, ибо общие рамки (!) развития в нашей стране заранее даны (?!) строем пролетарской диктатуры... и т. д.» [2]).

Такая постановка вопроса, полностью исключающая момент упорной борьбы за проведение генеральной линии партии—насквозь ложна, политически грубо ошибочна и вредна, ибо она смазывает всю остроту классовых противоречий и тем самым служит удобной ширмой для защиты и прикрытия политической и экономической борьбы кулака против пролетарской диктатуры. Опыт показывает, что в тех местах, где слабо пролетарское влияние на деревню, где партийные организации извращают классовую линию партии и заменяют ее Бухаринской линией («мирное врастание кулака

---

[1]) Как и в случае с Комиссаровым, вопрос о национализации завода Пальникова поднимался еще в 1925 г. В отношении от 15 VI—25 на имя Вологодского Уисполкома, Вологодский ГОМХ писал следующее: «ГОМХ сообщает, что ходатайство УИК'а о национализации кожевенного завода гр. Пальникова удовлетворено быть не может за отсутствием достаточных оснований для этого. Документов, подтверждающих правильность вашего требования, в делах быв. Губсовнархоза не оказалось»!

[2]) Указ. брошюра, стр. 49

в социализм»)—кулак находит пути, куда «податься», выигрывающей стороной оказываются капиталистические элементы. Получается не «врастание в социализм», а нарастание экономической мощи кулака, а отсюда возрастание его влияния на деревню.

В этом отношении (как и в отношении всей платформы правых) целиком верны и правильны следующие слова тов. Сталина: «победа правого уклона в нашей партии означала бы нарастание условий, необходимых для восстановления капитализма в нашей стране». (См. речь на VI Пленуме МК).

В такой же мере ложным и политически чрезвычайно вредным оказывается и другой тезис т. Бухарина относительно характера и перспектив классовой борьбы в данный период. В той же брошюре т. Бухарин писал, что случаи обострения классовой борьбы в деревне «бывают обычно там, где еще советский и местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек советской власти, по мере улучшения или усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций такого рода явления будут, как это совершенно очевидно (?!), становиться все более редкими и, в конце концов, бесследно исчезнут» (курсив мой, *Г. С.*) [1]).

В этих словах сформулирована вреднейшая и чрезвычайно опасная (если ей следовать) теория притупления классовых противоречий, теория «затухания» классовой борьбы в переживаемый нами период.

По Бухарину получается, что в тех местах деревни, где все идет «гладко», «тихо и мирно» — там наш партийный и советский аппарат стоит на высоте классовых задач партии, случаи же обострения классовой борьбы являются точным показателем сползания этого аппарата с линии партии.

Опыт работы наших деревенских организаций, в том числе и вологодской, говорит как раз обратное. Там, где не велось наступления на кулачество, где имеет место искривление партийной линии, сращивание отдельных звеньев партии и партийного, а также советского, аппарата с кулацкой верхушкой деревни — там кулаку нет нужды стрелять или избивать тех, кто льет воду на кулацкую мельницу. Там же, где кулак чувствует или начинает чувствовать силу пролетарской диктатуры, где организуется беднота против кулака, где вырастает колхоз [2]), словом, где проводится или начинает проводиться последовательно линия партии — кулак стервенеет, бешено сопротивляется, пускает в ход нож и обрез.

Отрицание Бухариным, а вместе с ним всеми правыми, неизбежности обострения классовой борьбы в деревне в данный период не случайно; теория притупления классовых противоречий в данный период является прямым следствием теории «мирного врастания кулака в социализм». Эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом и в решениях XVI всесоюзной партконференции по справедливости оценена как теория, «ведущая к разоружению рабочего класса перед классовыми врагами» [3]).

Но пойдем дальше. Мы закончим наш список фактов и перейдем к вопросу о партийном руководстве.

---

[1]) Бухарин. Названная брошюра, стр. 53—54.

[2]) В Вологодском округе наиболее яркие случаи кулацких выступлений за последнее время были в местах, где организовался колхоз или где делаются попытки к их организации. (Напр., избиение колхозников в Васильевском, б. Шепяковской волости; нападение на членов с.-х. коммуны в Кипеловском районе; погром (с убийством) в колхозе «Громобой» Грязовецкого района; порча ста молочных коров (колотые раны в вымя) в одной коммуне б. Кадниковского уезда; изрублен организатор колхоза в б. Ледингской волости и т. д.

[3]) Стеногр. отчет, стр. 303.

* * *

О качестве партийного руководства, а также о руководстве в таких важнейших советских органах (губернских, уездных и волостных), как земельные, финансовые, судебные и др. достаточно говорят приведенные выше факты. Мы лишь укажем, что в б. Вологодской губернии советский аппарат *в огромной мере* засорен классово-чуждыми элементами. Руководство этим аппаратом со стороны партийных органов, проверка исполнения им директив партии было поставлено отвратительно плохо.

Что касается партийных органов и организаций, отметим, что уже в последнее время, после тревожных сигналов краевой газеты, вскрыт ряд фактов сращивания целых волостных организаций с кулацкой верхушкой деревни. Значительно обновленному руководству вологодской организации в июле этого года пришлось распустить целый ряд организаций, в том числе Вологодский УКОМ, досрочно ликвидировать Вологодский УИК. Ряд парторганизаций подвергнут досрочной чистке.

Мы намерены остановиться главным образом на качестве *старого* руководства Вологодской организации—Губкома и Губ. КК—измененного на 1-й Окружной партконференции в конце июля с. г. и поставить в связи с этим, ряд вопросов, касающихся всей организации в целом.

Как указано выше, положение в вологодской деревне характеризуется наличием обостренной классовой борьбы. Некоторые в Вологде полагают, что классовая борьба началась только теперь, до этого же было «тихо и мирно». В связи с этим каждый новый крупный факт кулацкого террора кажется чем-то неожиданным и вызывает подчас среди партийцев панические настроения. В этом, между прочим, сказывается—и это можно прощупать во всей организации, особенно в ее деревенском секторе—*непонимание* неизбежности сопротивления кулачества, неизбежности обострения классовой борьбы в данный период, т.-е., говоря общим словом, непонимание характера переживаемого нами *нового периода* развернутого социалистического наступления пролетариата и обострения классовой борьбы, и, связанных с ним *новых* задач партии. Это обнаружится и ниже, когда мы будем говорить о партруководстве.

Классовая борьба в вологодской деревне была, конечно, и раньше. Все дело в том, что ее как следует не видели, а если и видели, то не замечали.

Вот яркий образчик классовой слепоты партийного руководства. В марте этого года в знаменитую Шуйскую волость выезжала комиссия Губ. КК ВКП(б) во главе с секретарем партколлегии (!) для проведения чистки парторганизации и соваппарата. Эта комиссия по многим селениям установила наличие в сельсоветах, обществах потребителей, молочных артелях, кредитных товариществах—«зажиточных», даже торговцев, при весьма слабом участии батраков и бедноты. Например, по Иванищевскому сельсовету, Шуйской волости комиссия устанавливает, что секретарем сельсовета является «зажиточный», два члена правления общества потребителей—тоже «зажиточные», из них один бывший торговец; председателем молочной артели состоит бывший торговец, имевший маслобойный завод.

И вот по поводу работы всех *этих* организаций, комиссия в своем общем заключении пишет буквально следующее: «работа удовлетворительна», «руководство хорошее», «*классовая линия выдерживается*»! *Тут же*, из рассказов бедноты, которая энергично посещала открытые заседания комиссии, выясняется: засилье кулачества; безобразная эксплоатация никем не защищаемых батраков; отсутствие организации бедноты и помощи ей; товары из кооператива выдаются «зажиточным», но не бедноте; засоренность аппаратов чуждыми элементами, и т. д. А комиссия налагает казенно-бюрократический штамп: «руководство хорошее, классовая линия выдерживается». Надо себе представить, как понимали классовую линию сами участники комиссии Губ. КК? *).

По приезде в Вологду комиссия не сделала *никаких политических выводов*, хотя имела достаточно кричащего материала, чтобы предать все эти дела широкой огласке, мобилизовать организацию, бедноту, батраков на борьбу со всеми этими и подобными безобразиями и искривлениями партийной линии. Наоборот, в своем докладе на президиуме ГКК, (см. протокол от 8 апреля с. г.) комиссия смогла доложить лишь следующее: «В работе комиссии была спешка, а поэтому есть некоторая *недоработанность материалов*. Участие массы в работе комиссии было активное, но (!) учесть *все то, что говорилось на общих собраниях не было возможности*. Материалу комиссии есть, но *таковой проработать на месте не удалось*.

Этот материал так и остался лежать «непроработанным» в папке ГКК. А президиум ГКК ограничился утверждением протоколов проверочной комиссии—и только! О положении в деревне, о вскрытых там извращениях линии партии—ни звука! Вот вам пример «большевистского» руководства!

Но все же, наконец, «гром грянул», 22 июня с. г. в краевой газете «Правда Севера» появилась статья «Все ли благополучно в Вологде?». В статье вскрывался ряд фактов грубейшего извращения линии партии в Вологодской организации, статья забила тревогу. Руководство организацией, Губком и Губ. КК, *заняло совершенно неправильную линию* в ответ на эту статью.

Отношение партийного руководства к своим ошибкам является немаловажным показателем его качества. Губком же и ГКК заметили в статье лишь то, что в ней затрагивалась «честь» Губкома. Товарищи, во главе с секретарем ГК, считали статью политически ошибочной и встали на путь самооправдания, самовосхваления и защиты.

Вместо того, чтобы мобилизоваться самим и мобилизовать организацию—они перенесли вопрос в плоскость обсуждения успехов и достижений. На заседании бюро Губкома один из руководящих товарищей привел следующий, изумительный по своей логике довод: «Если Севкрайбюро ЦК не считает нужным снимать кого-либо с работы, то *очевидно* (!) оно *не считает эту заметку настолько серьезной. Очевидно* (слушайте!) *такой вывод можно сделать и нам* (!!). Если крайбюро не снимает никого с работы, *значит* (?!) считает, что *не так у нас плохо*»! В результате была принята совершенно неправильная резолюция—образчик самовосхваления и казенного благополучия, отвергнутая потом Севкрайбюро ЦК ВКП(б).

Любопытно отметить, что занимаясь самовосхвалением, товарищи потрясали своими резолюциями, речами, статьями, в которых говорилось и о самокритике, и о правом уклоне, и о кулаке. Этот «аргумент» на многих оказывал действие. Здесь обнаружилось и это характерно для всей вологодской организации—*недостаточное понимание корней и сущно-*

*) Оценивая работу отдельных парт ячеек, комиссия дает следующие курьезнейшие заключения:

1) «ни одного колхоза не организовано, но (!) работа по деревням велась, вопрос на ячейковых собраниях обсуждался, члены и кандидаты *смотрят* на колхозы с *положительной стороны*

2) О другой ячейке: «Таким образом, члены партии, имеющие сельское хозяйство, не только не являются организаторами колхозов, а своим примером дискредитируют колхозное хозяйство»

А общее заключение таково: «*В общем* (!) *авторитет волячейки среди крестьян имеется*»

3) О третьей ячейке: «работа с беднотой ячейкой также ведется в форме собраний с беднотой по деревням», «при сельсовете работает *группа* бедноты в составе *одного человека*».

сти, правого уклона, неумение вскрывать за словесной шелухой правые дела, обнаруживать правый оппортунизм на практике.

Таким образом крупнейшим фактам руководство не придавало того огромного политического значения, какое имели. Дело шло по линии замазывания, как самих фактов, так и политических ошибок. При таком отношении не могло быть речи о правильном, большевистском воспитании партийных масс.

Даже там, где сам Губком обнаруживал явно политические ошибки (например, в случае с Толшменской организацией, где выявилось «наличие в парторганизации и в ее руководстве явно оппортунистического правого уклона) он квалифицировал их как «ряд болезненных явлений». В Вологде вообще не привыкли называть вещи своими именами: кулак величается частенько «зажиточным», политические ошибки называются невинным словом «недочеты», «болезненные явления», а правый оппортунист на практике—последовательным ленинцем, только за то, что он произносит «выдержанные» слова!

Отметим, наконец, чрезвычайно слабую работу организации и руководства в области мобилизации широких масс к участию в социалистическом строительстве, к борьбе с бюрократизмом и явлениями разложения и загнивания в аппаратах. В организации и ее руководстве наблюдалась определенная недооценка роли масс, отрыв от масс. Отсюда—потеря политического чутья, явления классовой слепоты.

Чрезвычайно плохо обстояло с развертыванием самокритики, много случаев прямого зажима. Только всем этим можно об'яснить тот факт, что безобразнейшие факты, обнаруженные в последнее время, так долго укрывались от взора партийного руководства.

Суммируя все факты, нельзя не притти к выводу, что 1-я окружная партийная конференция, состоявшаяся в конце июля с. г. вынесла ошибочное постановление по докладу Губкома. Это же относится в равной мере и к резолюции Городской районной конференции по докладу ГК. Ответственность за вынесенную оценку деятельности ГК несет и представитель Севкрайбюро ЦК на конференции. В самом деле, городская конференция как положительную сторону в работе ГК отмечает «твердое руководство в деле борьбы с антиленинской идеологией правого оппортунистического уклона и примиренчества».

Резолюция окружной конференции начинается с того, что «признает политическую линию ГК правильной и руководство в основном удовлетворительным», затем переход к констатации положительных сторон в работе ГК (борьба с правым уклоном и примиренчеством и др.) и лишь потом к «недостаткам».

При этом такие факты, как правые дела в Вологодском укоме, Шуйском волкоме, и др. организациях; «сращивание отдельных звеньев партийных организаций с кулацкой верхушкой деревни» (из резолюции) «недостаточное» развертывание самокритики, отсутствие работы по мобилизации масс, «недостаточная» работа по организации бедноты и др., перечисленные в довольно мягких тонах, названы в резолюции «рядом существенных недочетов» (!).

Как будто ничего особенного в Вологде не случилось! О грубейших извращениях классовой линии партии по целому ряду основных вопросов партийной политики (за исключением перечисления отдельных фактов под рубрикой «недочеты»); о зажиме самокритики; о том, что в организации (и, в первую очередь, само руководство)—скверно боролись с оппортунизмом на практике; о недопустимом отношении губкома к обнаруженным фактам искривления партийной линии и о замазывании им политических ошибок в работе организации—обо всем этом—ни слова!

О политической ответственности Губкома за все, что делалось в организации—также ни слова. Наоборот, поскольку политическая линия ГК, безоговорочно признана правильной, а руководство удовлетворительным — эта ответственность с него снята. В резолюции совершенно не говорится о необходимости борьбы с правым уклоном, как главной опасностью в данный период, а это особенно необходимо было подчеркнуть в вологодской организации.

Совершенно ясно, что в свете вышеприведенных фактов резолюция конференции не может считаться примером правильной и четкой политической ориентировки организации, большевистской самокритики и большевистского воспитания партийных масс.

Не сумев дать анализ положения в организации и округе и вынести соответствующую оценку деятельности руководящих органов губернии, конференция не сделала и необходимых организационных выводов. Товарищи из прежнего руководства ушли по добру—по здорову, как будто ничего не случилось, а некоторые из явно обанкротившихся (в качестве руководителей) оказались снова выбранными в руководящие органы.

Таким образом конференция явно недооценила огромного политического значения вологодских дел и не сумела, поэтому, сделать необходимые политические и организационные выводы.

Важнейшей причиной извращений линии партии в Вологодской организации, несомненно, является тот факт, что в отношении изучения и усвоения генеральной линии партии, выраженной в решениях XV с'езда и XVI партконференции, в организации обстоит далеко не благополучно. Напр., решения XVI конференции проработаны по городским ячейкам чрезвычайно слабо, а в деревне—еще хуже. Политический уровень массы членов партии—низок. Более того, даже в руководящем активе наблюдается путаница в основных вопросах политики партии. Например, в беседе с автором этих строк, секретарь одного из крупнейших райкомов партии признался, что «только теперь (через два года!) они начинают понимать линию XV с'езда в отношении деревни». Излагая свою установку в предстоящей лесозаготовительной кампании, этот же товарищ сказал следующее: «Мы постараемся обойтись без особых обострений в деревне, действуя сначала методами раз'яснения и убеждения. Если же (!) кулак попытается оказывать нам сопротивление и сделает попытки сорвать наши планы,—тогда (!) мы начнем организовывать бедноту и середняков для организованного давления на кулачество».

Очевидно, что этого товарища двухлетний опыт заготовок, когда кулак, как правило, оказывает нам бешеное сопротивление, мало чему научил. Недооценка организации бедняцко-середняцкого фронта против кулачества вокруг наших кампаний и планов является, к сожалению, «достоянием» не одного этого товарища.

Как видим, даже у ответственных товарищей, двухлетнее запоздание с пониманием линии XV с'езда, дополняется непониманием основных классовых установок XVI партконференции.

В организации не сумели еще изменить способы и методы работы применительно к новым условиям периода реконструкции, обострения классовой борьбы и социалистического наступления на капиталистические элементы. Организация недостаточно еще вооружена и подготовлена к руководству наступлением на все более активизирующиеся, враждебные нам социально-

классовые силы. Огромную работу предстоит проделать организации в том отношении, чтобы раскачать широкие рабочие и трудящиеся массы и втянуть их в дело социалистического строительства, а для этого необходимо шире развернуть пролетарскую самокритику. Самое же главное — необходимо проделать огромную работу по идейному и организационному вооружению организации на борьбу с правым оппортунизмом, как главной опасностью в данный период, и проявлениями правого оппортунизма на практике.

Ныне происходит обследование Вологодской организации комиссией ЦК ВКП(б). Комиссия, на основе более тщательного анализа положения, представит более полные и исчерпывающие выводы и предложения о состоянии и задачах организации. Нет сомнения, что это обследование поможет организации исправить крупнейшие ошибки и недостатки в ее работе. Нет сомнения, что организация сумеет сделать необходимые политические выводы из нынешнего положения и добьется решительного перелома в деле осуществления основных задач партии.

* * *

Опыт работы вологодской организации снова и снова со всей остротой ставит проблему проблему усиления пролетарского влияния на деревню и деревенские партийные организации, а также — проблему кадров. Опыт показывает, что даже десяток крепких, квалифицированных рабочих-большевиков на округ может дать большие политические и практические результаты. Партийные организации крупнейших пролетарских центров должны и могут помочь укрепить руководящие кадры организаций, аналогичных Вологодской, где слабо пролетарское влияние, чрезвычайно низок политический уровень членов партии, в том числе и части руководящих работников, и где иногда во главе губернских органов сидят люди, прочно связанные с деревней, даже с кулацкими элементами деревни. Необходимо организовать поход квалифицированных партийных сил в деревню, — на это поле классовой борьбы и начавшейся великой социалистической стройки.

Уроки Вологды убедительно подтверждают, что путь, предлагаемый партии правой оппозицией, — есть гибельный путь, — путь ослабления сил пролетарской диктатуры и усиления сил классового врага.

Факты, сообщенные нами, являются также ярким подтверждением того, что борьба за осуществление генеральной линии партии на данном этапе неразрывно связана с борьбой против правого оппортунизма и его проявлениями в практической работе.

Наконец, Вологодский пример, в ряду других примеров, является лишней иллюстрацией поистине огромного значения лозунга самокритики, как постоянного метода нашей работы, способа мобилизации активности миллионных масс вокруг линии партии, а также метода борьбы за линию партии, против всяких уклонов и извращений. Ибо этот пример показывает, что там, где самокритика является пустым словом или развернута лишь в слабой мере,—там неизбежно ослабление классовой бдительности, загнивание, потеря политической перспективы, там возможно длительное осуществление даже таких безобразных явлений, о которых мы сообщили в данной статье.

Ем. Ярославский.

Мертвые шагают быстро.

(Развал троцкизма).

1. Первые шаги.

За последние месяцы накопился огромный и необычайно интересный материал, дающий возможность не только подвести итоги развалу и распаду троцкистской оппозиции, но и заглянуть глубже в самое нутро, так называемых троцкистских кадров: что они из себя представляют, чем дышат, на что надеются, какие у них «перспективы» и планы. Теперь уже не из троцкистского подполья, не из Алма-Ата, а из Константинополя Л. Троцкий получил возможность развернуть свои программные, тактические и организационные планы. Теперь троцкисты умудрены опытом почти двух лет борьбы вне партии.

Все знают, с чего Троцкий начал, очутившись за границей. Можно сказать—неповторимое начало! Попытки троцкистских «историков» сблизить в этом отношении Л. Троцкого и с Марксом, и с другими вождями пролетариата, теперь вызывают у них самих неотвратимую тошноту. Статьи Л. Троцкого в «Дейли Экспресс», в «Нью-Йорк Таймс», в «Корьере де ла Сера», в парижском бульварном «Журналь» и т. п.— это «памятник нерукотворный» троцкизму. Говорить сейчас о «содержании» этих статей по меньшей мере неприлично. Неприличие этих выступлений вошло в сознание миллионов трудящихся, в том числе и значительной части бывших сторонников Троцкого.

Но что произошло после этого? Троцкисты были уверены в том, что Троцкий заграницей сумеет, по крайней мере, организовать «левые группы». Оправдались ли эти ожидания? Увы! И здесь мы имеем вместо об'единения «левых групп» настоящий «августовский интернационал», новый «августовских блок» всевозможных групп и группочек, начиная от самых правых, самых ренегатских, кончая самыми «ультра-левыми» путаниками. Впрочем было бы неправильно относить начало такого беспринципного блока к заграничному периоду существования Л. Троцкого. Его друзья и он сам начали сколачивать такой блок гораздо раньше. Мы уже упоминали в одной из статей [1]) о письме бывшего «красного профессора» Солнцева Л. Троцкому из Америки, в котором Солнцев сообщал в 1928 году об организационных шагах, предпринятых им в Америке, по сколачиванию такого «августовского блока», «августовского интернационала». Вот, что он, например, писал о завербованных им сторонниках: «Теперь, когда я ближе познакомился с Истменом и Лоре, могу подробнее сообщить о них. Истмен, конечно, не коммунист. Это радикальный интеллигент, который занимался бы поверх-

---

[1]) См. «Правда» № 217 от 20 сент., ст. Ярославского «Об одном похабном документе».

ностным восхвалением СССР, как десятки других, если бы случайно не связался с нами. Его связь с нами тоже поверхностна. Если бы мы победили, его связь с нами укрепилась бы». Более убийственной вещи не мог бы написать злейший враг троцкистов. Что же получается? В поисках союзников к работе привлекается **радикальный интеллигент** Истмен, который выпускает сборник статей — платформу оппозиции со своим предисловием. Перспектива у троцкистов такова: **если бы они победили, то подобные радикальные интеллигенты поспешили бы укрепить связь с ними.** Что радикальные интеллигенты,— а вовсе не коммунисты,— являются базой, на которую могут рассчитывать троцкисты,— в этом мы никогда не сомневались. Но причем тут «**левые**» элементы коммунистического движения!? Не ясно ли, что речь идет о том, что **у троцкистов в перспективе опора на радикальных интеллигентов**? Или вот другой пример, из того же сообщения Солнцева: «Что касается Лоре, то это человек без политического хребта, но именно поэтому его можно тащить и я считаю, что в свое время мы сделали ошибку, не закрепив его за нами... По существу же дело в том, что помимо его бесхребетности, он вынужден сильно лавировать, чтобы не потерять положения. Газета принадлежит немецкому коллективу, который состоит из бывших людей. Это все допотопные старички, которые в молодости принадлежали в Германии к рабочему движению. Здесь они давно уже стали хозяевами всяких булочных и колбасных, но по старой традиции считают себя социалистами. Лоре вынужден к ним применяться, поэтому он до сих пор в редакционных статьях (а по американскому обычаю редакция отвечает только за эти статьи) ни разу не солидаризировался с нами политически, а все больше аргументирует от человечности и т. п. Зато в других статьях можно найти все, что угодно — **от откровенно социл-демократических рассуждений до ультр-коршистских. Я пишу частенько, хотя не особенно приятно видеть наши статьи в таком соседстве** (помилуйте, что за щепетильность! *Е. Я.*). Приходится писать потому, что другого места нет». Как вам нравится этот «левый» тип, на которого еще с прошлого года опирались троцкисты в Америке? Человек без политического хребта, об'единяющий группу допотопных старичков — хозяев всяких булочных, и колбасных. Вот как сколачивались новые кадры нового об'единения «левых» оппозиционных групп заграницей. Вот как собиралась краса и гордость «левой оппозиции»,—те новые кадры, которые должны заменить впавших в ересь большевиков, «сползающих с рельс», на которые твердо стали хозяева всяких булочных и колбасных, нынешние союзники троцкистов.

Вот этот-то «августовский блок» и сколачивается Троцким заграницей. В редакцию «Большевика» прислано заявление-письмо одного из недавних ближайших сотрудников Троцкого заграницей — Жозефа. Он несколько лет подряд являлся активным оппозиционером. Помимо агитационной и пропагандистской фракционной работы по поручению оппозиции он принимал участие в составлении ее платформы и контр-тезисов о пятилетнем плане народного хозяйства к XV с'езду ВКП(б). Он заграницей непосредственно осуществлял по поручению оппозиции связи с оппозиционными фракциями и группами, был как бы секретарем троцкистской оппозиции заграницей. Убедившись в том, что выступления Троцкого в буржуазной печати (против чего он возражал), не являются случайностью, этот товарищ (тоже бывший красный профессор) порвал с троцкистами и, располагая личной перепиской с Троцким, и многочисленными документами, он излагает подробно, из кого составляется этот новый блок. Мы приводим почти полностью ту часть письма Жозефа, в которой он дает портретную галлерею деятелей этого нового блока.

2. Письмо Т. Жозефа об „Августовском Интернационале“.

«С самого начала своего заграничного бытия Троцкий прежде всего озабочен привлечением возможно большего числа сторонников, и он ищет их повсюду, направо и налево (в политическом смысле, конечно). Эту свою тактику он наиболее отчетливо выразил в письме от 31 марта «О группировках в коммунистической оппозиции». Весьма примечателен общий тон этого письма. Троцкий подчеркивает, что вследствие «незнания» обстановки он откладывает общую оценку оппозиционных тенденций до более позднего времени. На каждом шагу встречаются словечки: «насколько я могу судить», «повидимому» и т. д. Следующая цитата вскрывает причины такой неуверенности, вернее осторожности, Троцкого. «Мы идем навстречу столь трудным временам, что каждый единомышленник, даже каждый **возможный** (курсив Троцкого) единомышленник должен быть нам дорог. Было бы непростительной ошибкой оттолкнуть единомышленника, тем более группу единомышленников, неосторожной оценкой, пристрастной критикой или преувеличением разногласий». И Троцкий приступает к сугубо осторожной, прямо-таки нежной, критике Брандлера, Тальгеймера, Суварина и др. правых. Конец письма звучит прямым предложением блока: «Если бы оказалось, что, в силу недостаточного знакомства с литературой, я неправильно понял Брандлера, Суварина и их единомышленников, то я, разумеется, потороплюсь внести в свою оценку поправки, вытекающие из фактов и документов, на которые мне укажут». Как будто Брандлер, Суварин и К-° политически существуют со вчерашнего дня, как будто Троцкому неизвестна их политическая биография, как будто он настолько мало разбирается в международных политических течениях, что ему нужна какая-то литература. Троцкий — достаточно опытный политик. Делая двусмысленные предложения, он хорошо знает, чего добивается.

В статье т. н. Г. Гурова «задачи оппозиции», посланной якобы из Москвы (видимо, под своим именем тактически неудобно было выступать), Троцкий подводит своеобразную «теоретическую» базу под свою беспринципную организационную практику. Оказывается, неправильно, будто «под флагом правой оппозиции выступают исключительно и безнадежно оппортунистические элементы. Политические группировки оформляются не сразу. На первых порах всегда бывает много недоразумений. Недовольные партийной политикой рабочие попадают, и нередко, не в ту дверь, какой искали». И далее: «Особенно важно иметь это в виду в настоящий момент по отношению к Чехо-Словакии, где коммунистическая партия переживает чрезвычайно острый кризис... Не сомневаюсь, что нынешняя так называемая правая оппозиция заключает в себе различные настроения и тенденции, которые только в ближайший период будут самоопределяться». Поэтому в одном из писем Троцкий предлагает принять меры к установлению связи с чехословацкой правой оппозицией, указывая с плохо скрытой радостью, что там вся партия в брожении. Стоит напомнить, что в свое время, еще будучи в рядах Коминтерна, Троцкий не находил слов для заклеймения оппортунизма чехословацкой партии. В тот момент, когда руководство Коминтерна вскрывает образовавшийся в чехословацкой партии оппортунистический гнойник, выкидывая вон перекрасившихся социал-демократов, Троцкий пытается подобрать их к себе. Вот куда его завела неумолимая логика фракционной борьбы.

В свое время под флагом «нефракционности» Троцкий принимал активное участие в августе 1912 г. в создании блока самых разнообразных русских с.-д. течений. Этот «августовский блок» всем своим острием был направлен против «сектантов»-большевиков и оказывал явную услугу ликвидаторам. Отсутствие идейно-политической базы привело к тому, что блок не просуществовал и $1\frac{1}{2}$ лет, рассыпавшись на составные части. Ленин на примере

этого блока разоблачал всякого рода интеллигентское комбинаторство оторванных от рабочих масс политиков, защищающих под прикрытием красивых фраз оппортунистов.

Не подлежит сомнению, что Троцкий замышляет новый «августовский блок» против большевистской партии, но на сей раз в международном масштабе и уже после своего пребывания в рядах Коминтерна.

Для того, чтобы читатель себе лучше представил всю беспринципность сколачиваемого Троцким за границей блока, я остановлюсь на характеристике иностранных оппозиционных группировок, которые Троцкий рассматривает как будущие элементы блока.

В письме Троцкому отчетного характера я указал, что если бы правым в СССР нужен был представитель, они навряд ли могли бы найти лучшего кандидата чем Суварин. В правильности такого суждения Троцкий должен был убедиться, ознакомившись хотя бы с *тем же* номером органа Суварина «Бюллетень Коммунист» (№ 29—30, 30 bis), в котором последний протестовал против высылки Троцкого из СССР. В передовой этого номера Суварин предостерегает Троцкого от его «своего рода бабувизма» и разворачивает программу, которая в конечном счете упирается в левую социал-демократию. Перейду к доказательствам.

Один «осведомленный» приятель Суварина, сообщая о правых настроениях в ВКП и СССР, утверждает, что даже левая оппозиция, если бы она пришла к власти, вынуждена была бы принять экономические меры, предлагаемые правыми. «В конечном счете придется прибегнуть к концепциям правых, *с ними или без них* (подчеркн. осведомленным. *Ж.*), т.-е. предоставить крестьянам свободу производства, платить за их продукцию по полной ценности или около этого, смягчить командование партии над государством, отказаться от чрезмерного форсирования индустриализации и т. д.» (именно: «и так далее»). Редакция сопровождает эти утверждения одобрительной припиской: «Чтобы не видеть этого, нужно сознательно закрывать глаза на действительность» (оппортунисты всегда рядятся в костюм «реальных» политиков. *Ж.*).

Нужно признаться, что Суварин совсем неплохо излагает экономическую программу наших отечественных оппортунистов и, как мы увидим в дальнейшем, со значительно большей последовательностью и откровенностью. (Что у умного на уме, то у Суварина на языке.) Так как Троцкий прилагает особые усилия к привлечению Суварина, я позволю себе подольше задержаться на характеристике политической физиономии последнего.

В статье «Отблески года XII», Суварин презрительно отмахивается от споров, отстает ли в СССР промышленность от сельского хозяйства или наоборот. Ведь та и другая отрасль отстает от соответствующих отраслей «любой цивилизованной (заметьте: цивилизованной, а не капиталистической) страны». Смешно надеяться, что быстрой индустриализацией можно найти выход из положения. Почему? Да, очень просто! «Подготовка рабочей силы, технического персонала, производственного опыта, координация различных отраслей производства, требуют годов и десятилетий». Стало быть, не надо было вообще, при отсталости России, совершать Октябрьский переворот, а обождать несколько десятков годков, нужных для подготовки. И дальше, та же мысль развивается в другой связи: «В России забыли (по «дикости», видно. *Ж.*) ту элементарную (и меньшевистскую, добавим от себя. *Ж.*) истину, что нужно начинать с начала, а не с конца, и что отсталая страна не может догнать более передовые без того, чтобы не пройти соответствующие этапы». Поэтому, строго осуждая нашу «незаконную связь» с американской техникой, Суварин нас поучает: «Американский индустриальный уровень может быть для России завершением, но не исходным пунктом». Да простит меня читатель за это неприятное копание в меньшевистском навозе. Я это делаю

из педагогических соображений. Пусть неодумавшиеся оппозиционеры увидят, на союз с кем их тянет Троцкий. Но пусть и наши правые взглянут на свое отражение во французском зеркале.

Не думайте, однако, что Суварин ограничивается только преподанием нам «общих» директив по экономическому строительству. Нет, он не такой бесчувственный человек, чтобы не помочь нам в нашем горе «советами» и по отдельным частным вопросом. Прежде всего Суварин до-нельзя обеспокоен положением нашего сельского хозяйства. Корень зла он усматривает в классовом подходе к крестьянству. Он издевается над попытками определить, что такое кулак. Это, дескать, безнадежное дело, так как отдельные слои русского крестьянства отличаются друг от друга только степенью своей нищеты. Своему «западно-европейскому» читателю он специально поясняет это на прелестном примере. Допустим, говорит он, что, *благодаря своей работе и помощи семьи* (подчеркн. мной. *Ж.*), «бедняк» улучшил свое положение, стал «середняком» и приобрел двух коров. Достаточно «вышеизложенным» коровам обзавестись каждой по теленку, как «середняк» становится у большевиков «кулаком», «контрреволюционером». Вот как, воистину, гениально, марксистский социологический анализ заменяется рассуждениями зауряд-ветеринара.

Оставьте «кулака» в покое, сердито покрикивает Суварин. Но этого мало. В другом месте он прямо заявляет, что прогресс в сельском хозяйстве невозможен, помимо других условий, также и *без свобод* (подчеркн. Сувариным. *Ж.*). «Если знаменитый (!) «социалистический сектор» не способен доставлять хлеб, то нужно, под угрозой голодной смерти, получать пропитание у капиталистического (тут уж Суварин почтительнее: без кавычек. *Ж.*) сектора». (Насчет «голодной смерти» рекомендуем Суварину не слишком доверчиво относиться к родным его сердцу буржуазным газетам. Долго ждать придется!). А как же оценивает Суварин ставку на зерновые фабрики, совхозы и колхозы? Ерунда! «С ними то же, что с индустриализацией. Их можно много создавать, но только на бумаге». Перед нами разбитной кулацкий подголосок во всей его неприглядности.

Было бы странно, если бы заодно Суварин не прошелся критическим оком и по монополии внешней торговли. Он, боже сохрани, не против принципа монополии, нет. Но монополия должна укреплять внешнюю торговлю, а не «душить» ее. А посему: «Нужно уничтожить нынешний наркомат внешней торговли, организовать монополию на новых началах, комбинируя таможенные пошлины с экспортно-импортными лицензиями: без этой реформы серьезное развитие советского хозяйства «недостижимо». Словом, Суварин хочет нас «укрепить», закинув на нас петлю мировых трестов и синдикатов, которые готовы в любой момент засунуть свои лапы хотя бы в самую маленькую щелку нашего советского хозяйства. А что «улов» для капиталистических магнатов будет изрядный, видно из следующих «пророчеств» Суварина: «*Все свидетельствует о том, что СССР должен будет в течение долгого времени производить главным образом сырье и полуфабрикаты* (подчеркн. Сувариным. *Ж.*) ...и будет покупать фабрикаты, требуемые его внутренним рынком, в более развитых странах». Напрасно стараетесь, мусье Суварин! Ничего не выйдет из ваших комиссионерских потуг.

Для полноты характеристики Суварина просмотрим бегло его «теоретический» багаж. Какое заношенное ревизионистское белье! До чего мало оригинальны ревизионисты всех мастей и времен! Ленинизм—это «догма, которая душит научный (!) дух и критическую (!) мысль», это «коран». Но ничто, все-таки, не может превзойти по цинизму и наглости следующее заявление: «между ленинизмом и марксизмом та же разница, что между культом и культурой. И если религия есть опиум для народа, то ленинизм есть

водка (vodka) для Интернационала». (Из статьи «Троцкий и Октябрьская революция», «Bull. Comm.» № 29—30). Довольно. Ни одна пролетарская таможня не пропустит сего господина с такой контрабандой. И ее нисколько не обманет его «коммунистическая» вывеска.

Читатель видит, что моя короткая оценка Суварина в письме Троцкому была отнюдь не голословной и грешила скорее преуменьшением. Что же ответил на это Троцкий? «О сотрудничестве с группой Суварина в нынешнем ее виде не может быть и речи. Здесь необходимо ясное идейное размежевание и спокойная, но твердая полемика. Вернется ли в результате такой политики и новых политических уроков Суварин на нашу позицию, этого я не знаю. Мы должны ему всячески это облегчить. Если бы этого не случилось (а это было бы жаль, потому что он человек очень ценный), тогда нам оставалось бы отвоевать у него лучших из его сторонников». Какая тут может быть, к чорту, «спокойная» полемика, какое идейное «размежевание» с человеком, который обеими ногами стоит на враждебной пролетариату почве? И мало ли вообще в различных социальных лагерях «ценных» людей? Погоня за идейно немощными суваринскими сторонниками, горсткой оторванных от рабочих масс интеллигентов, уведет Троцкого далеко от пролетарского пути.

Свое желание во что бы то ни стало «завоевать» Суварина Троцкий выразил не только в частном документе. В письме Суварину от 25 апреля, предназначенном для опубликования и напечатанном позднее в «Fahne des Kommunismus» (кстати, для печати из этого письма предусмотрительно из'яты обращение «дорогой товарищ» и концовка «с товарищеским приветом») Троцкий заявляет: «Я был бы очень рад, если бы вы могли присоединиться к изложенным выше соображениям, так как это дало бы нам возможность работать в одном ряду. А я отдаю себе ясный отчет в том, насколько такое сотрудничество было бы полезно для дела». Очевидно предполагается, что разногласия столь невелики, что Суварину не будет большого труда «присоединиться». К чести Суварина надо признать, что он не откликнулся на беспринципные зазывания Троцкого. Этим об'ясняется, что последний в мае уже как ни в чем не бывало заявляет: «Ведь, кроме марксистской оппозиции, существует и оппортунистическая (Брандлер, Тальгеймер, Суварин и др.)». (Из письма в редакцию американской газеты «Militant»). К слову сказать, на фоне махрового оппортунизма Суварина Брандлер и Тальгеймер представляются почти революционерами.

В том же письме Суварину Троцкий пишет: «Вы сообщаете о колебаниях Радека, Смилги и Преображенского. Я об этом знаю достаточно хорошо. Они колеблются не первый день, не первый месяц и не первый год». В общем, не люди, а маятники какие-то. Нужно обладать, однако, изрядной долей неподдельного юмора, чтобы адресовать это человеку, который не колеблясь верным шагом идет к социал-демократии. А пока что, мы запишем, что людям, которые «колеблются» в сторону большевизма, не место в рядах оппозиции.

Такова же тактика Троцкого и в отношении формально более близких к нему французских группировок. Возьмем группу Трена, проникнутую политическим авантюризмом и крикливой беспринципностью, не пользующуюся к тому же никаким влиянием в рабочем движении Франции. От имени группы Трен с неимоверной быстротой стряпает по конвейеру разнообразные политические документы. То он обращается с воззваниями к рабочим всего мира, то к рабочим Франции, то, наконец, к рабочим своего собственного аррондисмана (района). Он теребит фалды Унитарной (революционной) конфедерации труда, пред'являет грозные ультиматумы ЦК французской компартии, настаивая на «выпрямление» ее линии. Но, увы, чем больше он шумит, тем меньше на него обращают внимания.

И не на что обращать внимание. Вся эта политическая мазня Трена, под которой заочно «подмахиваются» два его ближайших соратника Барре и Деглиз, лишена, несмотря на всю свою крикливую «левизну», какого бы то ни было признака марксизма и большевизма. Одно время Трен много занимался вопросами международной политики. Особенное его неудовольствие вызвало поведение Литвинова в Лиге Наций. Он обвинял СССР в сеянии среди рабочих масс пацифистских иллюзий насчет способности Лиги Наций толкнуть вперед дело разоружения. Как будто бы советская дипломатия своим участием в конференциях по разоружению не доказала самым наглядным образом нежелание империалистических держав вступить на путь не только полного, но даже частичного разоружения. Эта пропаганда делом имела больше значения, чем вся трескучая революционная фразеология Трена. Да и сравнивать-то даже неудобно.

Вообще же Трен повсюду провозглашает себя ортодоксальным большевиком, но как-то так случается, что он все время впадает в конфликт с духом ленинского учения. Его это не смущает, как не смущает и то, что все его сторонники умещаются за одним столиком в бистро. Трудно себе представить, существовала ли бы эта группа без Трена. Но одно несомненно: доколе существует Трен, будет и «группа», хотя бы из него одного. Единственным его утешением является то, что он иногда имеет возможность выплакаться на груди своего «богатого родственника» Урбанса, который от поры до времени милостиво печатает «творения» Трена.

В ответ на замечания по поводу группы Трена Троцкий пишет: «что касается Трена, то я не вижу принципиальных (!) мотивов, которые делали бы невозможным сотрудничество с ним... Трен энергичен и стремится выйти из комнаты на улицу, чего нехватает многим из наших единомышленников. Указания на то, что Трен импульсивен, мечется из одной крайности в другую и пр., повидимому, совершенно верны. Но ведь речь идет не о том, чтобы сделать Трена единоличным руководителем оппозиции, а о том, чтобы привлечь его к работе и испытать на деле». Что за беда, если Трен вместо рабочей улицы попадает в мелкобуржуазный тупик. Зато он «энергичен». Этого качества вполне достаточно, чтобы не отпускать его от себя. В другом письме Троцкий по другому поводу возвращается к вопросу о Трене. «Своевременная доставка в Россию моего письма к рабочим имела, конечно, серьезное политическое значение. Трен не только первым издал это письмо, но и сообщил мне, что им было сделано для рассылки этого письма в разные страны и в Россию. (Несомненно, малость приврал, по обыкновению. Ж.)... Имеем ли мы при таком положении право отталкивать Трена? Ни малейшего права». Технические услуги Трена стоят того, чтобы не обращать внимания на его политические метания.

От Трена не открещиваться, но и группы «Contre le Courant» (Паза) и Монатта («Revolution Proletarienne») не следует терять из виду (кстати обе эти группы, как и Суварин, и слышать не хотят о совместной работе с Треном). Троцкий пишет: «Основной группой является и остается группа «против течения». Между этой группой и группой «пролетарской революции» нужно установить тесные связи и по возможности правильное разделение труда (подчеркн. мной. Ж.). Разумеется, это не исключает товарищеской критики. Сотрудничество ни в каком случае не должно основываться на замазывании или смягчении серьезных принципиальных разногласий. Но оценивать эти разногласия надо под аспектом длительного сотрудничества (разр. моя. Ж.), вплоть до победы рабочего класса и далее» (куда же далее?!). Итак, Троцкий констатирует наличие идейных расхождений у обеих групп. В дальнейшем мы увидим, в чем эти расхождения заключаются и мыслимо ли при их существовании «длительное сотрудничество на основе правильного разделения труда».

Троцкий ориентируется как на основную на группу Паза, хотя и признает (в письме ко мне от 9 мая), что «наши друзья»... «по методам действия являются добрыми социал-демократами». Дело однако не только в методах. Ведь, социал-демократы, несмотря на свои методы, каким-то боком все-таки пытаются подойти к рабочим. Что можно сказать про политическое течение, претендующее на роль авангарда пролетариата и в то же время не откликающееся почти ни на одно более или менее серьезное явление в жизни рабочего класса данной страны?

В идейном отношении группа «против течения» находится на подножном корму у русской оппозиции. Если Суварин благодетельствует нас самоновейшими разновидностями ревизионизма, то Пазу вообще почти нечего пред'явить. Орган группы «Contre le Courant» представляет собой коллекцию всякого рода переводных с русского языка материалов. Иногда в нем появляются поэтические воздыхания сантиментальной писательницы Мадлены Маркс на разные темы — от негритянской проблемы и до открытого письма Анри Барбюсу. Передовицы журнала, выходящие обыкновенно из под пера Паза, поражают своей бессодержательностью. Все это пишется неспеша, на отменном французском языке, без всякой примеси этого «грубого» парижского арго. Словом, мирная заводь, где никакого движения воды незаметно. При таких условиях и не трудно плыть «против течения».

Если внимательно штудировать «Contre le Courant», на что не у всякого хватит решимости, то кое-какие обрывки «идей» в нем можно найти. А именно, по вопросу о роли партии и профсоюзов. В начале 1928 г. на гладкой поверхности пазовской заводи появились небольшие водяные круги. Кто посмел нарушить «противотеченский» покой? А это, оказывается, старик Лорио и его друзья не могли выдержать келейной атмосферы группы и, хлопнув дверью, ушли к Монатту (удивительно, почему они не могли возвыситься до необходимости «длительного сотрудничества» с Пазом). В сердцах Лорио наговорил массу мудрствований по поводу гибельности политических партий для рабочего класса, ссылаясь при этом на опыт русской революции.

Паз геройски вступился в защиту попранной идеи партии (ст. «Ответ Лорио», «Contre le Courant» № 10). «Настоящей, дескать, коммунистическая партия является лишь постольку, поскольку она есть партия пролетариата». Туманно! И как будто похоже на тавтологию. «Защитив» таким образом первый пункт, Паз переходит к толкованию русского опыта. «В течение сравнительно недавнего исторического периода, в 1917 г. и в последние годы, мы имели пример такой партии в лице партии большевиков». Вот это утверждение дает уже нам «ниточку» к уразумению «теории» Паза. Стало быть, партия большевиков до 1917 г. не была «настоящей» коммунистической партией? Отчего бы это могло быть? Не оттого ли, что она до революции была по численности меньше, что подчеркивало ее роль сознательного авангарда класса? А неутомимое большевистское строительство партии, а борьба со всяческими ликвидаторами и оппортунистами ничего не стоят? А организационные принципы Ленина, нашедшие свое практическое выражение в конкретной партии большевиков? Несомненно, что проводя непримиримую революционную линию, партия иногда увлекала за собой только меньшинство, за что удостоивалась клички «секты» (наиболее яркий пример — империалистическая война). Но партия не была бы подлинно большевистской, если бы в погоне за большинством рабочего класса жертвовала конечными интересами последнего. А Паз нам хочет навязать бесформенную «рабочую» партию на манер английской. Благодарим покорно!

Как мы видели, по Пазу наша партия оставалась «настоящей» только до «недавнего прошлого». А с тех пор она уж ею перестала быть. Какие же тому причины? «Нужды гражданской войны привели партию к отказу от

применения рабочей демократии, затем, когда эти нужды исчезли, партия прибегла к режиму, который все более и более отделяет ее от рабочего класса». А мы-то думали, что близость партии к рабочему классу определяется умением защищать его интересы против капиталистов, руководством в революционной борьбе за свержение буржуазного государства, в СССР — степенью продвижения социалистического строительства против кулаков, нэпманов и бюрократов. Задачи же оппозиции, по мнению Паза, лежат в другой области: «Троцкий придал классовый (!) смысл борьбе оппозиции, ведя ее под знаменем рабочей демократии». При таких задачах лозунг тайного голосования становится боевым и всеоб'емлющим лозунгом; меньшевизм в организационных вопросах выступает во всей красе.

Другой лидер группы «против течения» Дельфосс высказывается о роли профсоюзов («Contre le Courant» № 7). Профсоюзы, по Дельфоссу, должны себе ставить задачей защиту «наиболее прямых материальных нужд» рабочих. Все, что сверх этого, от лукавого. Но, ведь, реформисты и революционеры по разному понимают материальные нужды рабочего. Это Дельфосса не касается. Он только требует, чтобы и та, и другая сторона отказалась от своей «особенной» политической и социальной теории. Нужно изгнать из профсоюзов всякую политику, довольно «командования» партий над профсоюзами. Опыт руководства партией экономическими боями пролетариата выбрасывается в мусорную корзину истории. И этот чистейшей воды «экономизм» преподается под видом беспристрастного «об'ективизма».

Какая цена этому «об'ективизму», обнаруживается на практических предложениях Дельфосса по вопросу о единстве профсоюзов. «Профсоюзное единство будет (!) осуществлено в старой Генеральной Конфедерации Труда (т. е. желтой. *Ж.*). Почему? Потому что создание новой конфедерации было бы поводом для новых разногласий (а как же быть с уже существующей революционной Унитарной Конфедерацией? *Ж.*). Потому что Генеральная Конфедерация, вследствие длительного существования имеет за собой, тот факт, что она в течение известного времени об'единила в своих рядах большую часть профессионального движения». Следовательно, фактически все-таки одна сторона, и именно революционная, должна подчиниться другой, реформистской.

Другой автор, Дельсоль («Contre le Courant» №№ 18 — 19), хотя и не согласен с полным устранением политики из профсоюзов, но по существу указывает тот же путь, что и Дельфосс. Его аргументация носит более христианский характер. «Так как реформистский штаб не хочет единства, то нужно распустить Унитарную Конфедерацию Труда и, вернувшись в старую ГКТ, показать таким образом, что революционеры являются действительными сторонниками единства». Непротивлением злу почтенный Дельсоль только показывает, что напрасно именует себя революционером. Реформистский штаб ничего не имеет против такого понимания «прямых» интересов рабочих. Планы, которые развивают Дельфосс, Дельсоль и Дель... и иже с ними, ведут прямой дорогой в Амстердам.

Вот каково идейное «лицо» группы «против течения», поскольку удается выжать кое-что из пухлых номеров органа группы. Эта группа обречена на мирное «домашнее» существование без малейшей перспективы стать когда-либо заметным фактором в рабочем движении. Зато в одном отношении она вполне надежна: она вся в жилетном кармане Троцкого. История с молниеносным проведением ею написанной Троцким в защиту Троцкого так наз. резолюции французской коммунистической оппозиции служит лучшим тому доказательством.

О группе Монатта «пролетарская революция» не приходится долго распространяться, так как она существует не первый год и линия ее более или менее известна. Это ее синдикалисты. Они в большинстве вышли из Коминтерна, разочаровавшись в партии и вернувшись к своим старым синдикалист-

ским традициям. Несмотря на свои искренне революционные побуждения, они наносят достаточный вред рабочему движению, ведя неустанную борьбу против политики Унитарной Конфедерации Труда.

Правильное разделение труда» между группами «пролетарская революция» и «против течения», о котором мечтает Троцкий, очевидно должно заключаться в том, что Монатту будет «обслуживать» профсоюзы, а Паз будет пытаться превратить французскую компартию в «настоящую».

Такова действительная и безотрадная картина оппозиционного движения во Франции. Между отдельными течениями, из-за идейной мешанины, нет строгих водоразделов: все они находятся в состоянии «диффузии». Лорио, как упоминалось, перекочевал от Паза к Монатту, а Росмер, например, собирается переходить от Монатта к Пазу и т. д. Некоторые более молодые и, следовательно, менее консервативные ухитряются менять «место жительства» каждые несколько месяцев. Вот, например, какой-нибудь Гурже, Лемир и др. успевают «оборачиваться» с непостижимой быстротой. Да почему бы и нет? Ведь им «нечего терять», кроме... этикетки.

Положение в Германии не в пример яснее, чем во Франции, и в организационном, и в идейном смысле. К Ленинбунду все время пытаются пристроиться «симпатизирующие» ультра-левые ультра-ренегаты коршевского толка. Не даром, «Fahne des Kommunismus» напечатала недавно наглую статью одного из таких молодчиков, в которой последний, в связи с захватом Чан Кай-ши К.-В. ж. д., ставит СССР на одну доску с империалистическими державами, открыто становится на сторону китайской реакции (китайский вопрос в освещении Ленинбунда! *Ж.)*, заявляя нам: «Руки прочь от Китая». Да что и говорить: вегетарианец Паз дает на страницах «Contre le Courant» (см. № 11) приют «самому» профессору Коршу [1]).

Близкое идейное родство Ленинбунда и коршистов несомненно. Это выражается прежде всего в оценке происходящих в СССР социальных процессов, на которой мы уже отчасти останавливались. Урбанс не такой мямля, как Троцкий, чтобы ломать себе голову над вопросом, совершился ли в СССР термидор полностью или в энном проценте. В статье, посвященной XI годовщине Октябрьской революции, «Fahne des Kommunismus» прямо заявляет, что с диктатурой пролетариата в СССР кончено. Вся забота Урбанса сводится к тому, чтобы обеспечить нам закрепление хотя бы на позициях февральской революции. (Как будто бы революции когда-нибудь возвращались в исходное положение). Если иметь в виду, что Троцкий характеризует теперешний режим в СССР «керенщиной наизнанку», то, надо думать, у Урбанса нет оснований быть недовольным. На самом деле это не так. Лозунг тайного голосования хорош, но этого мало. И Урбанс настойчиво советует Троцкому свернуть с пути реформ, независимо от их «глубины», и сделать «соответствующие» изменившейся обстановке выводы. («Fahne des Kommunismus» от 25 I 1929 г.).

---

[1]) Уже после того, как это было написано, мы ознакомились с редакционной передовой за подписью *в с е й* группы «Contre le Courant» от 28/VII по вопросу о советско-китайском конфликте. «Противотеченцы» не за Чан Кай-ши, боже сохрани, но они за то, чтобы Советы удовлетворили его притязания на К.-В. ж. д. Больше того, «Contre le Courant» заявляет, что Советский Союз охвачен в Китае империалистическими замыслами. Поэтому рабочие не должны откликнуться на призыв Коминтерна о защите СССР. Все эти гнусности сдобрены рассуждениями о том, что советская власть не является больше рабочей, а представляет «промежуточный (!) и привилегированный класс, который имеет интересы, отличные и зачастую противоречащие интересам рабочего класса». В том же самом номере группа Паза обращается по частному вопросу с открытым письмом к социалистической партии. Своей статьей о советско-китайском конфликте «Contre le Courant» заслужило себе право обратиться к социалистам с коллективным заявлением о приеме всей группы в социалистическую партию.

В вопросах внутренней германской политики излюбленным коньком Ленинбунда является тактика профсоюзов. Что бы партия ни предприняла в руководстве экономическими боями пролетариата (об'явление стачек помимо воли профсоюзных бюрократов, работа среди неорганизованных, распространение влияния на фабзавкомы и пр.), Ленинбунд неизменно выступает в той или иной форме против. В особенности характерно отношение группы Урбанса к стремлению компартии организовать неорганизованных и тем самым создать реальные опорные пункты против реформистов в профдвижении. Мнение Ленинбунда по этому вопросу («Volkswille» от 15 марта) настолько показательно, что мы приведем его полностью. «Всегерманское руководство Ленинбунда открыто заявляет, что оно категорически отказывается от какой бы то ни было политики создания оппозиционных параллельных профсоюзов на ряду со свободными не из боязни раскола свободных профсоюзов, а в первую очередь потому, что *и оппозиционные союзы под руководством коммунистов не могут заниматься иной по существу политикой, чем свободные профсоюзы*» (подчерк. мной.—*Ж.*). Ультра-левые, таким образом, подписываются под политикой реформистских профсоюзов. Эта точка зрения настолько понравилась брандлеровцам, что их орган «Gegen den Strom» (от 30 марта) хвалит Ленинбунд за эту статью, из которой видно, что «понимание ультра-левыми проблемы (профсоюзов) во много раз превосходит» понимание ГКП. Та же «непримиримо-революционная» тактика наблюдается и в отношении Ленинбунда к руководимым партией массовым политическим выступлениям рабочих (1 мая, 1 августа). Но пикантнее всего, что именно Урбанс обвиняет при этом партию в ультра-левизне, путчизме и пр. смертных грехах. Конечно же, эти обвинения обосновываются «об'ективным» анализом международной и внутренней обстановки, из которого следует, что куда ни плюнь, всюду реакция, упадок рабочего движения и пр., и пр., и пр.

В вопросах международной политики Ленинбунд не менее последователен и, конечно, оппортунистичен. Урбанс, как и идущий за ним Трен, обвиняет Советский Союз, разоблачающий нежелание империалистических держав разоружаться, в сеянии пацифистских иллюзий. Но как дело доходит до оценки конкретной политики империалистических государств к СССР, до вопроса об угрозе войны СССР, так выявляется истинное лицо Ленинбунда. Излагая речь тов. Тельмана о международном положении СССР, в которой он указал, что правительство Макдональда будет не только способствовать военной политике против СССР совместно с крупнейшими империалистическими державами, но и активно ее проводить,—«Volkswille» от 12 июня со своей стороны заявляет: «Для Тельмана ничего не значит, что правительство Макдональда как раз сейчас заявляет о возобновлении сношений с СССР, как о пункте своей программы». Какая трогательная вера в «пункты» программы Макдональда (у последнего, ведь, есть еще ряд хороших «пунктов»!) Какой гениальный «прогноз», весь блеск которого обнаруживается, «как раз сейчас», когда «рабочее» правительство сорвало немедленное и безусловное возобновление сношений с СССР («англо-русский» вопрос в освещении Ленинбунда!). Однако, Урбанс не останавливается на частном вопросе, он «обобщает». «Его (т.-е. Тельмана) не касается также то, что сейчас почти все империалистические державы, а в особенности Соед. Шт. Сев. Америки развивают свои мирные отношения с Россией». Такая идиллия, что дальше уже некуда. Опасность интервенционной войны против СССР, по Ленинбунду, с каждым днем уменьшается. Поэтому напрасно коммунисты поднимают такой шум. Да ведь это то же самое, что говорят социал-деомкраты. Вот как Ленинбунд, отнюдь не по «пацифистски», подготовляет рабочий класс в связи с опасностью войны. На ряду с прочими оппортунистами он об'ективно помогает империалистическим державам маскировать действительные цели их политики.

Такого рода оценка сближает ультра-левый Ленинбунд с германскими правыми. И совсем неслучайно, что газета Урбанса «Volkswille» откликнулась, не долго думая, на «авансы» Тальгеймера, приглашавшего Урбанса к совместным действиям на базе требования внутрипартийной демократии. «Правые хотят открыто бороться за п а р т и ю (а не за протаскивание своих оппортунистических взглядов? *Ж.)*... Появляется враг, который вначале выступает как «союзник». До сих пор он позволял Тельману заботиться о своих делах. Сейчас он сам хочет ими заняться. Мы приветствуем в «союзнике» врага (не дурно сказано. *Ж.*) («Volkswille» от 20/X 1928 г.).

Через несколько дней (26/X) «Volkswille» возвращается к вопросу о блоке с правыми, раз'ясняя, для какой цели он понадобился. «Весьма сомнительно (!), имеется ли при этом в виду проведение (правыми. *Ж.)* правильного политического курса. Но это все равно (вот это уже откровенно. *Ж.*): завоевать членов КПГ и рабочий класс для правильного ленинского курса можно будет лишь в том случае, если будут поставлены политические «вопросы, и если на них будут даны ответы». А пока что дадим волю сторонникам «сомнительно» правильного курса.

Но уже 2 ноября «Volkswille» спешит поправиться. Она строго запрашивает германских правых, солидаризируются ли они с правыми СССР. Если да(!), то Ленинбунд будет непримиримо (грош цена этой «непримиримости». *Ж.)* бороться как против своих, так и против русских правых.

Однако, мысль о блоке с правыми не оставлена. В мае «Volkswille» (от 17 мая), давая отчет о докладе Пауля Фрейлиха на открытом собрании правых в Берлине по поводу 1 мая, заявляет: «Он совершенно правильно оценил слабости «красных фабзавкомов», он сказал много неоспоримого о вине КПГ в майском поражении, а также об игре с вооруженным восстанием, которую теперь ведет КПГ». В ответ на нежное похлопывание по плечу Урбанса, орган правых «Gegen den Strom» подтверждает, что ультралевые предлагали правым создать тактический блок, который правые готовы были осуществить лишь при согласии ультра-левых принять платформу правых. В номере от 25 мая «Gegen den Strom», кроме того, требует от Урбанса отказа от левого прошлого и более полного изложения взглядов Ленинбунда по германскому вопросу. По русскому же вопросу орган правых высказывается против позиции группы Троцкого. А вообще же, заявляют правые по адресу Ленинбунда, мы не очень торопимся об'диняться с вами. Так блок до поры, до времени и не вытанцовывался, в значительной мере вследствие б о́ л ь ш е й п р и н ц и п и а л ь н о с т и правых.

Поразительно все-таки, до чего точно Урбанс, притом совершенно самостоятельно и независимо, повторил тактику Троцкого в СССР. Да уж они «национальной ограниченностью» не страдают: это сторонники борьбы против партии всеми методами не «в одной стране», а во всех решительно странах.

Ленинбунд в Западной Европе является количественно наиболее сильной оппозиционной группировкой, опирающейся, правда, почти исключительно на бывших партийных функционеров. Для этих функционеров, как, например, для бывшего соратника Урбанса, Бартельса, ничего не стоит сменять редакторский пост в Ленинбунде на такой же пост в соц.-дем. газете. Несмотря на свою относительную силу, Ленинбунд является наиболее чувствительным местом «Августовского» Интернационала. Причина этому, как ни странно, лежит в оценке Ленинбундом положения в СССР. Статья в «Volkswille» от 7 января 1928 г. «Наивность или демагогия», направленная против германских правых, уклоняющихся от разговоров по русскому вопросу, об'ясняет нам, в ч е м д е л о. Автор статьи спрашивает, принадлежит ли е щ е (подч. мной.—*Ж.)* ведущая роль в революции России, или у ж е (подч. мной.—*Ж.)* наступил момент, когда центр тяжести пролетарской революции

перемещается о п я т ь (подч. мной.—*Ж.*) в капиталистические высокоразвитые страны. Из всего контекста статьи видно, что автор на первый вопрос отвечает отрицательно, а на второй утвердительно.

Но если это так, то кончается руководящая роль русского рабочего класса, роль, которая оправдывалась наличием в России диктатуры пролетариата. Поэтому, если раньше (до термидора. *Ж.*) ВКП по праву принадлежала руководящая роль в Коминтерне, то при изменившихся условиях, русская оппозиция, по Урбансу, не в праве рассчитывать на такое же положение в «Августовском» Интернационале. Центр тяжести переместился в высокоразвитые капиталистические страны. К числу их, в первую очередь, относится Германия. Следовательно, гегемония в «Августовском» Интернационале должна принадлежать Ленинбунду. Теперь понятно, почему на каждом шагу Урбанс в «Fahne des Kommunismus» покровительственно одергивает Троцкого, давая ему теоретические указания. Печальная картина—Урбанс в роли теоретического наставника Троцкого.

Но русская оппозиция в лице Троцкого не может на это итти с легким сердцем. Предстоит кровопролитнейшая борьба между двумя «братскими» оппозициями. Троцкий ищет в Германии опоры вне Ленинбунда и обращает свои взоры на Вебера и его т. н. Веддингскую оппозицию. Вот что пишет Троцкий по этому поводу в письме от 9 мая: «Дело в том, что их политический конкурент (т.-е. Урбанс. *Ж.*) ведет свою газету чрезвычайно поверхностно. Над ним необходим серьезнейший контроль. Установить такой контроль можно только через посредство теоретического органа. Вот такого рода орган, или бюллетень, или немецкое издание интернационального органа я и хочу поставить при ближайшем участии В. Написанное им предисловие целиком говорит в его пользу и показывает, что он гораздо серьезнее, чем его торопливый конкурент. Говорят, что он крайне мало активен. Это большой недостаток в революционере, что и говорить. Но для чисто теоретического органа, выходящего, скажем, раз в месяц, это качество менее ощутительно, чем для другого рода работы».

Что же собой представляет этот самый Вебер? Некоторая характеристика его заключена уже в приведенной цитате. Он, оказывается, мало активный революционер. Но для того, чтобы раз в месяц убеждать других быть активными, он вполне подходит, благо написал на двух страничках предисловие к книге Троцкого. Автору этих строк довелось осенью прошлого года ближе познакомиться с Вебером. Возглавлявшаяся им т. н. Веддингская оппозиция к тому времени почти рассыпалась: одни ушли в Ленинбунд, другие—в личную жизнь, а остальные, в том числе и Вебер, не проявляли никаких признаков жизни. Издаваемая с начала года Вебером в Пфальце ежемесячная газета «Пионер» служит только фиговым листком для прикрытия его политической наготы.

В одной области Вебер обнаруживал некоторую живость: в связях с русской оппозицией. Корни этой «привязанности» имеют, можно сказать, главным образом, хозяйственный характер. Известно, что некоторые лидеры русской оппозиции незаурядные литераторы. Известно, что мировой книжный рынок пред'являет известный спрос на книжки, дающие оценку различных вопросов с оппозиционной точки зрения. Вот Вебер и выступает перед русской оппозицией в роли «толкача» по издательским делам, не без умеренного вознаграждения, понятно. В частности, в этом именно, а не в писании предисловия, была главная забота Вебера при издании на немецком языке «Критики программы Коминтерна» Троцкого. Следовательно, для руководителя «торговым сектором» интернационального органа оппозиции, кандидатура выбрана неплохо. Но на роль редактора, а тем более политического контролера Ленинбунда Вебер, право же, не годится.

Немного остается сказать об оппозиционных течениях в других странах. Бельгийская группа Ван-Оверстратена имеет безусловно правые тенденции, что выразилось, например, в ее профсоюзной тактике.

Вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюзов решается Ван-Оверстратеном приблизительно в том же духе, что «теоретиками» профдвижения из «Contre le Courant». Необходимо в своей деятельности среди профсоюзов опираться исключительно на свои права и обязанности как членов профсоюзов, не допуская «вмешательства» какой-либо посторонней силы (сиречь партии. *Ж.*) — так поучает Ван-Оверстратен (Ст. «La Lutte Synbicale et les Partis Politiques» в газете «Le Communiste» № 16). Политические партии являются большей частью худшими врагами профсоюзного движения, его разрушителями и развратителями. Более откровенно поведал нам о своих задачах в профсоюзах, некий L. G. («Le Communiste» № 23). Он защищает линию, которая «не имеет ничего общего с коммунистической концепцией завоевания профсоюзов для социальной революции». Поэтому он ставит на одну доску и соц.-демократов, и коммунистов, так как и те, и другие хотят сделать профсоюзы орудием их грязной политики. Как эта «теория» выглядит на практике, видно из поведения бельгийских оппозиционеров в конфликте в профсоюзе служащих в Брюсселе. Реформистское руководство добивалось в течение длительного времени исключения из этого профсоюза ряда его активных деятелей-коммунистов. Революционные элементы профсоюза призывали бороться до конца против незаконных раскольнических действий реформистских лидеров. Представители оппозиции рекомендовали, в целях избежания исключения бельгийского профсоюза, подчиниться постановлению когресса. Иначе говоря, они уже заранее складывали оружие перед реформистами, фактически играя на руку их политике.

Профсоюзной теории и практике соответствуют и взгляды Ван-Оверстратена на роль партии. Тут мы имеем дело со своего рода западно-европейским «коммунизмом». Прежде всего, оказывается, не надо забывать своеобразных условий западно-европейской демократии, которая не имеет ничего общего с режимом царизма до 1917 г. Поэтому, «не нужно смешивать способы, которые могла применять для своего образования русская коммунистическая партия, со способами, которые должна будет применить бельгийская коммунистическая партия для подготовки заметных революционных сил» (Ст. Ван-Оверстратена в «Le Communiste» № 28). Такой учет «местной» обстановки позволит Ван-Оверстратену освободиться от многих, если не от всех, уроков «азиатской» Октябрьской революции. Неудивительно, что бельгийские оппозиционеры питают особо нежные чувства к Суварину.

Любопытно, однако, что и правые бельгийцы, и «левый» Ленинбунд, несмотря на враждебные отношения друг к другу, восприняли одну и ту же тактику в парламентских выборах.

В Австрии копошится правая группа Фрея, а левее от нее «центрист»-одиночка Курт Ландау. В Чехо-Словакии «все находится в брожении». После неудачного опыта с правыми, Троцкий отрекается даже от Нейрата, который в сердцах из левых перебежал к правым. Михалец стоит в сторонке и философски наблюдает, бросая изредка каверзные вопросы в направлении Троцкого. А рабочие резервы, попавшие «не в ту дверь», не подходят. Отдельные любители предлагают Троцкому свои услуги при условии отмежевания от троцкизма («Fahne des Kommunismus» от 1/VII). В Соединенных Штатах мы имеем ультра-правого, но доброго немца Лоре и сомнительно-левого Кеннона, которому понадобилась поездка в прошлом году в Москву, чтобы узнать о существовании русской оппозиции и убедиться в ее правоте.

Последние мероприятия ИККИ по оздоровлению американской компартии и ликвидации правого уклона в ней отвлекут от группы Кеннона наиболее ценные пролетарские элементы.

Вот и все портреты главных героев нового Интернационала.

Попытаемся, все-таки, равняясь по лидерам, определить условно расстановку оппозиционных «сил» в мировом масштабе. На правом фланге окажутся Суварин, Фрей, Лоре; в центр встанет Паз, Курт Ландау, если хотите, Вебер; налево, браво промарширует темпераментный, как полагается «левым», Трен, ну и понятно, величественный Урбанс. Некоторые затруднения будут с «лево-правыми» Монаттом и Кенноном. Ну, ничего: в тесноте, но не в обиде. А в общем «право-лево-лево-право-центристский» взвод, т.-е., виноват, блок.

Но блок трещит по всем швам, не успев еще возникнуть. Слишком различны взгляды, задачи, методы, темпераменты отдельных кандидатов в блок. И вот уже раздается «крик наболевшей души». Трен обращается к Троцкому с патетическим, но почтительным запросом: «Конечно, никто не может запретить, чтобы та или иная группа об'явила себя солидарной с тобой. Но ты, тов. Троцкий, ты не можешь ли сказать, с кем ты единодушен? с кем следует итти» и т. д.(«Fahne des Kommunismus», от 12/VII 1929 г.). — Да совсеми, бедняга Трен, со всеми»!

* * *

Такова характеристика этого «левого» («ужасно левого») блока, который должен возглавлять Л. Д. Троцкий. Нужно ли после всех этих ярких фактов доказывать, что сколачиваемый Троцким блок есть антикоммунистический блок, в котором радикальные интеллигенты, вроде Истмена, должны исправлять нашу партию вкупе и влюбе с держателями колбасных и трактирных заведений, собравшихся под крылышком бесхребетного социал-демократа Лоре, или «доброго социал-демократа» Паза, или путаника Трена, или правого из правых Суварина, или правых чехо-словацких ренегатов и проч.?! Конечно, Солнцевы очень озабочены тем, чтобы не потерять подобных друзей заграницей. Поэтому они склонны оправдать любой шаг Троцкого: и его выступления против антивоенного дня 1-го августа и его гнуснейшие статьи в буржуазной печати и то, что он с е г о д н я продолжает печататься в таких органах, как «Нью-Йорк Америкэн», и в «Нейе Фрейе Прессе». В одном из своих произведений последнего времени этот Солнцев пишет, что у Л. Троцкого «исключительно тяжелое положение человека, который теперь связывает русскую оппозицию с международной: повернется в одну сторону,— потеряет одних, повернется в другую — потеряет других». Мы думаем, что Солнцев напрасно печется об этом. Таких то, как Лоре, таких то как Истмен, как Суварины — ренегатов коммунизма и радикальных бесхребетных интеллигентов — сколько угодно найдется! они всегда готовы будут поддержать блок оппозиции против Коминтерна, против ВКП(б). Но надо, чтобы все видели совершенно ясно, какими иллюзиями питаются и питают других троцкисты, изображая Троцкого в роли нового Калиты, собирающего «левые» элементы рабочего движения заграницей.

3. Блок троцкистов и социал-фашистов против антивоенного дня.

Испытание и проверка троцкистов не кончилась на сколачивании «августовского» интернационала. Сколачивание «августовского блока» есть только один из примеров того, как и куда растет эта группа. На примере антивоенного дня мы видели нечто такое, чего мы не ожидали д а ж е от троцкистов. Против антивоенного дня сплотились все силы реакции, начиная от фашистов и кончая социал-демократами. Именно на примере борьбы против антивоенного дня социал-фашизм выявил свое лицо полностью. И вот

на поведении оппозиционных групп в связи с подготовкой к этому дню можно было видеть ясно расстановку классов и партий, которую мы будем иметь во время войны: кто — с кем, кто — против кого. Где же оказались троцкисты? Мы утверждаем, что они оказались в одном лагере с социал-фашистами. Вся «оппозиционная» печать, начиная с правых (Суварин) и кончая ультра-«левыми», старались доказать, что мы преувеличиваем опасность войны, раздуваем ее и т. п. В этом отношении они пели в один голос с социал-демократами. Органчик оппозиции «Международное Обозрение», в котором участвует Л. Троцкий, так же как «Фане дес Коммунисмус» напечатал статью: «Что предстоит 1-го августа, и в этой статье говорится: «Демонстрацию 1-го августа надо сорвать. Оппозиция должна приложить все силы к тому, чтобы этого добиться. Нужно постучаться в двери всех тех партийных организаций, за спиной которых решался вопрос о назначении демонстрации 1-го августа». Мы не знаем, куда «постучались» эти господа накануне 1-го августа, не исключено, что кое-кто из них постучался в двери полицей-президиумов. Но что они приложили руку вместе с социал-фашистами к тому, чтобы сорвать демонстрацию 1-го августа—это факт. Мы вправе сказать, всем друзьям рабочего класса, всем организованным в Коминтерне и всем сочувствующим коммунизму рабочим: берегитесь этих людей, помните, где будет их место в день об'явления войны! Сегодня они срывают демонстрацию коммунистов, направленную против мировой бойни: в день об'явления войны они станут прямыми предателями, станут в ряды наших врагов. В одной из статей Троцкий писал: «Надо отказаться от манифестации... Теперешняя политика Коминтерна подрывает и уничтожает влияние, завоеванное Октябрьской революцией и первыми 4-мя конгрессами Коминтерна, надо эту политику в основе изменить. Начать надо с отказа от манифестации 1-го августа». Троцкий прекрасно знает, что манифестация решена была VI конгрессом Коминтерна, но для Троцкого существуют решения только тех конгрессов, в которых он сам участвовал, да и то он плюет на них с высокого дерева, когда это ему нужно, как, например, в вопросе об участии в буржуазной печати. А теперь он, прикрываясь якобы тем, что он желает удержать «влияние, завоеванное Октябрьской революцией и первыми четырьмя конгресами Коминтерна», вместе с социал-фашистами борется против выступления, распространяющего свое влияние на широкие массы рабочих, активизирующего эти массы для борьбы за пролетарскую диктатуру, для защиты страны пролетарской диктатуры. Что же удивительного после этого в том, что Троцкий принимает участие в органах, в которых печатаются, например, такие статьи, по поводу К.-В. ж. д., какая напечатана была в органе французских троцкистов «Против течения». В редакционной статье № 35 этого журнала троцкисты писали: «Коммунистическая оппозиция предостерегает пролетариат против всякой сентиментальности в подходе к событиям в СССР. Тот факт, что СССР брошен в конфликт с Китаем, еще не доказывает, что дело СССР в данном случае неразрывно связано с делом пролетариата. Советский Союз в 1929 году это не то, что красная Россия в 1917 году». Кажется, ясно. Чтобы сделать вопрос «еще более ясным», троцкисты доказывают в той же статье, что «Советский аппарат, в котором ныне хозяйничают обуржуазившиеся бюрократы уже имеет очень мало общего с пролетарским государством, выкованным Лениным и большевиками в 1917—23 гг.». Теперь дело совершенно ясно: конфликт на К.-В. ж. д. ни в коем случае не связан неразрывно с делом пролетариата, так как СССР теперь уже не является социалистическим государством. Где тут граница между социал-фашистами и троцкистами мы предоставляем судить всяким Солнцевым и им подобным. А дальше идет в той же статье совершенно неприкрытый призыв к нападению на СССР. Оказывается, что этот конфликт должен показать рабочим, как советская «бюрократия», предавая социализм, вступает на путь национализма и буржуазного шовинизма, не останавливаясь перед ценой войны». Дальше дело уже изображается так, как будто мы пытаемся «силой оружия отстаивать железную дорогу, построенную во времена царизма, с целью проложить дорогу в Манчжурию русскому империализму». Это уже не «тезис Клемансо»,—это почище! Это прямое открытое предательство, открытый переход на сторону классового врага, на сторону империалистов, которые пытаются изобразить дело именно так, что русский «красный империализм» хочет проникнуть в Манчжурию. Троцкий пытался поправиться, написал специальную статью для «Фане дес Коммунисмус»—«Советско-китайский конфликт и задачи оппозиции». Он делает попытку отгородиться от подобных взглядов. Как же он отгораживается? Он опубликовывает какие-то выдержки из протоколов какой-то комиссии, в которой он якобы председательствовал, по вопросу о К.-В. ж. д. Он «разоблачает» политику советского государства под видом критики вышеизложенных нападок на СССР. Делает он это для того, чтобы об'яснить, как он сам пишет, почему ВКП (б) в настоящее время «ответственна за провокацию Чан-Кай-ши».

Дополнением ко всему этому служат автобиографические излияния Л. Троцкого, печатаемые изо дня в день до сегодняшнего дня в буржуазных органах. Изо дня в день в «Нейе Фрейе Прессе»—органе австрийско-немецкой буржуазии, весьма сочувственно относящемся к фашистам и фашистскому перевороту в Австрии, поддерживающем «хеймвер»—и сегодня печатаются эти статьи Троцкого. Накануне антивоенного дня статьи Троцкого красовались рядом со статьями, направленными против коммунизма, против антивоенного дня. Это ли не позор для тех, кто считает Троцкого большевиком!

Когда мы перебираем прошлую историю революционного движения, одно имя напрашивается на сравнение — Лев Тихомиров. Лев Тихомиров был одним из видных деятелей партии Народной Воли,— редактором «Вестника Народной Воли». Под влиянием трудностей борьбы он изменил партии, он перешел, правда, не сразу, на сторону врага, он выступил с ренегатскими статьями, которые оплевывали партию Народной Воли. Эта фигура другого Льва — Льва Тихомирова — невольно всплывает теперь, когда следишь за шагами, какими шагает Л. Троцкий. Если имя партии «Народной Воли» и ныне, через 50 лет является именем революционной партии, поднявшей знамя политической борьбы против царского самодержавия, то имя Льва Тихомирова вспоминается, как имя политического мертвеца, ренегата. Вся оппозиция вынуждена и обязана определить свое отношение прежде всего и раньше всего к этим шагам. Допустимо ли не только одобрять подобные шаги, поддерживать их, допустимо ли умалчивать об этих шагах, как это делают некоторые вожди оппозиции? Больше того: можно ли оставаться большевиком, коммунистом и не протестовать против всех этих шагов, как против ренегатских, предательских, изменнических шагов, контрреволюционных шагов?

И эта критика шагов быстро шествующего по пути ренегатства Л. Троцкого идет теперь неудержимо среди бывших сторонников Троцкого, еще вчера остававшихся верными ему. Примерно, месяца три тому назад Е. Солнцев писал своим друзьям о тех процессах, которые происходят среди троцкистов, о той переоценке Троцкого, которая сейчас происходит среди его сторонников.

«Теперь о другом, исключительно важном вопросе — о вопросе о Л. Д. Тут нужны какие-то исключительные шаги, потому что он висит на волоске.

В предыдущем письме я писал Вам, что ему грозит опасность быть преданым собственными кадрами, теперь эта опасность стала реальной... По мере роста капитулянтских настроений растут и настроения, а порой и просто злоба против Л. Д. Одни идут естественно на это, другие искусственно взвинчивают себя... Люди, которые еще недавно не говорили о нем иначе, как с благоговением и для которых цитата из его документов была решающим аргументом, в лучшем случае избегают разговоров о нем, в худшем — ведут разговоры об истерическом троцкизме, о середняке, о сотрудничестве в буржуазной печати, о том, что «он завел нас в тупик» и т. д. У одних «заговор молчания» ...у других — резко враждебное: пусть, мол, сам расплачивается! Его судьба в его собственных руках, если он и его ближайшие друзья не хотят поворачивать вместе с нами, тем хуже для них». Мы держимся за него зубами, отстаиваем, как можем, всюду вопрос о нем выпячиваем, но все чаще натыкаемся на стену настроений такого рода, что «он, мол, человек конченый, надо с ним поскорее развязаться».

Мы убеждены в том, что никаким Солнцевым не удастся задержать этот процесс. Если Троцкий, как политический деятель, даже по мнению его самых близких друзей, висит сейчас на волоске, то, надо думать, ближе к истине те его вчерашние друзья, которые считают, что Троцкий, как коммунист, как большевик — «человек конченый».

Но как же,—спросят некоторые,—разве у Троцкого не осталось уже больше сторонников, разве не посылают еще и сегодня заявления в ЦК и ЦКК оппозиционеры о том, что они считают необходимым восстановление Л. Троцкого в партии? Да, такие заявления делаются.

Мы хотели бы, чтобы в этом деле была полная ясность. Со времени апрельской конференции отошло от оппозиции несколько сот человек. Наибольший отход был связан с заявлениями тт. Радека, Смилги и Преображенского (до настоящего времени вместе с ними отошло **более 500 человек**). Конечно, Троцкий **официально** иначе не может расценивать заявления этих трех товарищей, как «жалкий документ», покаянное заявление, «исключительный документ политического и нравственного перерождения» и т. п. Теперь Троцкий пытается утешить себя и своих друзей тем, что «Преображенский, Радек и Смилга давно уже представляют собой мертвые души». Скажите пожалуйста! А мы и не знали, что Троцкий является своего рода Павлом Ивановичем Чичиковым, торгующим мертвыми душами! Когда Троцкий представлял VI конгрессу Коминтерна заявление за подписью этих своих тогдашних товарищей, он ведь знал их очень хорошо. Это ведь только Павел Иванович Чичиков торговал мертвыми душами и записывал давным давно умерших людей в списки купчих актов, которые он заключал при продаже крестьян-крепостных. Троцкий занимается статистическими выкладками и уверяет, что не страшно, если отойдут не только сотни, но и тысячи,— так велика его уверенность в своих «кадрах». И в самом деле: не может быть страшно человеку, если у него за спиной такие кадры, как Лоре с его колбасниками или кондитерами, сам Макс Истмен и сам Суварин на придачу с Вебером, Треном, Пазом и пр., да еще такие большевики, как Тер Оганесов или Гирчик. Как же, спрашивает он: недавно говорили о «сумерках троцкизма», о распаде троцкистской оппозиции, затем о разгроме и, наконец, о том, что «гроб и крышка троцкизму»? Ничего больше не остается делать Троцкому, как изображать веселую мину при весьма дурной игре, хотя он прекрасно знает, что и члены политически мертвой партии, как, например, партии русских меньшевиков издают листовки, журнальчики, пророчат, угрожают — точь в точь, как члены троцкистской партии. Позвольте вам рассказать об этой игре словами того же самого проф. Солнцева. Мы приводим обширные выдержки из документа, написанного Е. Солнцевым. Письмо это относится к тому времени, когда появилось заявление Радека, Смилги и Преображенского. Оно вскрывает полностью то, что происходит в среде троцкистов; оно **разоблачает** политический смысл тех шагов, которые предпринимаются единомышленниками Солнцевых, подающими коллективные заявления в духе развиваемого им стратегического плана сохранения кадров троцкистов.

4. „Похабный документ“ Е. Солнцева.

«То, о чем я писал месяца два назад,—пишет Солнцев,—как о возможной перспективе, стало фактом. **Катастрофа разразилась.** Господствующее настроение—**паника и растерянность**, поиски индивидуальных выходов из положения. Исключительно тяжелыми стали повсюду внутренние взаимоотношения, которые и раньше были не особенно хорошими. Неслыханное предательство тройки разорвало все моральные задержки и принципы, которые не позволяли делать некоторых вещей. **Полное идейное и моральное разложение, никто больше никому и ни во что не верит.** Создалась обстановка взаимного недоверия, групповых обсуждений, взаимной отчужденности и изолированности. Каждый боится, что его предадут, что другой забежит вперед, поэтому каждый сам стремится забежать вперед, чтобы не запозать, чтобы самому по спинам других проскочить в партию. **Прорваны все плотины.** Даже люди, которые хорошо понимают, что левое крыло еще необходимо, что далеко не все еще сделано, что нужно кому-то оставаться доделывать, предпочитают, чтобы оставались другие. Основное опасение их в том, что, чем меньше людей останется доделывать, тем меньше у них шансов на то, чтобы вернуться в партию, что последние, особенно если их будет мало, падут жертвой... Те немногие, которые не потеряли ни головы, ни взглядов, ничего сами сделать не могут, не могут даже приостановить паники. В Тобольске дрогнула еще одна группа, которая держалась до сих пор стойко, а теперь заявила о своем согласии с Ив. Ник. [1]), который вообще стал дежурным вождем капитулянтов, и точка зрения которого стала промежуточным этапом для тех, кто не может по разным причинам сразу повернуть на позиции тройки. Из этой всей обстановки, на причинах которой я не буду останавливаться, и надо исходить. Чтобы не дать катастрофе завершиться, нужны быстрые решительные и—потому что мы недопустимо запоздали—опасные и рискованные шаги. Еще месяц—два тому назад можно было бы с меньшим риском и на менее тяжелых позициях этот выход найти. Теперь надо итти на большее. То официальное письмо, которое вам посылается, есть то, на чем сегодня удается пока задержать публику. Я не согласен (как и некоторые другие) с рядом мест в письме, но на него пришлось пойти, потому что иначе был бы немедленный раскол. Как я понимаю тот шаг, который в этом письме предлагается и почему я считаю, что нужно на него пойти? Дело не в тех, которые отошли. Дело в тех, которые остались. **Если завтра Ив. Ник. или кто-либо другой напишет несколько более приличное заявление, чем тройка, он соберет не меньше трех четвертей оппозиции.** Что Ив. Ник. напишет такое заявление, в центре которого будет вопрос о прекращении фракц. работы, почти бесспорно. Если по-

---

[1]) Речь идет, очевидно, об Ив. Ник. Смирнове, подавшем заявление в ЦКК вместе с Богуславским, А. Белобородовым, С. Мрачковским и др., — заявление, которое ЦК и ЦКК считают, однако, неприемлемым.

чему-либо он этого не напишет, то заявления (индивидуальные и групповые) такого рода посыпятся из колоний. Такого рода шаг—отказ от фракционной работы—будет неизбежно ближайшим шагом, который будет сделан громадным большинством оппозиции. Так как в той форме, в какой это заявление будет написано Ив. Ник. или отдельными группами, оно будет для нас неприемлемым, то мы окажемся маленькой кучкой, отрезанной и изолированной от всего и всех, а для них этот шаг станет кратковременным этапом перед капитуляцией. Задача заключается, по моему мнению в том, чтобы попытаться превратить этот шаг, которого мы предотвратить не можем, в маневр с нашей стороны вроде того, какой был сделан 16 октября 1926 года. Думаю, что этим путем можно было бы временно приостановить или хоть ввести в известные границы нынешнее беспорядочное паническое отступление и взять инициативу в свои руки, хотя бы при помощи этого похабного шага... Я не возлагаю очень розовых надежд. Я вижу все отрицательные и опасные стороны, связанные с таким шагом, но у нас есть лишь два пути—или предоставить дело стихии и дать движению разложиться без остатка, или использовать те небольшие шансы, которые может дать такой шаг. Какие положительные результаты может дать этот шаг в случае, если его удастся проделать? Раньше всего, как я уже говорил, мы хотя и на весьма похабных позициях, берем инициативу в свои руки, а инициатива бывает часто в отступлении важнее, чем в наступлении. Во-вторых, это дает шансы на то, что на этих позициях мы кое-кого сможем удержать. Уже самый факт, что будет сделан какой-то шаг сверху, что есть кто-то, кто думает о движении в целом, несколько ослабит панику и внесет успокоение, а задержать можно лишь на такой позиции именно потому, что мы запаздываем и что дали отступлению зайти так далеко, его можно удержать лишь на очень далеких позициях. Надо задержать хоть здесь. Очень многие подпишут заявление об отказе от фракционной работы, независимо от того, кто его напишет, но одно дело, если оно будет написано Ив. Ник. или будет писаться индивидуальным и групповым путем; и другое дело, если этот шаг сделаете вы, Коссиор, Окуджава, Муралов, Белобородов и т. д. В первом случае оно становится наверняка шагом к ликвидации оппозиции, во втором случае оно может стать исходным маневром для ее сохранения. Какие опасности по этой линии? Основная опасность в том, что оно может быть не понято оппозицией и может, об'единив капитулянтов, оттолкнуть верных платформе. Единственной гарантией может служить лишь то, что этот шаг будет сделан руководителями, которые сохранили доверие. Те, кто сразу не поймет смысла и значения маневра, и подымут крик, как это было с настоящим 16 октября, понемногу подтянутся. Это относится к нашему левому флангу, который витает еще в облаках и в особенности к нашей молодежи, которая, как всегда, в утрированном виде повторяет добродетели и пороки старших... Надо очень бережно и осторожно относиться к ней, тем более, что капитулянты склонны их сделать главными козлами отпущения. Этих мы при некоторой осторожности не потеряем, зато многих удержим, а задержать надо хотя бы до осени. Осенью, несомненно, развернется большая драка в стране, а, следовательно, и в партии. Тогда возможны два варианта в ходе событий: либо... появятся шансы

на то, что нам удастся на более выгодных условиях проскочить в партию всем течением, либо.. мы опять вступим в бой. Именно поэтому нам важно многих удержать... Что касается тех кадров, которых задерживать не нужно, то мы и их ставим в более благоприятное положение, чем это было 16 октября. Мы выводим их из-под ураганного огня, не даем их изолировать, получаем передышку для перестройки рядов, получаем возможность немного выждать. Снова подчеркиваю—в нынешних условиях это опаснейший и рискованнейший шаг, это ход ва-банк, это почти авантюра, которая может ускорить гибель, если мы заранее не предвидим всех отрицательных сторон и не постараемся их преодолеть. Но... если мы этого шага не сделаем, гибель обеспечена. Помимо указанных, надо предусмотреть еще одно важное обстоятельство: мы можем пообещать прекращение фракционной работы и на время замолчать; но этого не могут по своему положению сделать ни Л. Д. ни наши заграничные друзья. Может создаться опаснейший разнобой между ними и именно надо, чтобы и они соответственно изменили свою тактику, приспособив ее к нашему шагу. Не отказываясь от критики, они должны смягчить формы ее, признать левые сдвиги, обещать, как в заявлении VI конгрессу, поддержку левых мероприятий, подчеркивать нашу историческую правоту, доказывать, что жизнь оправдала нас, что мы как раз за это и дрались и т. д. Не знаю, удастся ли вам довести это до их сведения, не знаю также, удастся ли убедить в необходимости этого Л. Д., который очевидно очень слабо осведомлен о положении у нас. Надо сделать все, чтобы уломать его для спасения движения и его самого».

Надо ли добавлять что-нибудь к этому письму? Оно своей циничной обнаженностью говорит само за себя. Однако необходимо остановиться на этом письме потому, что оно освещает ряд шагов со стороны оппозиции последнего времени. Оно дает возможность большевистским элементам, подпавшим под влияние троцкистов, яснее видеть путь, на который привела их борьба против партии. Фракционная дисциплина фактически перестала существовать для троцкистов, как целого, уже давно. С точки зрения партии или фракции, троцкисты раскололись на целый ряд групп и группочек. Известны факты, когда среди двенадцати троцкистов наблюдалось четыре или больше течений. До поры до времени эта фракционная дисциплина удерживала даже тех, кто считал, что оппозиция неправа. Но чем больше развертывалась борьба, тем яснее становились для все большего круга оппозиционеров, что их завели в тупик, что выходом из этого тупика может быть только безоговорочное признание своих ошибок, осуждение фракционной работы, полный организационный и идейный разрыв с троцкистами, осуждение контрреволюционных шагов Троцкого, отказ от платформы, осужденной партией и т. д. Верхушка оппозиции себя утешала тем, что это только Ярославские и Молотовы могут современное состояние оппозиции изобразить, как развал, распад и т. п., как гроб и крышку для оппозиции. Но среди оппозиционеров есть все-таки часть бывших большевиков, которые заблудились, сбились с ленинского пути, но не могут шествовать с Троцким, на всех его путях, не могут поддерживать ни новый «августовский блок», ни его участие в буржуазной печати, ни его контрреволюционные выступления против антивоенного дня, ни его антисоветские лозунги, особенно выдвинутые им в конце 1928 года.

Вопрос о второй партии сыграл здесь совершенно определенную роль. Часть оппозиционеров искренно верила, что создание фракции не есть еще путь ко второй партии. Троцкисты упорно доказывали, что они не хотят

создания второй партии и не замышляют такого дела. А между тем, теперь уже документально можно доказать, что Троцкий в конце 1928 года давал прямые директивы об организации второй партии. Такую директиву получил, например, Буду Мдивани, в декабре 1928 года, о чем в ЦКК имеются заявления от самих оппозиционеров, которые по этому вопросу были осведомлены Буду Мдивани [1]).

Чтобы видеть, какова была установка у Троцкого в кноце 1928 года по этому важнейшему вопросу, достаточно ознакомиться с некоторыми его директивами, относящимися к тому времени. Троцкому тогда казалось, что «капитулянтские и предкапитулянтские настроения (а под ними подразумевались всякие попытки ликвидировать фракционную борьбу признать свои ошибки и вернуться к партии. *Е. Я.*) сочувствия не встречают». Жизнь показала, что это был один из самообманов, которым питал себя и которым обманывал других Л. Троцкий. Но какая была у него самого установка? *У Троцкого была установка на неизбежность гражданской войны, на неизбежность ухода его в подполье.* Он писал:

«Далеко не все товарищи продумывают создавшуюся обстановку до конца под практическим углом зрения. *Нам надо брать установку на худший вариант.* Ни в коем случае нельзя считать, что дело само собой поправится, если мы «немножко поможем». Политика дальнего прицела требует преодоления кустарничества и партизанства. Дело надо ставить очень серьезно».

Как же предлагал «серьезно» ставить дело Троцкий, уверяя в официальных документа, что он является защитником «реформы» партии и советской власти? Он рассказывает о том, как он во времена гражданской войны («на всякий случай») запасался фальшивым паспортом. Вот примерно так он оценивал положение в конце 1928 года! Советской власти конец, запасайся фальшивыми паспортами! Это есть *последнее выражение паникерства, упадочничества, полного неверия в революцию.* Поэтому он советовал своим сторонникам:

«*Может* наступить момент, — он может наступить сравнительно скоро, — когда нелегальные базы понадобятся для всех пролетарских элементов партии. Такова *возможная* историческая тенденция нашего подполья. Сейчас на первом месте стоят для нас задачи пропаганды (включая и агитацию)... Но если классовый враг нас опередит, то *наше подполье перерастет в подполье гражданской войны против победоносного термидора. Надо готовиться и к этому худшему варианту.* Вот почему организационно-техническую работу надо ставить гораздо серьезнее, систематичнее, с большей конспиративностью, с более правильным разделением труда... При более благоприятном ходе развития, это «подполье» растворится в возрожденной партии, при менее благоприятном ходе *подлинная* партия сплотится вокруг этого подполья»...

Если вспомнить, что термидорианцами Троцкий считал руководящие кадры нашей партии, советской власти и Красной армии, что и самую Красную армию он считал и считает термидорианской и т. п., то постановка в этих директивах вопроса о второй партии и о гражданской войне приобретает совершенно ясный смысл. *Троцкий призывал свои кадры готовиться к гражданской войне и для этого создавать свою партию.* В этих же целях Троцкий давал ряд указаний, как это дело надо делать. Некоторые из этих указаний также заслуживают внимания. Например, приблизительно, около этого же времени Троцкий дает под-

[1]) Да и Солнцев пишет в цитированном письме, что «генсек» троцкистов подписал документ, от имени «всесоюзного центра» — «*может быть и союза*»: «*Наш милейший старичек*, — пишет Солнцев, — *конечно подмахнул, не задумываясь*, потому *что все звучало очень «лево»*.

«Старичок» этот, как нам известно, Борис Эльцын, бывший в Москве генсеком троцкистов. Вот именно: лишь бы *звучало* очень «лево»! Ведь в этом вся суть троцкизма!

робные директивы, в которых советует выставить самые демагогические лозунги, которые только можно придумать для того, чтобы поймать дурачков и сплотить вокруг троцкистов все элементы, какие можно сплотить вокруг враждебной ВКП(б) организации и особенно он рекомендует:

«обратить сугубое внимание на вопросы организационно-практические, строгое разделение труда, соблюдение правил конспирации, с отстранением неосторожных от работы. Связи, связи, связи». «Молодые товарищи, — поучает он, — не соблюдают, повидимому, элементарных правил конспирации (сужу по отдельным *частным* признакам). Надо бы дать на этот счет краткую инструкцию, использовав из архивов старые материалы; надо бы выделить инструкторов, чтобы подтянуть в этом отношении публику».

Пусть теперь Троцкий «подтягивает» Пазов и Тренов, как троцкисты пытались подтянуть для конспиративной работы против нашей партии и Коминтерна, иногда неплохую молодежь, сбитую с толка демагогическими обещаниями лидеров оппозиции, их бессовестной критикой недостатков и трудностей, которые переживает старана пролетарской диктатуры. Пусть попробуют перед лицом такого факта опровергнуть теперь, что дело шло о создании второй партии, что массу рядовых оппозиционеров их вожди вели с завязанными глазами к барьеру гражданской войны против рабочего класса, против ВКП(б), против советской власти. Удивительно ли, что теперь, когда эти рядовые оппозиционеры многое узнают, они начинают смотреть иными глазами на свой вчерашний день.

А с другой стороны, ведь они видят невиданное в мире развертывание революционной энергии рабочих масс, необычайный энтузиазм масс в деле социалистического строительства. Они видят такой размах социалистического строительства, о котором они и мечтать не могли. Удивительно ли, что эти рядовые оппозиционеры массами начинают покидать своих вождей? И, если вожди не возвращаются с ними в партию, они идут через голову вождей к партии. Плохо, что они это делают иногда непоследовательно, трусливо, еще оглядываясь на какую-нибудь Марию Михайловну или Шуру из оппозиции, опасаясь того, что она, эта Мария Михайловна или Шура, будет осуждать капитулянтский шаг. С такими непоследовательными людьми нам делать нечего. Но с каждым днем размежевание среди самих троцкистов неизбежно будет итти все серьезнее и все полнее. Мы были бы очень уж плохого мнения об умственных способностях и политическом уровне троцкистов, если бы после опубликования вышеприведенного письма Солнцева кто-нибудь поверил Троцкому или кому другому, что среди подлинных троцкистов есть на самом деле сколько-нибудь значительные кадры, имеющие устойчивую принципиально-выдержанную точку зрения. Тем более, что нам известны заявления о готовности подписать любое заявление партии, если это заявление будет исходить от того или иного лидера. Мы сумеем оценить такую беспринципность.

Каждый партиец поймет поэтому цель того маневра, который сейчас пытаются проделать Раковский, Сосновский и др., пославшие заявления в духе той «похабной позиции», о которой пишет в этом письме Солнцев Раковскому. Для чего делается такое заявление? Оказывается для того, чтобы перебить дорогу другому вождю оппозиции, который может собрать три четверти оппозиции на заявлении о прекращении фракционной работы. Плохо они знают партию, если думают, что на этом можно обмануть ее. Партия имеет достаточно опыта, достаточно видела изменнических шагов со стороны оппозиции, нарушения обещаний, чтобы быть обманутой такими маневрами, о которых пишет Солнцев, и которые пытаются проделать сейчас некоторые вожди оппозиции. Несмотря на то, что у оппозиции имеются такие замечательные стратеги, как Солнцев, которые могут разрабатывать замечательные стратегические планы, вроде вышеприведенного, вся эта страте-

гия ясна будет теперь каждому рабочему [1]). Эти господа рассчитывают на худшее — на возможность гражданской войны, на возможность драки. Такие люди идут в партию не помогать нам, они идут в расчете на то, что «осенью несомненно развернется большая драка в стране, а, следовательно и в партии». Они могут быть уверены, что классовая борьба пролетариата, которую партия вела в эти годы, будет продолжаться, независимо от того, какое сделают заявление те или иные троцкисты! Если они рассчитывают на драку, то мы им предоставим драться самим между собой сколько угодно! Им не дождаться того, чтобы «проскочить в партию всем течением». Троцкисты, подобные Е. Солнцеву, хорошо делают, что предупреждают нас о своих планах. Мы будем знать, о чем они думают, на что рассчитывают. Если их заявления, которые они делают, по их собственному признанию, являются «ходом ва-банк», почти (!!) авантюрой, которая может ускорить гибель» — то этот ход ва-банк, эта авантюра будет бита так же, как и все другие авантюры троцкистов.

Точно также наивно думать, что нас могут обмануть маневры троцкистов за границей, даже если бы удалось Солнцеву «уломать» Троцкого, чтобы он смягчил формы борьбы, «признал» левые сдвиги и проч. и т. п. Мы можем лишь поблагодарить Е. Солнцева за четкую литературную формулировку тех планов, какие питает головка троцкистов, тех перспектив, которыми они живут. Это — перспективы Тихомировых, это перспективы ренегатов, это перспективы политических мертвецов, которые очень быстро заканчивают свой путь, это перспективы достаточно непривлекательные для того, чтобы они могли увлечь за собой те неокончательно еще погибшие для рабочего класса элементы, которые еще имеются среди троцкистов. Партия не гонится за количеством б ы в ш и х троцкистов, которые возвратятся в ее ряды. Рост партии идет за счет других элементов: она растет за счет рабочих с производства, главным образом, а не за счет тех людей, с шатающимися политическими позициями, которые составляли главные кадры троцкистов. Партия поможет вернуться в свои ряды тем товарищам, которые годами связаны были с партией, которые исправили свою ошибку, осознали и открыто искренне осудили эти ошибки. Но партия никому не позволит проделывать маневры с целью протащить в партию целое течение троцкистов. Партия зорко будет присматриваться к каждому, кто, отойдя от партии, вместе с Троцким хочет вернуться теперь в ее ряды. Т р о ц к и с т ы партии н е н у ж н ы, е й н у ж н ы б о л ь ш е в и к и.

Наш путь.

Партия живет напряженной жизнью, как никогда. Она беспощадно очищает свои ряды от всех негодных непролетарских, некоммунистических обюрократившихся, разложившихся, классово чуждых элементов. Она ведет борьбу на два фронта, она дает беспощадный отпор правым оппортунистам. Пусть не утешают себя иллюзиями троцкисты, что они представляют собой какое-то «левое крыло». В среде троцкистов есть огромный процент самых доподлинных правых, еще недавно ставивших ставку на отруба, на хутора, на богатого зажиточного крестьянина, на кулака, фермера (как и сам Троцкий, а с ним Сосновски и другие в конце 1925 г.). В ее среде имеется целая группа правых националов-уклонистов, взгляды которых были осуждены партией при Ленине. Партия ведет беспощадную борьбу с правыми течениями, и троцкистам ее не обмануть своими «левыми» фразами. Партия дает беспощадный отпор всякой «левой фразе» в собственных рядах, ибо эта левая фраза прокладывает дорожку троцкистким настроениям. Партия воспитывает рабочих на непримиримом отношении ко всяким идейным уклонам от партийной линии, от ленинизма. В партии, как никогда, развернута самокритика. Партия беспощадно борется со всякими элементами разложения, со всякими проявлениями оппортунизма, правого реформистского толка и левых заскоков. Партия никому не позволит возвращаться в ее ряды для того, чтобы,—как это делает в своем заявлении в ЦК и ЦКК группа оппозиции, по-троцкистски, по-меньшевистски, противопоставлять аппарат партии и советской власти—массам, спекулировать на зарплате, возрождать дискуссию по вопросу о строительстве социализма в одной стране, защищать ренегатов, вроде Л. Д. Троцкого, спекулировать на том, что они «помогают» бороться с правыми. Тем более партия не позволит никому протаскивать под видом заявления о прекращении фракционной работы план, изложенный Е. Солнцевым и осуществленный им совместно с целой группой оппозиционеров, приславших свои заявления в ЦК и ЦКК за подписью Раковского, Сосновского и др.

[1]) Даже неопытный читатель обратил, вероятно, внимание, что Солнцев пытается «подражать» в этом документе Ленину в вопросе о «похабном мире». Но то, что большевики допускали по отношению к врагу, Солнцев рекомендует по отношению к большевикам. Такова «маленькая разница» плагиатора!

У нас нет никаких оснований пересматривать решения XV с'езда — правильные решения, абсолютно подтвержденные всем ходом дальнейшей борьбы. Партия, как и раньше, будет требовать от всех, кто, уйдя в троцкистское или сапроновское подполье, хочет вернуться в партию, п о л н о г о р а з р ы в а с о п п о з и ц и е й, п о л н о г о и д е й н о г о и о р г а н и з а ц и о н н о г о р а з о р у ж е н и я, б е з у с л о в н о г о р а з м е ж е в а н и я о т а н т и п а р т и й н ы х, о с у ж д е н н ы х п а р т и е й п л а т ф о р м, б е з у с л о в н о г о о т к а з а о т н и х, з а я в л е н и я о п о л н о й г о т о в н о с т и б о р о т ь с я с т р о ц к и з м о м, с а п р о н о в щ и н о й, с о в с я к и м и а н т и п а р т и й н ы м и т е ч е н и я м и. Всякий рядовой оппозиционер поймет, что если вожди оппозиции не могут полностью прекратить свою фракционную борьбу, если они делают маневры для того, чтобы обмануть партию, для того, чтобы снова начать драку, для того, чтобы сохранить свои кадры, то ему с ними не по пути.

Если фракционная группа не идет на необходимые для партии шаги, то сознавший свои ошибки, свою вину перед партией, свою неправоту, может и должен сделать необходимые шаги индивидуально, один с полным, безоговорочным признанием линии партии и Коминтерна, с полным идейным и организационным разоружением. Партия слишком много затратила сил для борьбы с троцкистами, чтобы нуждаться еще в новой дискуссии с остатками троцкистской оппозиции.

У партии четкий ленинский путь. На ближайшие годы он выражен в пятилетнем плане социалистического строительства. Еще недавно один из видных оппозиционеров (И. Н. Смирнов) писал по поводу этой пятилетки, что «ни об'ем затрат, ни их направление не вызывают у нас поправок». Если после этого непоследовательные люди пытаются все же сделать серьезные поправки к этому плану, мы можем пройти мимо них. Путь наш ясен. Он выражен в точных цифрах, в точных политических и практических заданиях. Нам надо мобилизовать все силы рабочего класса и лучшие силы трудовых масс крестьянства для выполнения этого плана. Нам надо твердо держаться генеральной линии партии, четкой линии классовой борьбы, ибо самое выполнение пятилетнего плана невозможно без такой четкой линии классовой борьбы. Но именно поэтому нам нужно дать серьезный отпор всяким идеологическим уклонам. Нам нужно очень внимательно присматриваться к людям, которые против нас вчера боролись, а сегодня хотят нам помогать: видеть и знать, с чем они идут к нам на помощь. Людям, которые идут с «троцкистскими манерами», мы сумеем дать отпор, указать им их настоящее место. И какие бы ни были у нас трудности (а их будет много), мы их преодолеем тем лучше, чем большая четкость будет в нашей идеологической борьбе.

Я. Никулихин.

Темпы развития сельского хозяйства и темпы его обобществления.

Намеченные по пятилетке темпы развития сельского хозяйства далеко превосходят не только дореволюционные темпы нашей страны, но и темпы передовых капиталистических стран. Так, например, в такой передовой капиталистической стране, как САСШ, посевная площадь возрастала по десятилетиям: за 1890—1900 г.—на 15,9%, за 1900—1920 г.—15,4%. В России (по 70 губ. и областям) с 1901—1905 по 1911—1913 г. вся площадь увеличилась, всего на 10,9%. Посевная же площадь СССР за 1927/28 г.—1932/33 г., т.-е. за срок вдвое меньший по плану возрастает на 22,5%. Темп, примерно, в три раза более высокий, чем в условиях капитализма. В области проектировки под'ема урожайности мы также не имеем равного нам примера.

Достижимы ли для нас такие высокие темпы? Не утопичен ли намеченный план? Мы утверждаем, что наш план вполне реален. Больше того, СССР располагает возможностями для достижения еще более высоких темпов. Все основные показатели пятилетнего плана развития сельского хозяйства имеют прямую связь с намеченными темпами развития совхозов, колхозов, машино-тракторных станций и всех видов производственного кооперирования. Если нам удастся в области развертывания обобществленного сектора переступить намечаемые пятилеткой показатели (что уже теперь становится совершенно ясным), если удастся приблизить сроки поголовного охвата производственной кооперацией бедноты и середняков, следовательно, ускорить развитие начальных зачаточных форм коллективизации, если удастся значительно расширить материальную базу для коллективизации,—то окажется возможным значительно превысить намеченные пятилеткой темпы по ряду основных показателей. И чем дальше, тем больше, а потом и целиком, темпы развития сельского хозяйства будут находиться в прямой зависимости от темпов роста обобществленного сектора сельского хозяйства.

В данной статье мы ставим себе задачу показать условия этой зависимости, вскрыть условия повышенных темпов развития сельского хозяйства СССР в сравнении с капиталистическими странами и одновременно показать, как ошибки правых и «левых» уклонистов мешают выполнению высоких темпов обобществления.

Бесспорно, что советская система в сравнении с капиталистической представляет много преимуществ для темпов хозяйственного развития. Но говоря вообще о преимуществах, многие забывают, что в отношении сельского хозяйства в условиях происходящей теперь технической революции в сельском хозяйстве, эти преимущества могут быть реализованы, претворены в действительность, главным образом, при условии высокого темпа обобществления сельского хозяйства. В условиях же исключительного, преобладающего господства раздробленных мелких крестьянских хозяйств, круг наших преимуществ в отношении сельского хозяйства ограничен и он парализуется

целым рядом явлений, характеризующих историческую отсталость развития нашего сельского и народного хозяйства вообще, отражающую следы задержавшегося господства крепостнических пережитков.

Теперь посмотрим, как выглядят преимущества советской системы в зависимости от различных путей развития нашего сельского хозяйства.

Несомненно **главнейшим нашим преимуществом является отсутствие частной собственности на землю, абсолютной ренты, цены земли.** Средства, которые в капиталистическом обществе идут на оплату ренты землевладельцам и на покупку земли и представляют непроизводительные расходы для с.-х. производителей, у нас получают производительное направление и являются источником больших темпов развития сельского хозяйства. Концентрация всех недр земли и источников энергии, как результат национализации земли, также стимулирует развитие сельского хозяйства (отсутствие монополий в производстве минеральных удобрений, в снабжении сельского хозяйства электроэнергией, в возведении ирригационных сооружений и т. п.).

Однако, надо прямо сказать, что эти преимущества при условиях развития сельского хозяйства, преимущественно в форме мелких хозяйств в значительной степени, парализуются невозможностью применять в сколько-нибудь значительных размерах новую технику. В послевоенный период мы имеем настоящую техническую революцию в сельском хозяйстве. Массовое внедрение трактора, как универсального двигателя в сельском хозяйстве, широкое и разностороннее применение электро-энергии, появление комбинированных с.-х. машин мощного типа, новых машин для всех отраслей сельского хозяйства (включая все интенсивные), развитие автотранспорта и т. п. — открывает победный путь для **системы машин** и в сельском хозяйстве. Сбывается пророчество Ленина о возможности создания «крупной машинной индустрии в земледелии». Если прежде в центре прогресса с.-х. техники стояли уборочные машины, приводившиеся в движение силой тяглового скота, то теперь, на ряду с появлением новых мощных уборочных машин (комбайны и т. п.), в центре стоят силовые машины: трактор, электромоторы, механический транспорт и т. п. Сельское хозяйство, так долго базировавшееся преимущественно на мускульной силе животных и человека, теперь все более переходит к применению в качестве двигательной силы механической энергии. Эффективность действующих прежде с.-х. машин в отношении ручного труда ни в какое сравнение не идет с эффективностью действующих теперь машинных комплектов (трактор с прицепными орудиями, трактор с комбайном, электромоторы с соответствующим машинным парком и т. д.). Это позволяет теперь, вместо спорадического применения с.-х. машин, и в сельском хозяйстве переходить на систему машин. Если прежде процессы концентрации в сельском хозяйстве шли медленно и мелкие хозяйства могли держаться при известном напряжении (удлинение рабочего дня, ограничение потребностей), могли пользоваться, хотя и менее рентабельно некоторой частью с.-х. машин и орудий, то теперь новая техника властно требует крупного хозяйства, ускоряет процессы концентрации в сельском хозяйстве.

Мы вступаем в эпоху, когда сельское хозяйство будет переводиться на индустриальные рельсы, перестраиваться по промышленному образцу. Новая техника, базирующаяся на системе машин, на ряду с высоким обслуживанием рабочей силы техническими средствами производства, обеспечивает достижение и в сельском хозяйстве того разветвленного разделения труда и ту далеко идущую специализацию производства, которые до сего времени были присущи промышленности. По заявлению Кэмбелля, в сельском хозяйстве крупные предприятия скоро по масштабам своим сравняются с Юнайтед-

стил» и с «Дженерал Моторс» [1]). Совхоз «Гигант» на северном Кавказе является прообразом таких хозяйств. Но надо прямо сказать, что возможностями к максимальному использованию новейших достижений с.-х. техники, а, следовательно, возможностями к ускорению темпа развития сельского хозяйства, воспользуются в большей степени те страны, в которых наиболее благоприятно сложатся условия для процессов концентрации в сельском хозяйстве.

До сего времени впереди по концентрации с.-х. производства в силу целого ряда условий шли САСШ, поэтому и наибольшая степень механизации и машинизации, наибольшая производительность занятой в сельском хозяйстве рабочей силы, замечалась в САСШ. Чрезмерная раздробленность сельского хозяйства в СССР, до решительной ставки на коллективизацию и развертывание совхозов, не только ярко выступала в сравнении с средними размерами хозяйств САСШ, но в значительной степени в сравнении с Францией и Германией [2]).

Число хозяйств в процентах.

Разм. хозяйств	Хозяйств. САСШ	Север Доката	СССР Произв.	Потреб.	Размеры хозяйств	Число хозяйств Франц.	Число хозяйств Герман
До 4 га . .	4.5	0,5	60,1	87,8	До 5 га . .	71,4	76,6
От 4 до 10 .	10,0	0,5	36,4	12.0	От 5 до 10 .	13,8	18,5
От 10 и выш.	85,5	99,0	3,5	0,2	От 10 и выш.	14,8	4,9

Если бы сохранилась такая раздробленность сельского хозяйства СССР (что неизбежно было бы при медленном темпе коллективизации и без широкого развертывания новых совхозов), то все наши преимущества, которые дает национализация земли, были бы перекрыты нашими потерями от крайне ограниченного использования достижений новой техники. По некоторым данным, рента составляет к общим издержкам производства американского фермера 28% [3]). Перестройка же с.-х. предприятий по принципу системы машин, с применением всех новейших достижений техники, понижает издержки производства в значительно больших размерах, часто даже в несколько раз. Так, например, построенное по принципу системы машин хозяйство Кэмбелля в САСШ в 1926 г. имело на акр издержек производства более, чем в 2 раза ниже, чем в среднем по стране, несмотря на высокую степень машинизации и механизации сельского хозяйства САСШ [4]). Если крупная по капиталистическим условиям ферма Кэмбелля (30 тыс. га) дает нам образец преимуществ крупного механизированного хозяйства в полеводстве (в производстве пшеницы, льна и т. п.), то новейшие данные германской статистики подтверждают громадные преимущества и в отношении крупного механизированного животноводства. В контрольных союзах Германии коровы дают 12 литров молока в сутки, в крупных хозяйствах 25, в некоторых же из последних, где применяются американские методы—58,3 литра. Откорм свиней в крупных хозяйствах требует 6 мес., в мелких 8—10 м. [5]). На ряду с высокой продуктивностью животных в крупных механизированных хозяйствах в огромной степени сокращается и количество обслуживаемой рабочей силы. В современном крупном механизированном скотном дворе фабричного типа «двое людей могут подготовить в одном центральном помещении любое количество корма для многих тысяч телят и свиней с большей точностью, быстро, верно и дешево,

[1]) Статья в журнале «Америк. пром. и торговля», VIII — IX 1928 г.

[2]) Г. Гордеев — «С.-Х. Газета», 25 мая 1929 г.

[3]) Варга — «Выступление в ИКП по докладу Пикус».

[4]) Edwin Haernle — Die industrialisierung der Landwirtschaft, 1928.

[5]) Она дошла до 8 долл. на акр, против официально признанной нормы в 16,50 долл. («План. хоз.» № 4—28 г., Боссе А.).

с точностью аптекаря [1]). Все вместе взятое намного понижает в них издержки производства.

Новые усовершенствованные с.-х. машины, которые свое рентабельное применение находят только в крупных хозяйствах, показывают неизмеримо большую эффективность по сравнению с прошлого типа с.-х. машинами. Если прежде, по расчетам Бензинга, жатки и сенокосилки по сравнению с ручной работой давали экономию на 30%, то теперь комбайны по сравнению со сноповязалками понижают в среднем в 4 раза число затрачиваемых рабочих дней и в 2 раза стоимость уборки урожая, а в наиболее крупных хозяйствах в 4 и более раз. Один человек на тракторе с 2-мя семифутовыми сенокосилками может сделать теперь столько же, сколько 5 человек на 5-ти упряжках по 2 лошади, что в большей степени понижает издержки производства [2]). С появлением трактора, производители картофеля в различных штатах Северной Америки удвоили и утроили число обрабатываемых акров на человека, а в штате Техас довели посевы хлопка до 200 акров на человека [3]). Но если тракторная энергия дает крупные преимущества в сравнении с тягловым скотом, то электроэнергия имеет большие преимущества перед тракторной. В самых крупных хозяйствах стоимость тракторной энергии не опускается ниже 17 коп. за киловатт-час, стоимость же электроэнергии от районных станций имеет в среднем 9 коп. или в два раза дешевле. Мы уже не говорим о других преимуществах применения электроэнергии в сельском хозяйстве [4]). Но применение электропахоты и вообще электроэнергии в полеводстве возможно преимущественно в крупных с.-х. предприятиях. То же самое мы могли бы сказать и в отношении механического транспорта.

Резкое снижение издержек производства в хозяйствах, построенных на системе машин, в хозяйствах с далеко идущей механизацией, повышение урожайности культур и продуктивности животных, благодаря рациональной обработке почвы, кормления, содержания животных, дает огромное преимущество крупным хозяйствам в сравнении перед мелкими. Даже самому компетентному старательному мелкому фермеру в САСШ стало трудно выдерживать конкуренцию крупных хозяйств, он стоит накануне разорения. «Рядовой мелкий фермер... не имеет никаких шансов выжить под напором потока технических усовершенствований и массовой продукции. Его игра сыграна, битва потеряна. Он может прозябать еще несколько лет в тщетной надежде, что случится что-то, что может его спасти, но его борьба с каждым годом будет ослабевать. В недалеком будущем он оставит свою ферму на произвол судьбы и будет искать убежище в рядах наемных рабочих» [5]).

Поэтому, если мы хотим в условиях происходящей в сельском хозяйстве технической революции наши преимущества в отношении национализации земли сделать мощным рычагом для более высокого

[1]) Karl Blunk — fabrikmässig betriebene landwirschaft. Bereln 1926 s. 34.

[2]) «Farm Mechanich» — May 1929 г.

[3]) Там же.

[4]) «Производительность трактора в 10 раз ниже электроплуга. В то время как трактор запахивает гектар — полтора в рабочий день, электроплуг дает эту цифру за один час работы. Один электроплуг заменяет, таким образом, 10 тракторов, один рулевой — 10 рулевых, 1 рабочий день — вместо 10 дней. Электроплуг допускает вспашку в 5 раз более глубокую, свыше 72 сантиметров» (Мацкевич, «С.-Х. Газета», 6 августа 1929 г.).

Развертывание крупных совхозов, колхозов, МТС дает теперь возможность ставить вопрос о широком внедрении электроэнергии в сельское хозяйство. Первыми намечаются к электрификации 80 крупных старых совхозов, 40 совхозов Зернотреста, 120 крупных колхозов; первая сотня МТС будет строиться с электростанциями.

[5]) Mead and Ostrelenk — The farm problem. «Analist» 1928 г., № 814—820.

темпа развития сельского хозяйства, чем в капиталистических странах, то мы должны встать на путь решительного укрупнения, концентрации с.-х. предприятий. Концентрация в капиталистической форме не только исключается, не приемлема с точки зрения сегодняшних задач социалистического строительства, тем более с точки зрения наших конечных целей, но она в условиях СССР невозможна даже в размерах, какие наблюдаются в капиталистических странах. При произведенной в процессе революции ликвидации большинства крупных помещичьих и капиталистических хозяйств, при произведенной уравнительности земли, при частых переделах земли в земельных обществах, при запрещении продажи и покупки земли, при ограничении аренды,—концентрация в капиталистической форме крайне ограничена. Поле технической реконструкции здесь крайне сужено. Наоборот, концентрацию в социалистической форме мы имеем возможность осуществить в максимальных размерах, мы сможем иметь темп концентрации во много раз более высокий по сравнению с капиталистическими странами.

В условиях новой техники оптимальные размеры с.-х. предприятий все более определяются не оптимальными размерами площади, а оптимальными размерами комплектов машинного инвентаря (одна из ошибок Чаянова и заключалась в том, что он эту особенность послевоенного сельского хозяйства проглядел). Если прежде машинный инвентарь прилагался к каждым данным сложившимся размерам хозяйства и последние определяли степень машинизации, то теперь к определенной системе машин требуется соответствующая земельная площадь. В последнем суть рационального хозяйства индустриального типа. Перестройка сельского хозяйства на основе системы машин требует коренной, всеохватывающей перекройки всех границ с.-х. предприятий, изменения размеров их, по принципу максимальной концентрации. В капиталистическом обществе такая концентрация сельского хозяйства в сильнейшей степени затрудняется наличием частно-собственнических перегородок. Она затрудняется еще и тем, что концентрация в капиталистической форме, неизбежно сопровождается разорением, пауперизацией мелких производителей [1]). Из-за наличия частной собственности невозможно и в сколько-нибудь широких размерах рациональное землеустройство в капиталистическом обществе. В пояснительной записке к закону о землеустройстве, предлагавшемуся германскому рейхстагу в 1919 г. (который, заметим, не был принят), писалось, что на протяжении последних 100 лет нельзя было двинуть ни на шаг землеустройство Германии, ибо нельзя было преодолеть право собственности и косности, что явилось для развития немецкого сельского хозяйства колоссальной задержкой. Ни в одной отрасли народного хозяйства частная собственность не вступает в такое кричащее противоречие с развитием производительных сил, как в сельском хозяйстве. В сельском хозяйстве это противоречие наиболее ярко выявляется.

В условиях СССР, благодаря отсутствию частной собственности, концентрация сельского хозяйства, распланировка хозяйств по принципу рационального, наиболее эффективного сочетания комплектов машинного инвентаря с площадью—чрезвычайно облегчается. Землеустройство становится одним из мощных рычагов в этом деле. Организация подлинно крупных рационально поставленных хозяйств на основе последних достижений техники

[1]) Здесь интересно отметить, что одно из самых крупнейших с.-х. предприятий Америки — знаменитая ферма Кэмбелля возникла в период империалистической войны, главным образом, на земле, отведенной из запаса государственных земель для форсированного производства пшеницы. Организация же такого рода предприятий путем об'единения, слияния отдельных предприятий, путем подчинения и поглощения, сопряжено с большими трудностями.

в СССР становится возможной сразу же в массовом масштабе. Для этого в СССР имеются разнообразные типы укрупнения (совхозы, машино-тракторные станции и крупные колхозы).

Социалистический путь укрупнения, концентрации сельского хозяйства не только является единственным путем, который, делая возможным массовое использование в СССР последних данных науки и техники, реализует наши преимущества в отношении ренты и цены земли, но и дает нам ряд дополнительных преимуществ.

Прежде всего, эти преимущества идут по линии возможности более быстрого темпа концентрации, следовательно, применения технических достижений в ускоренные сроки и в более крупных масштабах. Высокому темпу укрупнения, на ряду с отсутствием частной собственности на землю и иным отношениям между городом и деревней, способствует и то обстоятельство, что развертывание крупных с.-х. предприятий идет по системе трестов и центров (Зернотрест, Сахаротрест, Совхозтрест, Центр МТС, Колхозцентр, центры с.-х. кооперации). Последнее придает их развертыванию плановый характер, страхует в системе треста и центра от случайностей, от ударов в неблагоприятные годы, которые неизбежны для отдельного с.-х. предприятия. Дальше, социалистический путь концентрации позволяет в максимальной степени загрузить двигатели и машинный парк. В машино-тракторной станции при совхозе им. Шевченко мы имели нагрузку на трактор в 450 га, много выше американских и европейских норм [1]). Более высокая степень использования двигателей и с.-х. машин у нас возможна потому, что размеры самих с.-х. предприятий неизмеримо больше (часто по 40—50—100 и выше тысяч га, чего почти нет в капиталистических странах).

Социалистический путь концентрации, индустриализации сельского хозяйства выигрывает на темпе и в том отношении, что при нем средства производства мелких производителей не гибнут, а используются в значительной части, таким образом становятся ненужными многие новые затраты. С разорением мелких производителей при капиталистической концентрации, приходится строить новые постройки для жилья, покупать скот, особенно продуктивный. При об'единении мелких производителей в колхозы это отпадает или сильно сокращается, так как жилищный фонд, скот, транспортные средства и проч. включаются в крупные хозяйства. МТС есть та форма, которая при обобществлении мелких хозяйств требует затрат преимущественно на районный энергетический центр с машинным парком, а потому в сильнейшей степени подымает эффективность затрат. На 1 га обрабатываемой площади требуется затрат в МТС—39 рублей, в новых совхозах, где приходится возводить постройки, обзаводиться скотом и сразу же транспортными средствами—85 руб. на га. Из этого, конечно, не значит, что затраты на совхозы мало эффективны. Наоборот, они очень эффективны с точки зрения народного хозяйства в целом, показывая высокую степень товарности своей продукции и являясь основным средством к расширению посевной площади. Они эффективны и в смысле прибыльности [2]).

[1]) По данным тов. Маркевича, нагрузка на трактор в совхозе им. Шевченко почти в 4 раза выше, чем в С.-А. С. Ш.

[2]) По расчетам с.-х. секции Госплана, себестоимость одного центнера твердой яровой пшеницы в этом году ожидается в 6,5 р. при заготовительной цене в совхозах в 7,5 — 8 р. за центнер, что дает в среднем 1 р. прибыли на центнер. Расчет себестоимости зерна на центнер в совхозах Зернотреста в 1929 — 30 г. составляет уже 5,5 руб. («С.-Х. Газета», 24 августа 1928 г.), что еще более подчеркивает рентабельность затрат на совхозное строительство. Совхоз «Гигант» дает еще более низкую себестоимость, примерно, 4,4—4,5 р. за центн.

Мы уже не говорим о том крупнейшем очевидном преимуществе социалистического пути укрупнения сельского хозяйства, которое вытекает из более легкого разрешения вопросов организации труда.

Темп расширения посевной площади в СССР в дальнейшем будет зависеть преимущественно от развертывания крупных хозяйств социалистического сектора. Здесь, как ни в одном другом вопросе подчеркивается связь между темпом развития сельского хозяйства и темпом его обобществления. Известно, что Госплан по оптимальному варианту пятилетки намечает расширение посевной площади под зерновыми на 15 мил. га. Главная масса вновь освоенных земель будет приходиться на восток и юго-восток нашего Союза. Здесь лежат еще огромные массивы нетронутых земель. Есть три пути к их освоению: переселение мелких крестьянских хозяйств из перенаселенных районов УССР в РСФСР, форсирование развития капиталистических хозяйств в редконаселенных восточных районах и широкое развертывание сети совхозов, машино-тракторных станций и переселенческих колхозов во всех крупных зерновых районах. Общепризнано, что мелким переселенческим хозяйствам необходимо не менее 5 лет для того, чтобы окрепнуть, встать на ноги. Только после этого они смогут давать товарную продукцию. При чем само-освоение на коняге и примитивном инвентаре будет итти страшно медленно. Менее всего эффективны народохозяйственные затраты по этому пути освоения новых земель. Путь широкого развертывания капиталистических хозяйств в новых районах, не только шел бы в разрез с нашим социалистическим строительством, но он не обеспечил бы необходимого темпа и не дал бы того экономического эффекта, который необходим народному хозяйству Союза от под'ема сельского хозяйства в восточных и юго-восточных районах. Не обеспечил бы темпа потому, что техника капиталистических хозяйств в общем не шла бы дальше довоенного уровня, технические кадры и квалифицированная рабочая сила могли бы быть привлечены в ничтожном количестве, само развертывание предприятий носило бы случайный и хищнический характер. Мы не говорим уже о том, что хлеб в руках капиталистических элементов был бы базой спекуляции, орудием срыва планового регулирования рынка с.-х. продуктов.

Только широкое развертывание предприятий социалистического сектора может обеспечить втягивание в обработку больших массивов новых земель. *Совершенно другими будут выглядеть темпы освоения, когда по девственной земле пойдут не коняги, а тысячи и десятки тысяч тракторов, электроплугов, с соответствующими комплектами прицепных орудий, когда производительность человеческого труда будет приумножена, вооруженная электроэнергией и энергией тракторов.* Только развертывание в плановом порядке крупных хозяйств социалистического типа, может обеспечить преодоление всех трудностей в завоевании новых земель (недостаток рабочей силы, климатические условия, бездорожье и т. п.) при помощи высокой механизации, широкого применения и рационального использования инженерных и агрономических кадров, квалифицированных рабочих, большей увязкой развития сельского хозяйства с развитием транспорта. В наиболее необжитых районах зернового хозяйства это будут преимущественно совхозы, в обжитых районах совхозы, машино-тракторные станции, крупные колхозы, комбинаты и все виды массового производственного кооперирования (включая мелкие колхозы, поселковые товарищества и т. п., как зачаточные формы крупного социалистического хозяйства). Приведем несколько цифровых иллюстраций.

Новые зерновые совхозы начали развиваться только с конца прошлого года. Их развертывание в период пятилетки по пересмотренному варианту выразится следующей табличкой [1]):

Госплан в начале 1929 г. предполагал посевную площадь в совхозах под зерновыми культурами довести до 3,4 м. га. Пересмотренный план развертывания совхозов намечает площадь только в совхозах Зернотреста довести до 7 м. га, что даст немного менее половины всего намеченного пятилеткой расширения посевной площади под зерновыми. География развертываемых зерно-совхозов такова, что огромное большинство их падает на районы востока и юго-запада. Из намеченных в 1930 г. 120 совхозов с площадью в 5 м. га, только 5 приходятся на УССР и Крым с площадью 110 тыс. га [2]). При чем в Казакстане и Средней Волге, в районах наибольшего развертывания совхозов, прирост посевной площади будет итти, главным образом, за счет зерносовхозов. Так, по Казакстану по данным с.-х. секции Госплана, в новом освоенном фонде, совхозы займут 60%, колхозы—12%, индивидуальные хозяйства—28% [3]). В 1928/29 г. совхозы Зернотреста дают свыше 500 тыс. тонн, а в 1929/30 г. около 800 тыс. тонн товарной зерновой продукции [4]). Значительная роль в расширении посевных площадей в районах зернового хозяйства будет принадлежать машино-тракторным станциям, особенно в районах где наблюдается еще значительная ее недовосстановленность (Средняя и Нижняя Волга, Северный Кавказ). С весны 1930 г. решено развернуть 102 машино-тракторных станций с охватом в этом же году не менее 2 м. га крестьянских земель. В пятилетие предполагается развернуть 500 МТС на площади 20 м. га. Колхозы-гиганты, колхозы-комбинаты в районах сплошной коллективизации сыграют также крупную роль в расширении посевных площадей. Уже в 1928/29 г. из общего прироста посевных площадей в 4 м с лишним га, колхозы дали 2 м. га прироста.

До сего времени мы говорили о районах зернового хозяйства, но и в районах интенсивного сельского хозяйства роль социалистического сектора в расширении посевных площадей будет не менее решающей. Все удобные земли, за редкими исключениями, здесь уже почти распаханы. Темп освоения новых земель здесь пойдет неизмеримо слабее, чем в восточных районах, но значительные возможности к расширению есть. Дальнейшее расширение посевных площадей пойдет за счет распашки, так называемых бросовых земель, пустошей, выкорчевки лесных порубок, кустарников. Осушки болот и т. п. Под'ем этих тяжелых для обработки земель, большие расходы по выкорчевке, мелиорированию, удобрению, могут быть оправданы только в крупных рационально-поставленных хозяйствах (совхозах, колхозах, комбинатах).

Когда мы говорим о решающей роли социалистического сектора в расширении посевных площадей, означает ли это что мы отрицаем существование теперь возможностей для расширения посевных пло-

---

[1]) «С.-Х. Газета» — 18 августа 1929 г.

	Число зерновых совхозов	Занимаемая территория (тыс. га)	Площадь запашки (в тыс. га)
1929 г.	51	2.295	950
1930 г.	120	5.000	2.265
193 г.	180	7.680	4.000
1932 г.	230	10 050	5.500
1933 г.	280	12.000	7.000

[2]) Там же — 22 августа 1929 г.

[3]) Вольф М. — «Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетке».

[4]) «С.-Х. Газета» — 24 августа 1929 г.

щадей у крестьянских хозяйств в индивидуальной форме. Таких возможностей мы не отрицаем, они еще есть, но довольно ограничены (их даже меньше, чем возможностей для под'ема урожайности) и они могут быть реализованы для бедняцко-середняцких масс, главным образом, на путях массового производственного кооперирования, как формы, которая подведет широким фронтом крестьянство к коллективизации. Итоги 1928/29 г. в отношении сельского хозяйства это с достаточной яркостью подтвердили. Только при условии об'единения мелких крестьянских хозяйств в крупные хозяйства, они смогут рационально и производительно использовать те средства, которые прежде шли на покупку земли и арендную плату помещикам. Только при условии широкого совхозного и колхозного строительства, мы сможем реализовать и те наши преимущества, которые дает национализация земли, недр и источников энергии (в лице крупных хозяйств мы создаем массового потребителя электроэнергии и минеральных удобрений).

* * *

Как будут выглядеть наши преимущества, которые лежат по линии иных взаимоотношений между городом и деревней? Размеры государственных ассигнований сельскому хозяйству в СССР намного превосходят имеющиеся ассигнования на эти цели в капиталистических странах. Но при сохранении в дальнейшем раздробленности мелких хозяйств государственные ассигнования сельскому хозяйству мало эффективны. Приобретаемые при помощи этих ассигнований с.-х. машины и орудия могут быть использованы с незначительной или небольшой нагрузкой (как это и наблюдалось ряд лет и еще продолжает наблюдаться). Значительная часть ассигнований вовсе пропадала бы для производительного применения (проедалась бы). Ресурсы, остающиеся внутри бедняцко-середняцких хозяйств, вследствие налоговых льгот, при их индивидуальном применении также дают небольшой, а порою совершенно незначительный эффект. Не даром наркомземовские специалисты, не верившие в успех коллективизации, еще летом 1928 г. продолжали утверждать, что по завершении восстановительного периода, в с.-х. машиноснабжении мы будем иметь большое снижение темпов, возвращение с небольшими поправочками к довоенным темпам с.-х. машиноснабжения [1]), в соответствии с этим и пробовали наметить программы с.-х. машиностроения. Они были бы в значительной степени правы, если бы мы не имели широкого строительства совхозов и колхозов. В действительности мы имеем не снижение темпа, а за последний год даже рост темпов в с.-х. машиноснабжении и машиностроении. Программа с.-х. машиностроения намечалась в 1928 г. с.-х. машинконвенцией к концу пятилетия в 300 м. га, по пятилетке Госплана она увеличена вдвое (610 м. га). В начале сентября коллегия главмашиностроя пересмотрела пятилетку и нашла возможным увеличить выпуск с.-х. машин к концу пятилетия до 950 м. р. За последние несколько лет мы имеем все время острый дефицит на с.-х. машины и орудия, несмотря на быстрый рост их производства.

Самые размеры государственных ассигнований сельскому хозяйству при преимущественно-индивидуальном пути развития крестьянских хозяйств были бы неизмеримо меньше. Меньше прежде всего, из-за отсутствия крупных об'ектов строительства в сельском хозяйстве. Менее дальше потому,

---

[1]) Предлагалось запроектировать нам такие темпы с.-х. машиноснабжения, которые шли бы с поправками на превышение довоенных темпов, примерно, в 5—6%. Нам предлагалось взять темп ежегодного прироста машиноснабжения в 7%, а по плану машиноснабжения на 1928—30 г. мы уже имеем запроектированный прирост, примерно, в 70%, или в 10 раз больший.

что в данном случае, значительная часть из ассигнований перепадала бы кулакам и зажиточным, которые могли бы их эффективнее применить в своих несколько укрупненных, более мощных индивидуальных хозяйствах. Социалистическая индустрия от этого мало бы выиграла, ибо кулак своим хлебом и сырьем срывал бы регулирование рынка, пытался бы срывать высокий темп индустриализации страны. Пролетарское государство не могло бы за счет своих кредитов опосредствовать рост кулаков. Только тогда, когда ассигнования идут на развитие сельского хозяйства в социалистической форме, когда имеются крупные об'екты эффективных затрат в самом сельском хозяйстве, а они могут быть в СССР только социалистическими (совхозы, МТС, колхозы-комбинаты и т. д.), становится возможным быстрый рост ассигнований со стороны государства сельскому хозяйству. Именно в связи с широкой программой развертывания обобществленного сектора мы имеем большой рост финансирования сельского хозяйства со стороны государства за последние два года 1927/28 г. 771 млн., в 1928/29 г.—1.030 млн. р., в 1929/30 г. намечается 1.700 млн. руб.). Государственные ассигнования сельскому хозяйству в 1929/30 г. уже достигли уровня ассигнований на промышленность в предшествующий год.

Против сосредоточения основной массы государственных ассигнований обобществленному сектору, приходится часто [1]) от буржуазных экономистов и правых уклонистов слышать возражения на тот счет, что ассигнования колхозам и совхозам дадут много меньший эффект прироста товарной продукции, чем ассигнования индивидуальным хозяйствам. Такие утверждения обычно обосновываются ссылкой на то, что в индивидуальных хозяйствах государственные средства являются дополнением к внутренним средствам хозяйства, в то время как новые совхозы организуются только на государственные средства, а доля их во вновь организуемых колхозах из маломощных должна быть значительно выше. Подсчеты с.-х. секции Госплана показывают, что производственный эффект затрат в обобществленных хозяйствах так значителен, что для получения единицы дополнительной товарной продукции требуется не больше вложений, чем по индивидуальному сектору [2]) и это при условии, когда реконструктивные процессы не сразу скажутся в обобществленном секторе. Мы закладываем образцы, весь эффект затрат которых скажется в дальнейшем. Действительность показывает, что расчеты Госплана в отношении эффективности затрат в обобществленный сектор были сильно преуменьшены. Так например, на 1 р. государственных вложений в колхозы по пятилетке предположено получить в 1932/33 г. на 85 к. товарной продукции. Между тем по новым данным уже в 1929/30 г. на 1 р. государственных вложений колхозы дают на 1 р. 17 к. прироста товарной продукции. Это уже дает значительное превышение эффективности затрат в колхозы по сравнению с индивидуальным сектором.

Мы справедливо говорим о громадной, руководящей роли промышленности в реконструкции сельского хозяйства. Но надо признать, что в условиях мелкого хозяйства эта роль крайне ограничена. Она ограничена по линии емкости сельского хозяйства на механическую энергию и с.-х- машины. Она ограничена

---

[1]) В этом деле давно подвизается П. Маслов. В своей книге «Основы кооперации» Маслов защищал тот взгляд, что коммуны и артели являются «наименее жизнеспособными» (стр. 126), что с точки зрения развития произв. сил и темпа накопления — колхозы и коммуны есть регрессивное явление. В своей статье «Оптимальность затрат на мероприятия по развитию сельского хозяйства» («Вестник Финансов», № 12, 1928 г.), П. Маслов резко выступил против перенесения центра тяжести ассигнований на обобществленный сектор, пробовал доказывать неэффективность ассигнований на тракторизацию, электрификацию с. х.

[2]) Вольф — «Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетке».

и тем, что участие промышленности сводит, главным образом, к мобилизации сырья и к авансированию как в деньгах, так и в форме некоторых средств производства, без внесения глубоких реконструктивных процессов в сельское хозяйство. Только при условии развертывания колхозов, совхозов, МТС роль промышленности становится поистине гигантской, не только в смысле громадных возможностей по внедрению средств производства, но и коренной реконструкции сельского хозяйства. Например, по линии сахарной промышленности намечается «создание индустриальных крестьянских свекловичных колхозов-комбинатов вокруг сахарных заводов и призаводских сельхозов, которые должны будут охватить новыми формами хозяйства, электрификации, связи, шоссированными дорожными магистралями, тракторными базами и автотягой основные призаводские радиусы крестьянского свеклосеяния» [1]). По линии других отраслей промышленности, работающей на с.-х. сырье, мы будем иметь также коренную реконструкцию сельского хозяйства под влиянием промышленности, такое сращивание сырьевой базы с перерабатывающим предприятием, что они явятся частями единого хозяйственного комбината. Мы уже не говорим о той бесспорной, громадной роли какую будут играть в реконструкции нашего сельского хозяйства районные электростанции.

Одно из существенных противоречий между городом и деревней в капиталистическом обществе лежит по линии культурного оскудения деревни (сосредоточение всей культурной жизни в городах, бегство культурных сил из деревни в города). Выражением этого противоречия является и тот огромный недостаток квалифицированного труда, который является важнейшей причиной медленного роста производительных сил в сельском хозяйстве. На путях развития мелкого хозяйства мы не изживем этого противоречия. Бегство культурных сил будет продолжаться из деревни, ибо не будет задерживающих притягательных центров. И мы были свидетелями того, как даже крестьянская молодежь, по окончании высшей школы, стремилась не возвращаться в деревню, оседала в городах, окончившие с.-х. вузы студенты, не шли работать по сельскому хозяйству. Тем более, город из своих человеческих ресурсов, при таком положении, мог в самой слабой степени придти на помощь деревне. «Рационализация» мелкого хозяйства через разбивку крупных селений на мелкие поселки, на хутора и отруба, означала бы усугубление «идиотизма деревенской жизни», закрепление консерватизма мелких собственников и находилась бы в кричащем противоречии с требованиями новой техники.

Только выполнение широкой программы обобществления сельского хозяйства может радикально изменить положение. Создание агроиндустриальных и одновременно культурных центров в деревне, вокруг совхозов, машино-тракторных станций, колхозов-комбинатов, не только удержит имеющиеся и растущие культурные, квалифицированные силы самой деревни, но и направит целый поток, десятки тысяч технических, квалифицированных кадров из города на помощь реконструктирующейся деревне. Пролетарский город станет действительной кузницей технических и агрономических кадров деревни. Центры машино-тракторных станций, центры колхозных комбинатов, центральные усадьбы совхозов-гигантов уже в ближайшее время будут превращаться в крупные поселки-города, с целым комплектом необходимых культурных учреждений (больница, школа, клуб, театр и т. д.). Только реконструкция сельского хозяйства может позволить в короткие сроки провести всеобщее начальное обучение. Машина предоставит возможность детям проходить весь срок обучения. На ряду с ликвидацией культурных ножниц, под влиянием технической реконструкции сельского хозяйства, с мощным под'емом производительности с.-х. труда, мы будем иметь и выравнивание материального уровня жизни между городом и деревней. Все это будет подводить стальную основу под смычку между городом и деревней.

[1]) Пятилетка Сахаротреста, стр. 25—26.

Наши преимущества по линии принципиально иных условий образования внутреннего рынка и планового регулирования, также не могут быть в большой степени использованными для сельского хозяйства при развитии последнего преимущественно в мелкой-индивидуальной форме. Не могут быть использованы потому, что рынок по большинству важнейших продуктов является сильно ненасыщенным. Острый дефицит зерна в стране за последние годы (как результат отставания сельского хозяйства), спекуляция хлебом капиталистических элементов срывают специализацию сельскохозяйственных районов (льняных, свекловичных, молочных и т. д.), как одно из важнейших условий к ускорению развития производительных сил в сельском хозяйстве. Именно вследствие общей напряженности нашего хлебо-фуражного баланса, как результата быстрого роста внутреннего рынка и медленного темпа развития сельского хозяйства в мелкой индивидуальной форме, приобретает особую остроту кулацкое сопротивление государственным заготовкам хлеба и сырья. Хотя общая масса излишков кулака и зажиточного, значительно меньше совокупных излишков середняцко-бедняцких масс деревни (40% против 60% по хлебу), но все же излишки у капиталистических элементов необходимо из'ять и сосредоточить их более или менее полностью в руках государства, чтобы удовлетворить потребности городов, армии, крестьянства потребляющих районов, нужды промышленности в сырье. Отсюда актуальность задачи наступления на капиталистические элементы деревни. Для того, чтобы покрыть и перекрыть издержки по вытеснению капиталистических элементов в сельском хозяйстве, для того, чтобы громадный рост внутреннего рынка оказал все свое стимулирующее влияние в ускорении темпа развития сельского хозяйства, необходимо ускорить под'ем бедняцко-середняцких хозяйств, что можно сделать преимущественно через массовое производственное кооперирование, через коллективизацию.

Абсолютно бесспорным является тезис, что все преимущества, вытекающие из планового подхода в развитии сельского хозяйства, могут быть реализованы, главным образом, при условии укрупнения, обобществления сельского хозяйства. Это становится ясным, в связи с экономическим районированием. Мы не останавливаемся на таком важнейшем и бесспорном преимуществе, которое начнет действовать только при переходе на крупное хозяйство, как социалистическое соревнование.

От рассмотрения того, в какой степени при различных путях развития нашего сельского хозяйства мы сможем реализовать наши преимущества, остановимся совсем кратко на вопросе о том, в каком случае мы сможем успешно преодолеть и те минусы, те неблагоприятные условия по сравнению с передовыми капиталистическими странами, которые стоят на пути развития сельского хозяйства СССР. Эти неблагоприятные условия для развития сельского хозяйства СССР (как наследство задержавшегося господства крепостнических пережитков и общей исходной отсталости сельского хозяйства) суть следующие: 1) аграрная перенаселенность свыше половины наших с.-х. районов, в размерах, в каких мы не наблюдаем ни в одной развитой капиталистической стране; 2) большие колебания в урожаях, как ни в одной передовой стране; 3) огромный недостаток технических и агрономических кадров.

Когда на земле, при данном уровне техники, при данной структуре сельского хозяйства сидит много больше рабочих рук, чем необходимо, и

наличные рабочие руки используются только частично, то это является крупнейшим препятствием в росте производительных сил в сельском хозяйстве (лишние рты проедают те возможные доходы, которые могли бы получить производительное применение, задерживается развитие техники и т. п.). На путях развития мелкого хозяйства мы не сможем ликвидировать аграрное перенаселение. Рост дробимости крестьянских хозяйств и примитивность техники мешает выполнить эту задачу. Преодолеть аграрное перенаселение мы скажем только на основе высокого темпа индустриализации страны (отвлечения рабочих рук в промышленность) и коренной реконструкции сельского хозяйства (на этой основе повышение его трудоемкости). Известно же, что высокий темп индустриализации требует ускорения темпа развития сельского хозяйства, что не может быть достигнуто без технической и социальной реконструкции сельского хозяйства.

Колебания в урожаях, особенно происходящий часто недород, в наиболее производящих наших районах сильно ослабляет хозяйства основных масс крестьянства. Особенно тяжело отзываются неурожаи на тягловом скоте (абсолютное сокращение количества голов и понижение мощности оставшихся). Гибель же озимых означает еще дополнительную нагрузку для скота на пересев. Обычно после каждого неурожайного года требуется ряд лет для восстановления прежней мощности. Борьба с колебаниями урожаев на уровне примитивной техники мелких крестьянских хозяйств, чрезвычайно затруднена и дает незначительный эффект. Свести к минимуму колебания в урожаях можно только на базе купного хозяйства (правильные севооборот и обработка, своевременный посев, селекционные семена и т. п.). Мы уже теперь имеем в наших совхозах более устойчивый урожай, чем в крестьянских хозяйствах [1]).

Те крайне недостаточные кадры техников и агрономов, которые имеются в нашей стране, при раздробленности сельского хозяйства могли быть использованы крайне нерационально. Использование же их с наибольшим эффектов преимущественно в крупных хозяйствах смягчает дефицит. С другой стороны, образцовые крупные хозяйства являются прекрасной школой для подготовки новых кадров, особенно низшего технического персонала и квалифицированных рабочих. Все, таким образом, упирается в необходимость максимального развертывания крупных с.-х. предприятий, в осуществление широкой программы по обобществлению сельского хозяйства.

Если бы мы с 1928 г. не поставили широкой программы коллективизации и развертывания совхозов, продолжали бы двигаться на рельсах развития сельского хозяйства преимущественно в форме мелких индивидуальных хозяйств, то имели бы чрезвычайно медленные темпы развития. По намечаемой весной 1927 г. в Госплане наметке генерального плана предполагалось, что за 15 лет производительность с.-х. труда возрастет всего на 50% [2]). При таких темпах развития сельского хозяйства мы не могли бы подвести соответствующей сырьевой и продовольственной базы под высокий темп развертывания индустрии, мы не изживали бы исторически сложившихся противоречий между городом и деревней. Теперь мы имеем наметку совершенно других темпов. Достижение под'ема производительности с.-х. труда, примерно, на 50% уже ставится как задача пятилетки (что даст, минимум, утроение темпа). По генеральному плану при обобществлении почти всего сельского хозяйства, при мощных процессах технической реконструкции мы можем ставить в качестве реальной задачи—повышение в несколько раз производительности труда, занятого в сельском хозяйстве. Мы обязаны ставить эту задачу, без разрешения которой мы социалистически не переделаем деревни, не догоним и не обгоним передовые капиталистические страны. Сабсович по генеральному плану определяет рост производительности труда в сельском хозяйстве в 11,5 раз при сокращении рабочего дня вдвое.

Может ли нас поколебать в этих выводах то обстоятельство, что в первом году пятилетия мы по большинству важнейших показателей пятилетнего плана сельского хозяйства, имеем или его некоторые или значительное недовыполнение (последнее по животноводству). Ни в какой степени не может. Недовыполнение плана на ряду с причинами метеорологического порядка (гибель озимых на Украине и Северном Кавказе), об'ясняется еще теми издержками, которые в первые годы широкого приступа к реконструкции неизбежны из-за перемещения социальной базы в сельском хозяйстве. Если в реконструкции крупной промышленности все дело сводится теперь к технической реконструкции (доля частного сектора ничтожна), то в сельском хозяйстве техническая реконструкция происходит одновременно с социальной реконструкцией и не может происходить иначе. Под'ема бедняцко-середняцких хозяйств и роста социалистического сектора в 1927/28 г. (в обстановке более неблагоприятных метеорологических условий) хватило только на то, чтобы перекрыть сокращение посевов в капиталистическом секторе. В 1928/29 г. рост социалистического сектора и под'ем бедняцко-середняцких хозяйств уже не только перекрыл убыль в капиталистическом секторе, но и обеспечил значительный рост всему сельскому хозяйству, расширение посевных площадей на 5,8% (несмотря на вымерзание около 2 млн. озимых на юге УССР). При чем социалистический сектор в своем развитии сильно превысил намечаемые пятилеткой темпы. В отношении роста посевных площадей в 1928/29 г. с.-х. году хотя мы и не имеем полного выполнения плана, все же стоим на более высоком уровне, по сравнению с последним годом восстановительного периода, когда еще не проводили форсированного наступления на кулака и не приступили к широкой программе совхозного и колхозного строительства (в 1927 г. по сравнению с 1926 г. мы имели прирост посевных площадей на 3,3%). По животноводству мы почти не имеем дальнейшего роста в этом году не только по причине огромного недостатка кормов, затянувшейся зимы, но и в результате того, что обобществленный сектор в области животноводства в этом году получил крайне небольшое развитие, мы не наметили и не проводили в области животноводства и десятой доли тех мероприятий, которые были мобилизованы на под'ем зернового хозяйства. Разрешение проблемы животноводства надо теперь поднять на такую же высоту, на которую нам удалось поставить разрешение зерновой проблемы. В дальнейшем, рост социалистического сектора и под'ем бедняцко-середняцких хозяйств, уже в большинстве кооперированных, не только будет возмещать убыль капиталистического сектора, но и обеспечит тот повышенный темп развития всему сельскому хозяйству, которого требует индустриализирующаяся страна. Те издержки на темпе, которые мы теряем в первые два года форсированного наступления на кулака первого приступа к реконструкции (и которые мы должны, перенести путем жесткого регулирования рынка), с лихвой окупятся огромным ускорением темпа развития сельского хозяйства в последующие годы. Не только соображения социалистической целеустремленности, но и прямой экономический расчет, уже в ближайшей перспективе требуют не капитуляции перед кулаком, не свертывания строительства совхозов, машино-тракторных станций и колхозов, а требуют твердого продолжения курса наступления на кулака и максимального развертывания всех форм крупного социалистического земледелия.

Бурный рост обообществленного сектора за 1928/29 г. и выявившиеся возможности для его роста в 1929/30 г. говорят теперь с полной очевидно-

[1]) Даже помещичьи хозяйства на базе довоенной техники имели значительно меньше колебания в урожаях по сравнению с крестьянскими хозяйствами. Низший урожай к высшему у помещиков относился, как 100 : 153, у крестьян же, как 100 : 228 (Кауфман — «С.-х. промысел в России», изд. 1915 г.

[2]) Н. Огановский — «Социалистическое хозяйство», кн. II, 1927 г.

ностью, что в пятилетие мы, видимо, превысим запроектированные пятилеткой
темпы роста обобществленного сектора, примерно, в 2 раза. Уже в 1929/30 г.
обобществленный сектор будет иметь 1/16—1/17-ою всей посевной площади, т.-е.
столько же, сколько пятилетка определяла для него в конце пятилетия. Для
1932/33 г. мы можем теперь ставить в качестве реальной задачу довести долю
обобществленного сектора в посевных площадях до 40—50%. Соответственно
этому к концу пятилетия соотношение предельного веса обобществленного и
индивидуального сектора должно получить значительно другой облик, чем это
мыслилось даже весной 1929 г. Пятилетка Госплана намечала рост удельного
веса продукции совхозов и колхозов в общей валовой продукции сельского
хозяйства с 2% до 14,6%, в товарной с 4,4% до 25,3%, в зерновой товарной
до 40%. Индивидуальный сектор сохранял свою преобладающую долю. Пе-
ред колхозами и совхозами ставилась задача заместить долю капиталисти-
ческой верхушки в товарной продукции. Теперь это будет недостаточно.
Обобществленный сектор должен к концу пятилетия поставить уже не ме-
нее половины всей товарной продукции сельского хозяйства и не менее 60—
70% товарной зерновой продукции. На этом пути мы найдем не только на-
стоящее разрешение наших текущих трудностей, которые лежат по линии
сельского хозяйства, но и действительно обеспечим такой мощный под'ем
производительных сил в сельском хозяйстве, который позволит решительно
изживать, доставшуюся нам в наследство от буржуазного общества, проти-
воположность между городом и деревней. Мы должны использовать все имею-
щиеся у нас возможности для широчайшего развертывания обобществленного
сектора.

Какие основные рычаги имеются у нас к усилению
темпов роста крупного обобществленного сельского
хозяйства. Мы не будем останавливаться на таком становящемся все
более бесспорном рычаге, каким являются совхозы, роль которых в освоении
новых земель, в разрешении зерновой, мясной, овощной, шерстяной и проч.
проблемах—очень велика. На ряду с этим, совхозы дают образцы строитель-
ства крупного хозяйства.

Программа строительства новых совхозов и расши-
рения старых должна быть выполнена, несмотря на все
вопли правых элементов партии. Следует больше остано-
виться на тех рычагах, которые двигают коллективи-
зацию миллионов раздробленных крестьянских хо-
зяйств, ибо здесь лежит центр тяжести для темпа
обобществления сельского хозяйства. По этой линии следует
искать разрешения и проблемы середняка в условиях социалистической ре-
конструкции.

Темп коллективизации упирается сейчас в разре-
шение следующих 4-х задач:

1) широкого вовлечения середняка в колхозы; 2) ускорения темпов
массового производственного кооперирования; 3) успешной организации сил
бедноты для преодоления сопротивлений кулачества; 4) быстрого расширения
производства средств производства для сельского хозяйства.

Значительная часть бедноты в колхозы уже вовлечена. Остальная часть
бедноты будет вовлекаться вместе с вовлечением середняка. Вовлечение се-
редняка как центральной фигуры нашего земледелия, как самого многочи-
сленного отряда крестьянства, будет теперь чем дальше, тем больше опре-
делять темп коллективизации. Этого требуют также и интересы укрепления
руководства рабочего класса крестьянством, ибо курс на решительное вовле-
чение середняка в колхозы, поголовный охват середняка производственным
кооперированием, дает выход хозяйственной активности середняцких масс
в условиях наступления на капиталистические элементы. В лице колхозов

мы даем середняку другую социалистическую перспективу хозяйственного развития: уже не кулацкое хозяйство маячит перед середняком, как идеал его хозяйственных стремлений, а колхоз, хозяйство социалистического типа. А мы видели из предыдущего, что высокий темп коллективизации определяет собою и высокий темп развития сельского хозяйства, ускоряет процесс изживания, исторически сложившихся противоречий между городом и деревней. Генеральная линия партии и направлена на то, чтобы на ряду с бедняком, вовлечь в колхозы широкие пласты середняка. Решительной ставкой на организацию сил бедноты партия стремится преодолеть то сопротивление, которое выставляет кулак на пути коллективизации, стремится обеспечить руководство рабочего класса. Максимально содействуя коллективизации, партия не забывает, что поголовный охват производственной кооперацией крестьянских масс—подводит широким фронтом бедняцко-середняцкие массы к коллективизации. Поэтому, партия целой системой мер стимулирует рост с.-х. кооперации, стимулирует рост простейших видов производственных об'единений, как зачаточных форм коллективизации. На основе высокого темпа индустриализации страны, гигантски расширяя машиностроение, химическую, промышленность, электростроительство, партия стремится подвести и соответствующую материальную базу под техническую и социальную реконструкцию сельского хозяйства.

Линия правых и «левых» уклонистов направлена к срыву данной генеральной линии, к срыву высоких темпов коллективизации.

Правые и «левые» уклонисты, сходятся в курсе на однородные бедняцкие колхозы. У правых этот курс вытекает из признания того, что колхозы—не главная магистраль, не столбовая дорога, не основной путь, по которому крестьянство придет к социализму. «Колхозы только добавочный путь к тому главному пути, который представляет собой кооперация» (Бухарин). Этот добавочный путь захватит преимущественно бедноту. «Колхозы являются естественной формой организации бедняцких хозяйств... Середняцкие хозяйства, поднимаясь и становясь все более и более прочно на ноги, будут, конечно, организовываться в с.-х. кооперацию по всем трем основным линиям, о которых мы писали выше: «по линии закупок и по линии сбыта, и по линии кредита» [1]). Мы знаем, что это явное искажение кооперативного плана Ленина.

Колхозы есть высшая форма производственного кооперирования, есть стержень кооперативного плана Ленина. Недаром Ленин писал о кооперативных предприятиях на национализированной земле со средствами производства, одолженными государством. Без перерастания простой формы кооперирования (сбыта, снабжения, переработки) к кооперированию самого с.-х. производства, кооперация не выполнит своей роли — столбовой дороги деревни к социализму.

Отделив колхозы от кооперации, правые представляют последнюю преимущественно как кооперирование товарооборота. Поскольку кооперирование крестьянских хозяйств происходит, главным образом, на основе сбыта и закупок, то, естественно, здесь обобществления в производстве нет, производственный процесс продолжает происходить в единоличной форме. А так как до укрупнения бедняцких и середняцких хозяйств в простейшие производственные об'единения и колхозы зажиточные и кулаки находятся в более выгодном положении, с меньшими издержками и больше производят с.-х. продуктов, могут больше продавать и покупать, то, само собой понятно, что и степень использования ими кооперации наблюдается много больше, чем у низших групп крестьянства. Правые не боятся это положение сохранить и расширить, так как они надеются на мирное врастание кулака в со-

[1]) Бухарин — «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», стр. 47.

циализм. Поэтому в центре внимания у них стоит стремление расчистить путь для роста зажиточных и кулацких хозяйств в деревне. Но это есть путь не построения социализма, а путь перерождения, путь буржуазной реставрации.

Неудивительно, что колхозы в постановке правых уклонистов являются своего рода собесовскими организациями для бедноты. Развитие же основного массива крестьянских хозяйств, по их мнению, пойдет мимо колхозов, в форме индивидуального производства, с кооперированным товарооборотом.

У «левых» уклонистов ставка на однородные бедняцкие колхозы вытекает из троцкистского или полутроцкистского непонимания проблемы середняка, из неверия в возможность социалистической переделки основной массы крестьянских хозяйств. Отсюда разговорчики на тот счет, что крепкими могут быть только бедняцкие колхозы. С этим же непониманием и игнорированием проблемы середняка связан у «левых» и лозунг союзов бедноты (с постоянными выборными органами, со штатом и т. п.). Вредность идеи союзов бедноты заключается не только в том, что они явились бы по существу организациями второй партии, но привели бы к изоляции бедноты от середняка, к потере руководства середняком. Именно потому, что для «левых» уклонистов не стоят проблемы коллективизации и середняка, что они не связывают темпов коллективизации с необходимостью широкого вовлечения середняка, они недооценивают и роли с.-х. кооперации, как приводного ремня широких середняцких масс к коллективизации. Поэтому со стороны «левых» уклонистов мы часто видим игнорирование роли с.-х. кооперации, невнимание к темпам кооперирования. Позиция «левых» уклонистов ставит громадные препятствия на пути коллективизации, нижает темпы обобществления сельского хозяйства.

Конечно, и в отношении темпов обобществления сельского хозяйства как в других вопросах, правая опасность остается также основной, главной опасностью. Главной потому, что социальная база правых значительно шире в нашей стране. Главной еще и потому, что вся их установка направлена на свертывание строительства колхозов и совхозов. В последних они отказываются видеть серьезных заместителей кулака, уже в данное пятилетие; они мыслят их только в качестве тепличных растений, «музыки будущего». Замазывая обострение классовой борьбы в стране, отказываясь от самостоятельной организации бедноты, правые отказываются преодолеть и то зверское сопротивление кулачества, которое оно оказывает развертыванию совхозов и колхозов (вплоть до поджогов, уничтожения посевов, покушений и т. д.). Высказываясь за снижение темпа индустриализации, правые, таким образом, снижают материально-технические возможности для развития совхозов, МТС, колхозов. Они снижают наши возможности и по линии борьбы с аграрным перенаселением и колебаниями урожаев. Но, направляя главный огонь против правой опасности, нельзя недооценивать и значения ошибок «левых» уклонистов для темпов коллективизации. Особенно, если учесть возвращение в партию большого числа троцкистских кадров. Игнорирование середняка коллективизации, изоляция бедноты от середняка, перегибы в отношении середняка в практической работе и тем укрепление позиций кулака, перескоки в отношении с.-х. кооперации, попытка осуществлять высокий темп индустриализации без решительного подтягивания основных масс крестьянства, — все это условия, задерживающие рост крупного обобществленного сельского хозяйства.

Вот почему преодоление и правого, и «левого» уклонов от генеральной линии есть одно из решающих условий для достижения высоких темпов развития сельского хозяйства и его обобществления.

П. Шубин.

Капиталистическая рационализация и жизненный уровень пролетариата[1]).

IV.

Но тов. Варга, говоря о жизненном уровне рабочих, «отвлекается» не только от роста интенсивности труда, но и от роста безработицы. Он, который исправляет или дополняет в этом вопросе Маркса, заменяя его эластичный, гибкий закон об относительном уменьшении числа рабочих своим жестким (железным?) законом или, если угодно, тенденцией об абсолютном уменьшении числа индустриальных рабочих [2]), он, который на

---

[1]) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

[2]) «Новый характер безработицы заключается в том, что число используемых промышленным капиталом рабочих рук в Америке показывает абсолютное сокращение. Положение, следовательно, не таково, какое Маркс считал типичным для капитализма...». (Стенографический отчет 6-го конгресса, вып. I, стр. 223). Впрочем, в другом месте, приводя цитаты из Маркса, характеризующие свойственный капиталистическому способу производства закон населения (цитаты, правда, не решающие и делая к тому же из них неправильные выводы), тов. Варга заявляет: «До мировой войны казалось, что эта тенденция (понижение числа рабочих), которая с теоретической точки зрения неизбежно вытекает (везде подчеркнуто мною. *П. Ш.)* из самого механизма капиталистического способа производства, не распространялась на конкретные условия тогдашнего капитализма... В последнее время, со времени стабилизации капитализма наступило абсолютное сокращение числа рабочих, занятых производительным капиталом, на этот раз не только в сельском хозяйстве». Тов. Варга, таким образом, не видит абсолютного сокращения «до стабилизации», т.-е. как раз в периоде разрухи, относительно которой тов. Ленин говорил еще в декабре 1921 г. — и в полном соответствии с действительным положением, — что «безработица является главнейшим бедствием передовых стран». (Доклад на С'езде Советов, т. 18, ч. I, стр. 433). Но оставим это. Мы не можем также заняться здесь выяснением того, когда собственно прав тов. Варга: тогда ли, когда он утверждает, что открытый им закон или тенденция не совпадает с тем, что «Маркс считал типичным», или же когда он считает свой закон — неизбежно вытекающим законом Маркса, но «не распространившимся на конкретные условия тогдашнего капитализма». «Потребовалась бы специальная работа, чтобы выяснить ошибочность теоретической попытки тов. Варги придать характер закономерности отдельным фактам абсолютного уменьшения числа промышленных рабочих. (В Соед. Штатах, по его мнению, освобождение «рабочей силы» уже носит окончательный характер). Ограничимся только указанием, что в основе всего теоретического построения тов. Варги лежит:

1) Чрезмерная переоценка роли технического прогресса в капиталистической рационализации («Такой крупный скачкообразный технический прогресс не находит соответствующей возможности расширения внутреннего рынка...». 2) Недооценка значения эксплоатации колоний и вообще отсталых стран в «после стабилизационный период» и осторожное, но настойчиво повторяемая мысль, что империализм близок или подходит к исчерпанию своих возможностей в колониях. («Существовала и другая однократная возможность расширения капиталистического рынка за счет отсталых стран, следовательно, за счет преобразования некапиталистических стран в капиталистические. Этот процесс, разумеется, не завершился. Но расширение рынка сбыта в этом

том же основании исправляет или дополняет Ленина, предлагая говорить не об «умирающем», а об «отмирании капитализма» [1]),— он при всем том не то что не видит—это было бы невозможно, а заставляет себя не видеть безработицу, когда дело касается изображения повышающегося или хотя бы непонижающегося уровня жизни рабочих. Каким путем тов. Варга достигает такой «совершенной» раздвоенности в характеристике положения рабочего класса? Тем же своеобразным применением двойной бухгалтерии, которую мы видели в вопросе о росте интенсивности труда. Да, конечно, безработица существует—тов. Варга тщательно описывает ее в «надлежащем» месте и в «надлежащее» время. Но проходит она у него по «другим статьям», чем жизненный уровень рабочего... Другой счет—только и всего!

Но согласимся с тов. Варга, что безработица «непосредственно» не влияет на жизненный уровень рабочего, что в этот счет она не идет. Остается, однако, еще одна трудность: почему она не влияет через посредство капитала, почему он не пользуется наличием промышленной резервной [2]) армии, чтобы понизить жизненный уровень рабочего. Ведь по Марксу существует отношение и достаточно определенное между колебаниями заработной платы и движением в составе промышленной резервной армии. Тов. Варга знает об этом и принимает, разумеется, все «зависящие меры», чтобы обезопасить свою точку зрения с этой стороны. Но сама-то точка зрения такова, что от тов. Варги «зависит» не очень много...

Маркс, как известно, отнюдь не исключал повышения не только номинальной, но и реальной заработной платы в рамках капитализма. Он отвергал «железный закон» заработной платы Лассаля не только потому, что в основе его лежала мальтусовская теория народонаселения, согласно которой перенаселение при капиталистической системе вызывается не свойствами капитализма, а тем, что рабочих по «законам природы»

направлении наталкивается на совершенно иные крупные препятствия, а именно на индустриализацию этих стран на месте, на установление покровительственных тарифов, затрудняющих экспорт товаров в эти страны». («Коммунистический Интернационал», № 18 ,стр. 41). Ту же мысль мы находим и в статье «Десять лет кризиса капитализма» («Большевик», № 6, стр. 26). 3) Основанное, по существу, на люксембургианской теории реализации утверждение, что «для капитализма довоенного времени существовала однократная и сейчас уже более не повторяющаяся и неповторимая возможность расширения капиталистических рынков сбыта путем превращения крестьян в фермеров. (Там же подчеркнуто автором).

[1]) «Послевоенный капитализм... — это уже не «умирающий» капитализм, а капитализм уже находящийся в процессе отмирания» (nicht mehr ein «sterbouder», sondern ein bereits ine im Prozess des Absterbensbefindlicher»). «Экономика капитализма», стр. 11). Это противопоставление «умирающего» процессу отмирания если имеет какой-либо смысл, то учитывая установившуюся марксистско-ленинскую терминологию, только следующий. Энгельс писал: «Государство не отменяется, оно отмирает...». Ленин показал (т. XIV, ч. II, стр. 310), что «об «отмирании» и даже еще ральефнее и красочнее — о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе... после социалистической революции. Настаивая на отмирании в отличие от «умирания», тов. Варга вызывает представление о медленном, постепенном, без революционных потрясений отмирании капитализма в том смысле, в каком Энгельс говорил о «засыпании» и «отмирании» демократии после социалистической революции. Что это не спор о словах, что у тов. Варги намечается склонность в таком виде представлять себе процесс крушения капиталистического общества, читатель может убедиться сопоставив сказанное с предшествующей выноской.

[2]) Резервной — если верить Марксу, что капитал то отталкивает рабочих то снова, вследствие скачкообразного своего расширения, притягивает некоторую новую часть, а не тов. Варге, который утверждает, что «освобождение» рабочей силы имеет окончательный характер.

всегда будет слишком много. Маркс (уже после того как он написал «Нищету философии») доказал, что закон Лассаля, согласно которому нормальная цена рабочей силы совпадает с минимумом заработной платы, т.-е. эквивалентом стоимости средств существования, безусловно необходимых для жизни рабочего и продолжения его расы, по существу, не верен. «Общая тенденция капиталистического производства,—писал Маркс,—клонится (подчер. везде мной. *П. Ш.*) не к тому, чтобы поднять среднюю заработную плату, а, напротив, к тому, чтобы понизить ее, т.-е. в большей или меньшей степени довести ценность труда до ее минимальных границ. Но если в современном обществе существует такая тенденция, то следует ли из этого, что рабочие должны отказаться от борьбы с посягательствами капитала и прекратить попытки использовать в своих интересах случайную возможность временных улучшений? Если бы они так поступили, они превратились бы в безразличную массу безнадежно обреченных на голод людей» [1]). Маркс считал необходимым воспитать партию пролетариата не на ошибочном утверждении, что заработная плата никогда не может быть выше минимума стоимости необходимых для воспроизводства рабочей силы жизненных средств, а на сознании того, что система наемного труда есть система рабства, притом тем более сурового, чем более развиваются общественные и производительные силы труда, все равно, получает ли рабочий лучшее или худшее вознаграждение [2]).

В намеченных выше пределах колебания заработной платы находятся в связи с соотношением между активной и резервной промышленной армией, между работающими и безработными.

«В общем и целом широкие колебания заработной платы (подчеркнуто везде мной. *П. Ш.*) регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютного числа рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова освобождается» [3]).

Конечно, было бы неправильно упрощать сказанное здесь Марксом («в общем и целом»... «широкий»... и т. д.) и сделать тот вывод, что согласно Марксу исключается абсолютно возможность увеличения заработной платы при росте безработицы. Но если бы это увеличение действительно происходило, то надо об'яснить почему. Об'яснить же это можно двояко.

Первое об'яснение. Обнаружить, в какой иной форме, кроме понижения зарплаты, капитал пользуется растущим давлением на рынок труда резервной армии. Сейчас при капиталистической рационализации совершенно ясно, что не будь увеличивающихся резервов свежей рабочей силы; не будь возможности у капитала терроризовать работающих угрозой в кратчайший срок «обменять» весь состав рабочих на данном заводе (как это делается на наиболее «рационализированных» заводах новых индустрий—радиоустановок, граммофонов и т. д., где в течение года выбрасывается нередко почти весь старый контингент рабочих),—одним словом,

---

[1]) «Заработная плата, цена и прибыль».

[2]) «Замечания на программу германской рабочей партии». Гиз, 1923 г., стр. 54. Тов. Коларов, исключая возможность априорно повышенной заработной платы при кризисе капитализма, не учитывает, между прочим, и этого указания Маркса. Те возражения, которые были сделаны ему тов. Варга в этой части вполне обоснованы.

[3]) «Капитал», т. I, стр

не будь безработицы в ее наиболее тяжелой, хронической форме, капитал не мог бы так хищнически, под видом «экономии движений» истреблять рабочую силу, ускорять темпы производства и взвинчивать интенсификацию труда. Но для тов. Варги этот путь об'яснения наглухо закрыт: он отказывается включать интенсификацию в категорию элементов, определяющих жизненный уровень...

Остается второй пункт: доказывать, что капитал не хочет или не «заинтересован» и т. д. и т. п. в снижении жизненного уровня рабочих, и потому не пользуется теми выгодами, которые дает ему безработица. Тов. Варга знает, что это скользкий и опасный путь. Но что ему делать? Не без опаски и оговорок, но все же пускается он по этому пути—«вперед».

«Естественно — начинает осторожно двигаться тов. Варга,— возникает вопрос о причинах, в силу которых американский капитализм не использовал наличие растущей резервной армии для снижения зарплаты»? Отвечая на этот вопрос тов. Варга приводит две причины [1]): 1) САСШ переживают «с 1922 г. период благоприятной кон'юнктуры. Попытки снижения заработной платы повели бы к конфликтам и, следовательно, нанесли бы удар особенно высоким в этот период прибылям», и 2) «Между рабочей аристократией и крупным монополистическим капиталом САСШ существует постоянное сотрудничество». Только в связи с будущей депрессией тов. Варга предвидит возможность того, что «отпадет основной экономический мотив в пользу сохранения высокого уровня заработной платы» [2]).

Из приведенных двух причин—вторая об'ясняет сохранение высокого уровня заработной платы только для рабочей аристократии. Но тем самым еще сильнее подчеркивается, что действие этой причины не может распространяться на основные массы американского пролетариата. Нельзя же допустить, чтобы тов. Варга относил весь рабочий класс Соед. Штатов или хотя бы значительную его часть к аристократии. Но если это так, то, исходя из этой причины, имеющей действительно некоторый, хотя и ограниченный круг действия, тов. Варга должен был бы дифференцированно ставить вопрос о реальной заработной плате в С. Штатах для отдельных групп рабочих, отделяя прежде всего аристократию от основных масс. Между тем он этого не делает. Характерный (и вместе с тем наиболее слабый) пункт в варгинской постановке заключается именно в том, что, оставаясь в плену у официальной буржуазной статистики, он устанавливает жизненный уровень рабочего класса в целом, основываясь на данных, которые касаются только части, наиболее обеспеченной части рабочих.

Если вторая причина, таким образом, отпадает, то остается единственный «экономический мотив»—желание капитала избегнуть конфликтов в промышленности, т.-е. готовность его не использовать хроническую безработицу в интересах сохранения мира в промышленности. Что капитал в своем ненасытном стремлении понижать заработную плату ниже стоимости труда все же учитывает риск отпора, который пролетариат может дать этому наступлению, что депрессия в промышленности (но и безработица при кон'юнктуре) понижает этот риск—это верно. Но было бы непростительным прикрашиванием капиталистической рационализации и скрытой формой апологетики изображать дело так, будто монополистический капитал, опирающийся на фашистский государственный аппарат, на фашизирующиеся реформистские партии и профсоюзную машину, из опасения вызвать экономические конфликты, станет по-толстовски отказываться от борьбы и насилия.

[1]) «Проблемы», стр. 51.
[2]) Там же, стр. 52.

Тов. Варга выпячивает это мнимое самоограничение монополистического капитала, когда он говорит о «непосредственном» и «посредственном» влиянии репарационных платежей на уровень жизни германских рабочих. Сейчас, говоря о рабочих Соед. Штатах, он идет еще дальше. В полном противоречии с фактами—с жесточайшим провокационным, всегда принимающим характер кровопускания наступлением американского капитала, со всей практикой Американской Федерации Труда и кампанейских профсоюзов,—тов. Варга утверждает, что американский капитал «откладывает» конфликты, воздерживаясь от них до наступления депрессии. Удалось таки найти законченных вегетарианцев: они оказались в Уолл-Стрите!

Но, став на путь конструирования «экономических мотивов» (у монополистического капитала!) в пользу «сохранения высокого уровня заработной платы», тов. Варга не может ограничиться только соображением избежания риска. Ему приходится двигаться дальше, в том же направлении. Оказывается, что капитал уже не только избегая конфликта, отказывается снижать заработную плату. Больше того: в собственных своих интересах он стремится повысить ее. Тов. Варга, конечно, знает, как близко такого рода аргументация подходит к обоснованию «мира в промышленности»: еще один поворот микрометрического винта и произойдет соприкосновение... Он спешит поэтому принять превентивные меры!

«Одни только социал-демократы могут всерьез ожидать, что капиталисты повысят заработную плату для того, чтобы найти покупателей на свои избыточные товары. Это — бессмыслица...» [1]).

Бессмыслица»? Как будто это не самое подходящее слово для определения центрального пункта гнуснейшего и опаснейшего реформистского обмана... Но дело уже не в оттенках. Послушаем, что по существу говорит сам тов. Варга по тому же вопросу—о повышении капиталистами заработной платы.

«Тот факт, что имеются и капиталисты, считающие возможно высокую (везде подчеркнуто мной. *П. Ш.*) заработную плату благоприятной для капиталистов об'ясняется следующим:

1) некоторые капиталисты производят такого рода товары, которые не составляют предметы необходимости рабочего класса и покупаются поэтому рабочими лишь при известном уровне заработной платы. Этот слой капиталистов заинтересован в том, чтобы все другие капиталисты платили своим рабочим возможно высокую заработную плату... В подобных случаях возможно даже, что отдельный капиталист повышает заработную плату в своем предприятии дабы положить этим начало общему повышению уровня заработной платы в стране. Мы видели это одно время у Форда, но для класса капиталистов в целом подобная политика немыслима.

2) Второе, имеющее значение для всего класса капиталистов основание для повышения, либо сохранения высокого уровня заработной платы состоит в том, что вызванное новейшей техникой сильнейшее повышение интенсивности труда невозможно при низкой заработной плате. Для того, чтобы беспрерывно выжимать из рабочих огромное количество рабочей силы, их надо хорошо питать и поставить вообще в сносные

[1]) Там же, стр. 58. Повторяя ту же аргументацию в другом месте («Экономика капитализма», стр. 34), тов. Варга ссылается на указание Маркса о существовании «поворотной точки», в которой дальнейшее удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают одно другое...». Он не замечает при этом, что Маркс говорит о длине рабочего дня (ее то Форд действительно сократил, хотя отнюдь не до размеров, при которых компенсировалось бы снашиваемость рабочей силы в результате повышения интенсификации), но не о реальной заработной плате, тем более не о жизненном уровне. «Отвлекаясь», вопреки прямому указанию Маркса, даже в этой цитате от интенсификации труда, тов. Варге уже нетрудно конструировать, ссылаясь на Маркса, основной экономический мотив капитала к поднятию жизненного уровня рабочего.

условия. В противном случае введение современной техники ведет к физическому вырождению рабочего, что мы наблюдаем, например, в Китае. В развитых капиталистических странах такое явление возможно лишь в виде исключения»[1]).

Но не пошел ли здесь тов. Варга дальше, чем хотел? Не сказал ли он больше, чем ему было нужно.

Ибо если то, что им изложено в вышеприведенной цитате, верно, то возникают следующие вопросы:

Вопрос первый. Почему все это относится только к С. Штатам? Если Форд действительно имеет этот «основной экономический мотив к возможно высокой заработной плате» и средства для осуществления этого мотива, то почему только на родине? Появление его на европейском континенте (почему впрочем только в Европе?) должно сопровождаться повышением жизненного уровня рабочих. Форду нужен или будет нужен массовый покупатель автомобилей. Итак, американский дядюшка приедет, американский дядюшка рассудит «спор» между трудом и капиталом и в Европе.

Вопрос второй. Почему только Форд? Он не единственный праведник в капиталистическом Содоме; не единственный капиталист, продукт которого покупается рабочими лишь при известном уровне заработной платы. Таких капиталистов много. Если все они согласно т. Варга заинтересованы в том, чтобы «положить начало общему повышению уровня заработной платы в стране», то зачем же, собственно, дело стало? Стоит им лишь об'единиться (своеобразный, Лениным непредвиденный монополистический союз капиталистов!) и дружно взяться за работу. Экономических конфликтов с рабочими на этой почве им бояться нечего! Рай не рай, а прогрессивное повышение жизненного уровня рабочих, таким образом, будет обеспечено!

Вопрос третий. Почему даже депрессия должна нарушить эту идиллию? Ведь при депрессии просвещенные капиталисты типа Форда не меньше, а больше заинтересованы в покупательной силе рабочего. Если уже поверить в возможность беспорочного зачатия Фордом высокой заработной платы, то почему не допустить распространения этого чуда и на депрессию в целях преодоления кризиса при помощи повышения жизненного уровня рабочих?

Вопрос четвертый. Почему наконец трактовать как «физическое вырождение» рабочего факты о потреблении заводами Форда целой рабочей жизни в течение одной пятилетки? И где же тут «логика»? Фордам нужны покупатели рабочие, а безработный инвалид—какой же он покупатель? Тов. Варга наблюдает «физическое вырождение например в Китае». Но С. Штаты—не Китай! Откуда в С. Штатах возьмется физическое вырождение рабочего. Наоборот, все планы американского империализма на Тихом океане истолковываются в «десятках тысяч документов» в том смысле, что американская буржуазия стремится перенести Prosperity и в отсталые страны. Одним словом, Китай должен стать С. Штатами!

Мы видим, таким образом, как «основной мотив», открытый т. Варга у капиталистов, при дальнейшем своем развитии, если не сразу, то все же последовательно смягчает, сводит на-нет бешеные атаки трестифицированного капитала на жизненный уровень рабочего. Что же? В добрый час: нашему теленку волка с'есть!

[1]) «Проблема», стр. 58.

V.

Не спасает положения и то, что тов. Варга пытается подменить вопрос о жизненном уровне другим вопросом — о доле рабочего класса в стоимости продукции. В своих поправках президиуму тов. Варга предложил вместо слов о том, что рационализация понижает жизненный уровень, говорить об относительном понижении доли рабочих в общем продукте. На пленуме он этого предложения не поддерживал, но и не отказывался от него. Впрочем и не мог отказаться, не отказавшись от всей своей установки. Ибо мысль о том, что эксплоатация при рационализации исчерпывающим или по меньшей мере решающим образом охватывается понижением доли рабочего в продукции, неот'емлема от варгинского понимания не только жизненного уровня, но и хронической безработицы и даже характера капиталистических кризисов.

> «Итак, — пишет тов. Варга после указания на то, что рационализация в Соед. Штатах сопровождается повышением заработной платы,—в условиях анархии капиталистического способа производства, проводящаяся отдельными капиталистами рационализация, т.-е. уменьшение количества содержащегося в единице товара рабочего времени и тем самым уменьшение доли рабочего в стоимости производимого им продукта (подчеркнуто мной. *П. Ш.*) ведут к созданию постоянной резервной промышленной армии, а с другой стороны, к величайшим затруднениям в сбыте товаров и, следовательно, к более частым, более продолжительным и более сильным кризисам»[1]).

Размеры статьи не позволяют касаться той части выставленного тов. Варга положения, которая относится к безработице и кризисам. Ограничимся рассмотрением вопроса, в какой мере предложенный т. Варга суррогат «доля рабочего» может нейтрализовать его основную ошибку в вопросе об определении жизненного уровня.

Что доля рабочего в производимом продукте понижается при капиталистической рационализации—это факт безусловный. Но столь же безусловно и то, что Американская Федерация Труда и комиссия Гувера нисколько не отрицает этого факта и все же это ни в какой мере не мешает им рекламировать рационализацию, и ее благодеяния для рабочих. В чем же тут дело? Конференция Гувера по безработице, отчет которой т. Варга очень кстати процитировал на пленуме, констатирует, что «доля, приходящаяся на рабочего, следовательно на заработную плату, составляла все меньший процент общей суммы продукции». Подсчеты с такими же выводами (Кущинского и др.) систематически печатаются в журнале «Американский Федерационалист»[2]). Неужели буржуазия действительно раскрывает тайну своего специфического накопления при капиталистической рационализации?

Дело в том, что понижение доли рабочего в возросшей продукции (т.-е., понижающийся процент при возрастании суммы) может означать, но может и не означать понижения жизненного уровня, даже в том смысле, как его понимают буржуазные статистики всего мира (т.-е., как

[1]) «Проблемы», стр. 58.

[2]) Этот журнал, кстати сказать, нисколько не стесняется говорить и даже кричать об абсолютном уменьшении числа рабочих, подобно тому, как министр труда Девис не постеснялся еще года два тому назад забить тревогу по поводу роста хронической безработицы (избрав для этого бума журнал «Уолл Стрит»). Почему американский империализм так бесстрашно обнаруживает свои язвы? Только для того, чтобы поднять в глазах населения вообще, а рабочих в особенности, значение того универсального средства, которое он рекомендует для ликвидации этой и всяких других болезней. Нужно ли говорить, что это средство заключается в завоевании новых рынков, прежде всего колоний, Соединенными Штатами. При рекламе американских лекарств изобретатели всячески разрисовывают ужасы болезни.

уровень реальной заработной платы). Это зависит от отношения между темпами понижения процента и возрастания суммы. Так как «статистики» имеют возможность всегда исходить из более быстрого роста продукции, то в результате своего подсчета, им нетрудно доказать, что все обстоит благополучно: растет накопление капитала, но подымается и жизненный уровень рабочего (с последним, как известно, согласен и т. Варга). Все прекрасно в этом лучшем из рационализированных миров!

Но остается еще один вопрос: не означает ли относительное понижение доли рабочего при сохранении или даже повышении реальной заработной платы рост эксплоатации и невозможность возмещения снашиваемой рабочей силы? О том, как отвечает на этот вопрос Маркс, мы уже видели выше. Совершенно, разумеется, иначе отображается этот процесс в голове капиталиста и его идеолога. Если повышение продукции происходит вследствие роста производительности труда, т.-е., усовершенствования машин, составляющих священную собственность капиталиста, то какие претензии на свою долю в этом повышении может еще пред'являть рабочий? Сведение капиталистической рационализации к техническому прогрессу и происходящему на его основе росту производительности составляет недаром Альфу и Омегу капиталистического обмана при рационализации. «Технический экстаз» может быть и «безобидным», основанным на любительском (или обывательском) преувеличении оценки достигнутых технических успехов. Но это, конечно, исключение. В громадном большинстве случаев этот экстаз есть результат воздействия буржуазной агитации, цель которой приписать спасительному росту производительности то, что в действительности достигается убийственным ростом интенсификации труда [1].

---

[1]) В программе Коминтерна в характеристике развития производительных сил при империализме говорится о «повышении органического состава капитала». Это, конечно, совершенно правильно. Опыт, однако, показал (меморандум германских примиренцев осенью 1928 г.; политические тезисы большинства ЦК американской компартии зимой 1929 г.; а также, до некоторой степени, первоначальный проект политических тезисов ЦК к последнему с'езду английской компартии и т. д., — чтобы не заходить слишком далеко...), как расширительно, т.-е. извращенно оппортунисты склонны толковать эту безусловно правильную характеристику. Отсюда вывод, что при применении этой формулы к конкретной обстановке в отдельных капиталистических странах и в отдельные периоды надо проявлять максимальную трезвость. Иначе под прикрытием научной формулы может пробраться контрабандой вульгарная переоценка удельного веса технического прогресса в нынешней рационализации. При этом надо иметь в виду следующее. Верно, что повышение органического состава капитала характризуется всегда уменьшением доли переменного капитала по сравнению с постоянным, а, следовательно, и по сравнению со всем функционирующим капиталом. Но верно ли обратное? Верно ли, что всякое уменьшение доли переменного капитала по сравнению с постоянным есть повышение органического состава? Разумеется, нет. Органическим составом капитала Маркс, как известно, называет его состав по стоимости, поскольку последний определяется его техническим составом; (см. «Капитал», т. I, стр. 477 и т. III, стр. 91 и сл.). Поэтому переход от конкретной таблицы, свидетельствующей об уменьшении переменного капитала по сравнению с постоянным (т.-е. от тех материалов, которые дает буржуазная статистика), к констатированию повышения органического состава капитала требует не только величайшего внимания, но и дополнительного анализа. В самом деле, если взять две таблицы: движение продукции каменного угля в Англии и движение переменного капитала за последние годы в этой же отрасли промышленности, то рост постоянного капитала по сравнению с переменным не подлежит здесь сомнению. Но, конечно, в этом случае никому и в голову не придет говорить о повышении органического состава: слишком уже очевидно, что понижение переменного капитала в данном случае есть результат не повышения технического состава, а уменьшения заработной платы или удлинения рабочего дня (или того и другого вместе). Не так ясно, однако, обстоит дело, когда перемена в отношении между постоянным и переменным капиталом вызвана ростом не экстенсивной, а интенсивной эксплоатации, а именно: ростом интенсификации труда. Теоретически вряд ли кто-нибудь будет оспаривать и в данном случае, что перемена в составе капитала по стоимости, вызванная ростом интенсификации, не является повышением органического состава, ибо основным показателем этого повышения является количество прилагаемого труда к данной массе средств производства, а это количество уменьшается на единицу продукции лишь при повышении производительости труда, а не его интенсивности. Но так как статистические таблицы обычно составляются так, что из них прямо не видно, вызван ли рост продукции на каждого рабочего ростом производительности, или ростом интенсивности (или же в какой мере он вызван одним и в какой мере другим), то на основании этой статистики, если бы даже она не была фальсифицирована, можно при некритическом отношении легко впасть в ошибку и либо преувеличить степень повышения органического состава, либо видеть его там, где его совсем нет. Это верно не только для Англии, но даже для столь рекламируемой Америки. Мнение о стремительном повышении органического состава капитала в Америке, во всем хозяйстве и связанное с этим мнением утверждение, что абсолютное уменьшение числа рабочих вызвано только ростом техники, имеет в своей основе эту ошибку.

Тов. Варга не мало написал о том, месте, которое занимает интенсификация в капиталистической рационализации. Но беда в том, что он не хочет, как мы уже убедились, и слышать про это, когда дело доходит до характеристики положения рабочего. В самом деле, чем он об'ясняет уменьшение доли рабочего в производимом продукте?

Относительное понижение доли рабочего в общей продукции может произойти в результате двоякого рода процессов. Первый — доля труда в единице продукта вообще понижается; это бывает при росте производительности труда, т.-е., когда в результате улучшения техники, данное количество труда (и в данный промежуток времени) дает больше единиц продукта, чем раньше. В этом случае, как уже указывалось, с точки зрения буржуазии, рабочему претендовать не на что: он «меньше» дает в продукт и меньше берет из него (бог, т.-е. капитал, дал, бог взял, да будет благословенно имя господне!).

Иначе протекает тот же процесс при росте интенсификации труда. Она не предполагает, что данное количество труда дает больше единиц продукта. При интенсификации — «продукт стоит того же труда». Что же меняется в трудовом процессе? Только то, что данное количество труда выжимается из рабочего в более короткий промежуток времени. Рабочий день может сократиться, а количество труда, который прилагает рабочий, увеличиться. Количество труда в единице продукта не уменьшается. Продукция, как и в первом случае, возрастает, но в отличие от первого случая при возрастании влагаемого труда. Таким образом, доля труда, вложенная в возросшую продукцию, не уменьшается. Но рабочий получает меньшую долю из этой общей продукции. Доля капиталистического грабежа, таким образом, растет, но это возрастание остается скрытым по форме [1]). Буржуазные экономисты должны призвать на помощь все земные и небесные силы, чтобы охранять эту тайну. На кой они чорт нужны будут буржуазии, если они не сумеют доказать, что при капиталистической рационализации уменьшение доли рабочего в общей продукции происходит вследствие роста производительности, а не вследствие роста интенсивности труда!

Говорил ли тов. Варга определенно (а в этой определенности все дело), какой из двух вышеописанных процессов он счи-

---

[1]) Мы не говорим уже о том, что при интенсификации труда даже повышающаяся пропорционально этому росту заработная плата не компенсирует более быстро нарастающее снашивание рабочей силы (более высокая оплата при сверхурочной работе является наиболее заметной, но не единственной формой этой недостаточной компенсации).

тает причиной происходящего при рационализации «уменьшения доли рабочего класса в стоимости производимого им продукта». Прочтем еще раз это место:

> ...«Рационализация, т.-е., уменьшение количества содержащегося в единице товара рабочего времени и тем самым уменьшение доли рабочего в стоимости производимого им продукта».

Уменьшение количества рабочего времени это в одинаковой степени может быть отнесено, как к росту производительности, так и к росту интенсивности. Рост производительности при введении машин, отчего происходит? От уменьшения количества рабочего времени в единице продукта. Но слова тем самым, т.-е., выведение уменьшения доли рабочего в стоимости продукта из того (из того одного!), что «уменьшается количество рабочего времени в единице продукта», при неупоминании об остальном, при нерасшифровывании основного секрета рационализации, уж очень напоминает чужие формулировки. Да, тов. Варга пишет о росте интенсификации, но когда дело доходит до дела, он забывает о ней. Таким определением рационализации он не разоружает ее апологетов—он протягивает, правда, «один» только палец, этим апологетам.

В самом деле, какие радикальные рулады готовы производить реформисты на тему о «несправедливости» в распределении возросшего продукта при том, однако, условии, чтобы компенсировать этот радикализм затушевыванием интенсификации. Они готовы даже «перераспределить» выгоды на совершенно новых «равных» началах. Послушайте, что, например, говорит такой верный пес капиталистической рационализации, как Вильямс Грин.

> «Если, — говорит он,—увеличилась производительность труда, то этим самым улучшилось положение всего общества и также должно улучшиться положение рабочего класса. А последнее возможно только, если реальная заработная плата будет расти параллельно производительности труда. Если она растет меньше, то это показывает, что социальное положение рабочего ухудшилось, если даже заработная плата остается та же или даже отчасти увеличивается». Отсюда Грин делает выводы о необходимости борьбы за повышение не только номинальной и реальной зарплаты, но и за «социальную зарплату», которая соответствовала бы развитию производительности труда [1].

Та же ложь лежит в основе «хозяйственной демократии» германских социал-домократов. Для них рационализация это бурный рост техники, под'ем производительности труда и рост продукции в результате этого под'ема. Остается отстаивать немногое»: обеспечить рабочему его долю в этом под'еме то, что по мнению Грина, достигается «социальной», по мнению Гильфердинга—«политической» зарплатой. «Хозяйственная демократия»—вот путь к этому обеспечению; уже достигнутая политическая демократия» создает все необходимые предпосылки для движения по этому пути. Или другими словами—рационализация открывает неограниченные возможности для увеличения заработной платы в рамках капиталистического общества.

Одна неправильная формулировка, разумеется, не делает осени, как одна ласточка не делает весны. Но в том-то и дело, что у т. Варги она не одна. Она является производной и в свою очередь основанием того, определения жизненного уровня рабочих, которое отстаивает т. Варга.

---

[1]) М. Кривицкий. Теория заработной платы германской социал-демократии», стр. 28.

VI.

В речи на пленуме тов. Варга, отстаивая свою позицию, упомянул о книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Жаль, что он подробнее не остановился на этом вопросе. Ибо книга Энгельса и последующие предисловия к ней являются образцом того, как пролетарский революционер должен ставить вопрос о жизненном уровне рабочего класса при всех условиях, при всяких колебаниях заработной платы.

Мы не можем, разумеется, говорить здесь о всех сторонах этой книги, которая не только сохранила свое значение, но приобретает особую важность в настоящих условиях. Остановимся только на одной стороне, на дифференциации при постановке вопроса о жизненном уровне для различных категорий рабочих.

В предисловии ко второму немецкому изданию (1883 г.) [1]) Энгельс говорит о положении рабочего класса в период с 1850 по 1870 гг. Это, как известно, был период расцвета английского империализма («Все прежние могучие создания пара и механики были ничто в сравнении с огромным под'емом производства за 20 лет, от 1850 до 1870 года, с громадными цифрами ввоза и вывоза, с богатством, накоплявшихся в руках капиталистов и рабочей силой, концентрировавшейся в гигантских городах»). Расцвет и монопольное положение английского капитализма в этот период не мог не влечь за собой и изменения положения рабочего класса. Энгельс с прямотой революционера-ученого констатирует эту перемену. Но как? Именно с прямотой революционера-ученого. Он дифференцирует постановку вопроса по периодам («каково было положение рабочего класса в течение этого периода? Порой наступало улучшение даже для большинства. Но всякое улучшение всегда сводилось на нет...»). Он дифференцирует характеристику положения рабочего класса по отдельным слоям. «Прочное улучшение мы находим только в положении двух привилегированных слоев рабочего класса... Но что касается главной массы рабочих, то для нее уровень нищеты и необеспеченности существования (это и есть жизненный уровень рабочего при капитализме! *П. Ш.* в настоящее время тот же, если не ниже, чем раньше...» . Не отказываясь, разумеется, от использования материалов, исходящих от буржуазии и ее организаций, он относится к этим документам еще с большей недоверчивостью, ибо «буржуазия сделала дальнейшие шаги в искусстве скрывать несчастное положение рабочего класса». Он специально подчеркивает, что и для этого периода сохраняет полную силу стремление буржуазии понизить цену рабочей силы ниже ее стоимости. («Закон, ограничивающий стоимость рабочей силы ценой необходимых для нее жизненных средств, и другой закон, понижающий, как правило, среднюю стоимость этой силы до минимума этих жизненных средств, действуют с непреодолимой силой автоматической машины, растирающей рабочих между своими колесами»).

Выше мы познакомились 1) с общей постановкой всей проблемы о жизненном уровне рабочего класса у тов. Варги и 2) с конкретными данными, которые приводились в его работах по этому вопросу в течение последних лет. Остается посмотреть тот фактический материал, который он представил на самом Пленуме. С каким багажом конкретных данных явился тов. Варга, чтобы обосновать свои положения, неприемлемость которых, прежде всего для практических работников, была уже в достаточной степени ясна? Может будет не лишне привести из речи тов. Варга полностью (по стенограмме) весь этот материал.

---

[1]) Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Гиз. 1928. Стр. 39.

«Как можно это доказать, т.-е. что никакого понижения жизненного уровня рабочих нет. Я не могу привести здесь все цифры всех стран. Беру две страны: Англию — страну хронического кризиса и Германию — особенно обремененную репарациями. Мы имеем для Англии следующие данные: в течение 1928 г. денежная заработная плата английских рабочих в неделю понизилась на 142 тыс. фунтов. Это меньше процента всей суммы заработной платы. Но одновременно упал прожиточный минимум. С июля 1928 г. до июля 1929 г. он упал на 4 пункта, т.-е. на 2,5%. Итак, на 1 процент понижения заработной платы, при 2,5% сокращении прожиточного минимума.

По официальным германским статистическим данным еженедельная заработная плата, выплачиваемя по тарифным договорам, поднялась на 5,7 и 8% для различных групп. Одновременно с этим прожиточный индекс поднялся с 1 мая 1928 г. по 1 мая 1929 г. на 2%. Это означает повышение номинального заработка на 5 — 8%, а противостоит ему поднятие индекса на 2%».

Если мы не ошибаемся, это *весь* материал, который привел тов. Варга для подтверждения своей точки зрения. Ни в подготовительной к Пленуму комиссии, ни в президиуме, ни на самом Пленуме других фактических данных, насколько нам известно, не приводилось. Но вот вопрос: приведенные им суммарные цифры о заработной плате и прожиточном индексе для двух стран устанавливают,—если они вообще что-нибудь устанавливают,—даже не понижение, а *повышение* реальной заработной платы, что по т. Варге, равносильно повышению жизненного уровня. Что же мешает ему прямо говорить *о повышении* жизненного уровня английских и германских рабочих: *с своей* точки зрения он не только имеет право, но обязан это сделать.

Англия и Германия взяты т. Варгой как будто не случайно, а потому, что они должны были бы свидетельствовать *против* него: «В Англии хронический кризис, Германия обременена репарациями» [1]). Читатель *сам* должен сделать соответствующий вывод: если в особо неблагополучных странах Англии и Германии поднимается жизненный уровень, то каково же должно быть положение в других местах?

Как же обстоит дело в действительности? Ограничимся данными, приведенными в речах отдельных делегатов и притом той частью этих данных, против которой тов. Варга в последующих выступлениях не привел никаких возражений.

О жизненном уровне рабочих в *Англии*.

«Если взять промышленность в целом, то можно сказать, что заработная плата в среднем в Англии лишь на несколько фунтов *ниже* довоенного уровня... Но как получается этот средний уровень? *Таким* образом, что складывают заработную плату, превышающую довоенный уровень с заработной платой рабочих, которые получают меньше, чем до войны. Если мы посмотрим, какая же категория рабочих потеряла в заработной плате, то окажется, что это *как раз те, которые заняты в основных отраслях промышленности и которые до войны составляли основной кадр рабочей аристократии*. Как раз в тех отраслях промышленности, где влияние рационализации скажется *особенно тяжко, заработная плата сейчас наиболее низка*» (*Кембелл*) [1]).

Тов. Варга придает большое значение тому, что он оказался прав в дискуссии с английскими товарищами по вопросу о *возможности* проведения широкой *рационализаци* английской промышленности. Было бы неправильно преуменьшать значение этого прогноза. Английские товарищи не учли слов Ленина, что «*абсолютно* безвыходных положений не бывает». Слова, сказанные на втором конгрессе для характеристики положения буржуазии, тем более были верны после поражения всеобщей забастовки в Англии. Вопрос о возможности или невозможности рационализации в Англии может быть решен лишь в процессе и на основе классовой борьбы. *Пока* он начинает решаться в пользу буржуазии.

С точки зрения влияния рационализации на жизненный уровень рабочего класса характерно, однако, следующее. В 1928 г. одним из трех факторов, *благоприятствующих* рационализации в Англии, т. Варга считал сильное понижение прожиточного минимума. В 1929 г. он пишет в огульной форме, что в Англии происходит «в планомерном порядке *освобождение* промышленных предприятий от *старой задолженности*... и сокращение доли ссудного капитала в прибылях» («Коммунистический Интернационал», № 18, стр. 35). Оба эти утверждения, различные по содержанию, сходны в том отношении, что оба идут в направлении *недооценки остроты* классовой борьбы в процессе рационализации и большого «*оптимизма*» относительно возможности сохранения нынешнего уровня заработной платы при ее проведении. Нам кажется поэтому, что т. Кембелл был прав, подчеркнув в своих возражениях, т. Варге следующее: «Одна из особенностей рационализации в железоделательной и сталелитейной промышленности заключается в том, что многие реорганизованные предприятия берут на себя прежние финансовые обязательства.. Английская промышленность, таким образом, обременена с самого начала тяжелым грузом ссудного капитала и, стало быть, для осуществления действительной рационализации ей придется *оказать сильнейший нажим на рабочих в тех отраслях промышленности, где происходит рационализация* (подчеркнуто оратором).

«Отвлечение» от интенсификации и безработицы при определении жизненного уровня в теории резко расходится с постановкой этого вопроса у Маркса. Оно обнаруживает такое же расхождение (разумеется с точки зрения рабочего класса), и с действительностью.

«Интенсификация труда достигла таких размеров, что то количество средств существования, которое до войны давало рабочему возможность воспроизводит свою рабочую силу, в настоящее время *уже* недостаточно» (*Кембелл*).

«Как быть рабочему, остающемуся в результате рационализации, без работы? В Англии невозможно найти работу на большой фабрике неквалифицированному рабочему, если он старше 35 лет, а квалифицированному, если он старше 40. Таким образом, *целая армия безработных* мужчин, старше 40 лет, лишена какой бы то ни было *надежды* найти работу ни в какой другой отрасли промышленности... Как отражается рационализация на *здоровье* рабочих? В горной промышленности мы видим, что в результате удлинения рабочего дня сильно учащаются *несчастные* случаи, особенно в последние часы работы» (*Поллит*).

Еще более ненадежным оказался материал, на котором тов. Варга строил свои выводы относительно положения в *Германии*. Упреки, сделанные ему тов. Ремеле, относились не только к недостаточно критическому пользованию буржуазной статистикой, но и *недостаточному знакомству* с официальными, притом наиболее серьезными материалами.

«Каким образом т. Варга пришел к утверждению, что жизненный уровень рабочего в Германии растет. Он привел данные статистики тарифных договоров. Предположим, что эта статистика верна, что она составлена в полном соответствии с тарифными договорами, заключенными промышленными организациями и профсоюзами. Но в Германии существует *не только* статистика зарплаты, составляемая на основании тарифных договоров, *а другая официальная статистика* — статистика всегерманского бюро по страхованию, которая составляется на основе особых марок, наклеиваемых *в зависимости от ставок зарплаты*. Я рекомендовал бы т. Варге заглянуть в эту статистику. Тогда он увидел бы, что *после временной стабилизации зарплаты в настоящее время приходится констатировать ее неуклонное снижение*. Эта официальная статистика дает полное представление *о всей* заработной плате, в то время когда статистика, основанная на тарифных договорах, охватывает *лишь небольшую* часть рабочих» (*Кембелл*).

[1]) Правда, т. Варга совсем недавно раз'яснял, что репарации *не могут* оказывать «непосредственного» влияния на положение рабочих и что в Англии официальные утверждения о понижении прожиточного минимума за два года на 15% (не на 2, а на 15) лишь «*несколько преувеличены*». Читатель может усомнится в таком случае действительно ли Англия и Германия взяты с целью *ослабления* аргументов т. Варги, но это было бы излишней подозрительностью: оратор, вероятно, взял те цифры, которые оказались у него под рукой.

Итак, исходя из основной немарксистской точки зрения в определении, «уровень заработной платы», тов. Варга строит дальнейшие свои выводы на неполном статистическом материале, принимаемом без необходимой суровой критики.

VII.

Тов. Варга в качестве последнего аргумента приводит соображения «агитации и пропаганды». Во второй речи он из'явил готовность во имя агитации примириться с тем, что тезисы говорят о понижении жизненного уровня. Во имя той же агитации он в первой речи отказывался принимать это положение тезисов, рисуя те трудности, которые возникнут в нашей работе на предприятиях, если мы выставим утверждение о понижающемся жизненном уровне рабочего.

«Коммунист-рабочий скажет: жизненный уровень понизился. Рабочий с.-д. ответит ему: это неверно, справься с статистикой (в зале смех). Тогда коммунист должен об'яснить социал-демократу: мы понимаем под жизненным уровнем нечто иное, чем ты понимаешь».

Конечно представление о том, что один рабочий в споре с другим о своем жизненном уровне будет аргументировать официальной статистикой уже очень отдает в свою очередь... «статистикой». Вероятно поэтому замечание т. Варги и вызвало смех. Но известная доля правды есть в том, что он связывает постановку вопроса о жизненном уровне с подходом к широким рабочим массам. Но эта связь совершенно иного свойства, чем он представляет себе и в первой и во второй речи. Связь прежде всего в том, что вся теория т. Варги (как он до некоторой степени и сам признал) могла возникнуть в коммунистической среде в результате отсутствия у некоторых товарищей достаточно широкой связи с массовой работой. С другой стороны, как подчеркивали многие из выступавших недостаточно ясное, отчетливое, на конкретном материале основанное разоблачение буржуазной лжи о влиянии рационализации затрудняет, тормозит, а иногда даже подрывает (Соединенные Штаты) связь с массами, работу по их завоеванию.

Оппортунизм многолик. В нынешней обстановке один из наиболее часто свойственных ему международных «ликов» — это недостаточное понимание неизбежности обострения классовой борьбы во всех формах, которое неизменно развивается в процессе капиталистической рационализации. Оппортунизм навязчив и не лишен своеобразной изобретательности: «Гонят! Что-ж такое? Коль выгонят в окно, так я влечу в другое». Оппортунизм пронырлив, прокладывая себе лазейку там, где он нащупытает наиболее слабый или заброшенный пункт.

Нужно признать, что в исследовательской работе Коминтерна и его печати за последнеее время уделялось важнейшему вопросу—о жизненном уровне рабочего класса,—непропорционально малое внимание. Вот область работы, где в первую очередь должна быть поднята и производительность и интенсивность труда! Не потребность «облегчения агитации» в вульгарном понимании, как демагогического подыгрывания под цеховые настроения рабочих, определяет необходимость постановки вопроса о жизненном уровне рабочих во всем об'еме. Завоевание большинства рабочего класса, сознательное руководство его классовой борьбой, организация (говоря словами Маркса) «планомерного взаимодействия» в этих боях работающих и безработных, подготовка масс для решительной борьбы за власть,—вся совокупность задач, стоящих хотя и в неравной степени созревания, перед коммунистами всех стран, требует марксистско-ленинской ясности в постановке и изучения вопроса о капиталистической рационализации и жизненном уровне рабочего класса.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Г. Дукор и А. Ноткин.

Как нельзя бороться „против механистических тенденций в политической экономии".

Механистический материализм нашел себе убежище не только в естественных науках и философии. В своей «экспансии» он попытался овладеть также политической экономией, областью научного знания, наиболее разработанной марксистами. Правда, вылазки механистов против диалектического материализма в политической экономии неизменно терпели поражение, а теоретическая система покойного А. А. Богданова, включая ее экономическую часть, ныне отвергается всеми марксистами, как чуждая и враждебная марксизму. Тем не менее опасность механистической вульгаризации экономической теории Маркса сильна. Симптомы этой опасности наблюдаются в виде механистического уклона группы марксистов, выступающих в дискуссии (тт. Бессонов, Кон и др.), и механистической «критики (марксовой. *Г. Д. и А. Н.* теоретической экономии», исходящей от А. Финн-Енотаевского [1]).

С точки зрения борьбы против механистических ошибок следовало бы приветствовать появление сборника «Против механистических тенденций в политической экономии» [2]), если бы не собственная позиция его авторов. Последние попытались разрешить двоякую задачу: во-первых, ударить по механистическим ошибкам т. т. Бессонова и Кона, во-вторых, прикрыть идеалистические ошибки И. И. Рубина.

Правда, тов. Леонтьев заявляет: «Мы не думаем, чтобы в настоящем своем виде работы Рубина были абсолютно безупречны» (17) Однако ни тов. Леонтьев ни другие участники сборника не обнаруживают никакого желания нарушить упорное молчание по вопросу о том, в чем же заключаются действительные ошибки Рубина. Они предпочитают отделываться лишь общими заявлениями в роде следующего:

«Вместо того, чтобы критиковать то неточное и неправильное, что действительно иногда встречается в работах Рубина, вместо того, чтобы помочь ему преодолеть эти неправильности, они (критики) пытаются искажать Маркса в трактовке основных экономических вопросов»... (стр. 113—114).

---

[1]) Возрождение механистических тенденций в политической экономии, разработка проблем, которой тесно связана с теоретическим изучением советского хозяйства, естественно, должно было вызвать резкое противодействие. Вот почему авторы настоящей статьи (вместе с т. Абезгаузом) выступили с детальной критикой взглядов А. Кона немедленно же после появления первого издания его «Курса» в конце 1927 и начале 1928 г. См. Г. Абезгауз, Г. Дукор, А. Ноткин «Некоторые вопросы политической экономии в освещении А. Ф. Кона», «Свет марксовой теории в кривом зеркале»—«Вестник Ком. академии» кн.кн. 25/I и 27/III за 1928 г.).

[2]) «Против механистических тенденций в политической экономии» сборник статей под редакцией Б. Борилина и А. Леонтьева. 1929 г.

Конечно, искажение марксизма под прикрытием критики ошибок Рубина должно встретить решительный отпор. Однако, едва ли большую услугу марксизму оказывают те из защитников Рубина, которые, прикрывая ошибки последнего, мешают их преодолению. Беда также и в том, что участники сборника не видят действительных ошибок Рубина. Все содержание сборника доказывает, что заявление об ошибках Рубина является лишь прикрытием, за которым легче отстаивать взгляды Рубина по всем вопросам дискуссии. Лучшее доказательство тому — статья т. т. Греблиса, Коровая и Степанова. В этой статье в самой грубой и неприкрытой форме повторены ошибки Рубина, ошибки, которые в ходе своей «эволюции» декларативно признавал и сам Рубин. Однако, «эволюция» Рубина в основном свелась, по свидетельству тов. Леонтьева, к устранению неудачных формулировок. Но разве внимательное изучение всех трех изданий «Очерков» не убеждает нас в том, что дело не только и не столько в отдельных удачных или неудачных формулировках? Разве ошибки Рубина, обнаруживающиеся то в одной то в другой из его работ, не были всегда ошибками в определенном направлении, не были ошибочной линией? И разве эта линия, основанная на отрыве производственных отношений от процесса производства и на «натурализации» последнего, не продолжает жить и поныне в третьем издании «Очерков»?

Тов. Леонтьев ставит в большую заслугу Рубину его борьбу против богдановщины. Действительно, «Очерки» содействовали преодолению богдановщины. Однако, можно ли сказать, что сам Рубин стоит целиком на почве диалектического материализма? Тов. Леонтьев робко замечает по этому поводу:

«... Мы видим здесь искреннее желание применить к области теоретической экономии марксову диалектику, которая изгонялась из нашей науки Богдановым, считавшим диалектику ненужным пережитком средневековой схоластики» (стр. 10).

Тов. Леонтьев, очевидно, не верит в диалектику Рубина, если он подменяет об'ективный факт применения диалектико-материалистического метода «искренним желанием» его применения.

Рубин обязан своим успехом тому, что выступая с блеском против Богданова и богдановщины, он углубил постановку экономических проблем, удовлетворяя тем самым назревшей потребности. Однако, всякому марксисту ясно, что при оценке того или иного направления важен вопрос не только о том, против кого он выступает, но и как он выступает. Другими словами, дело в том, как решает Рубин поставленные им проблемы. Только в том случае, если борьба против механистических ошибок будет одновременно сопровождаться критикой ошибок Рубина, наличие которых ныне почти никто не решается отрицать, может быть обеспечена победа диалектического материализма в политической экономии.

I. О технологии, политической экономии и „классификации“ общественных наук.

Что является предметом политической экономии, какое место занимает политическая экономия в системе наук об обществе—этот вопрос еще не так давно был центральным пунктом политико-экономической дискуссии с А. А. Богдановым и И. И. Степановым-Скворцовым. Дискуссия о предмете политической экономии шла тогда в плоскости решения вопроса об исторической ограниченности об'екта политической экономии. Подавляющее большинство марксистов стало тогда на ту точку зрения, что политическая экономия изучает законы движения исторически-преходящей социально-экономической формации, а именно капиталистической.

В нынешней дискуссии это понимание об'екта политической экономии, как исторически ограниченного рамками капитализма, не подвергается сомнению. Дискуссия переходит на следующую ступень. Речь идет о том, каким образом понимать этот исторически ограниченный об'ект и соотношение его решающих моментов. И в этом вопросе приходится бороться с механистическими взглядами, представляемыми на этот раз группой товарищей во главе с Бессоновым и Коном.

Тов Бессонов вступил в дискуссию с тезисом:

«Обе... стороны материального процесса производства (производительные силы и производственные отношения. *Г. Д. и А. Н.* равноправно входят в предмет политической экономии, потому что они равноправно входят в ее об'ект—материальное производство».

Здесь чрезвычайно ясно выступает основной грех всей концепции тов. Бессонова — механическое об'единение в пределах одной науки производительных сил и производственных отношений как двух различных, обособленных об'ектов, двух разных форм движения. «Равноправие» производительных сил и производственных отношений означает ведь по существу, что в политической экономии исследуются рядом, равноправно закономерности двоякого рода. Сказать — «равноправное» изучение производительных сил и производственных отношений, значит отрицать единство об'екта политической экономии, которое декларирует и тов. Бессонов. Поэтому неудивительно, что под всеобщим напором тов. Бессонов уже в ходе самой дискуссии был вынужден отказаться от своего первоначального тезиса. Но все существо его концепции ведет именно к этой формулировке. По логике мысли тов. Бессонова политическая экономия исследует на ряду с экономической закономерностью развития капитализма и техническую закономерность этого развития. Наряду с миром людских отношений в политической экономии, по его мнению, исследуется и мир вещей. Как будто машина исследуется в политической экономии как вещь, а не как капитал. Ведь, как вещь машина заменяет труд рабочего, а как капитал вытесняет самого рабочего, как вещь машина есть орудие труда, ведь, как капитал орудие эксплоатации, часть—«самовозрастающей стоимости». Спрашивается, как исследует политическая экономия машины: как орудия труда, как вещи, т.-е. технически, или как орудия капиталистической эксплоатации, как средства создания прибавочной стоимости, т.-е. экономически? Беда т. Бессонова в том, что он принимает по существу взгляд Рубина, будто развитие производительных сил и развитие производственных отношений представляют параллельные ряды с разными социальными закономерностями. Он не замечает, что в таком случае закономерность развития производительных сил превращается в техническую закономерность, а производительные силы—в технику [1]). Что техника имеет свою логику развития и закономерность, закономерность отношения людей к природе это не отрицается никем. Маркс недвусмысленно указывает, что эта закономерность изучается технологией. Маркс пишет в «Капитале»: «Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а, следовательно, и общественных отношений и вытекающих из них духовных представлений».

[1]) В дискуссии занимал большое место вопрос о том, каким образом «сообщаются» между собою производительные силы и производственные отношения. Приемы этого спора были весьма наивны: сравнивали производительные силы и производственные отношения, с этажами коттеджей и спорили, каким образом эти этажи и коттеджи сообщаются друг с другом. Самая форма спора наглядно показывает, насколько ошибочно изолированное рассмотрение производительных сил и производственных отношений как обособленных сфер с самостоятельными социальными законами.

Итак, обособленно от производственных отношений производительные силы превращаются в общесоциальную категорию, в процесс труда, как таковой». Они превращаются в абстрактное и изолированное экономической закономерности отношение человека к природе, являющееся об'ектом технологического исследования. Поскольку же речь идет об экономической закономерности развития производительных сил, то при ее изучении, наоборот, процесс труда со всеми его элементами выступает, как производительная сила данного специфического общественного строя, т.-е. в определенном качестве [1]). В этом качестве он может изучаться только под углом зрения развития производственных отношений, специфически свойственных данному обществу. Поэтому изучение социальной закономерности развития производительных сил и есть изучение производственных отношений. Но тов. Бессонов этого не понял.

Он слепо нападает на Рубина за правильную по существу фразу: «Политическая экономия изучает трудовую деятелюьность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда, но со стороны ее социальной формы». Он хочет эклектически изучать в политической экономии и то и другое. Он говорит:

«Материальный субстрат производительных сил (т.-е. средства производства *Г. Д. и А. Н.* является основой общественного развития лишь постольку, поскольку он охвачен живым пламенем труда, т.-е. поскольку он он находится в действии Изучение самого субстрата, как такового не входит в политическую экономию. Взаимное же отношение отдельных элементов этого субстрата, т.-е. производительные силы в действии, процесс труда «как таковой»— составляет такую же неот'емлемую составную часть политической экономии, как и обусловленная им общественная форма производственного процесса» (Пробл. Экономики», № 4—5, стр. 210. Курсив наш. *Г. Д. и А. Н.).*

Не спасается тов. Бессонов своими отговорками о «процессе» и о «пламени» от технологии. «Взаимное отношение отдельных элементов», это или отношение вещей к вещам, или отношение людей к вещам в процессе труда «как таковом», то-есть технические отношения — это отношение людей к природе, или технология. Как будто нарочно, чтобы обнаружить свое отличие от Маркса, тов. Бессонов пишет: «Отношения человеческого коллектива к природе (это не энергетический ли баланс между обществом и природой? *Г. Д.* и *А. Н.)* входят в предмет политической экономии так же, как и отношения людей друг к другу в процессе капиталистического производства». Сравните, читатель, эту формулировку со взглядом Маркса, цитированным выше и вы увидите, что всуе тов. Бессонов заявляет: «Маркс не смешивал политическую экономию с технологией»,—всуе, ибо сам тов. Бессонов в этом отношении на Маркса не похож.

Он включает производительные силы в область политической экономии в том же качестве, в каком Рубин их исключает, т.-е. в качестве техники, процесса труда вообще, отношения людей к природе [2]). Смешивая политическую экономию с технологией, тов. Бессонов в борьбе с ошибочными взглядами И. И. Рубина наделал тем самым целый ряд грубых ошибок.

---

[1]) По вопросу о качестве в политической экономии см. интересные замечания тов. Келлера «Англо-американская школа», гл. 6.

[2]) Одинаковый принципиально подход Бессонова и Рубина к вопросу о связи производительных сил и производственных отношений наглядно показывает, как идеалистические ошибки ведут к механистической точке зрения. Рубин, как мы увидим ниже, сплошь и рядом скатывается на механистические позиции. Поэтому борьба против механистических ошибок в политической экономии означает борьбу не только против Кона и Бессонова, но и против Рубина и его сторонников, которые являются механистами наизнанку.

Точке зрения Бессонова было противопоставлено старое определение Ленина, который писал о предмете политической экономии: «Ее предмет вовсе не производство «материальных ценностей», как часто говорят (это— предмет технологии), а общественные отношения людей по производству».

Однако участники сборника «Против механистических тенденций в политической экономии», повторяя это ортодоксальное определение Ленина, совершенно упустили из виду, что не только точка зрения Бессонова, но и точка зрения Рубина, которую они защищают, не совпадает с тем смыслом, который вкладывал Ленин в приведенное выше положение.

Как известно, И. И. Рубин относит изучение специфических социальных закономерностей развития производительных сил в особую науку «об общественной технике» капитализма.

Он ссылается при этом на Маркса, цитируя по частям следующее место из «Капитала»:

«Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т.-е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в мире растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было написать ее, так как по выражению Вико, человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а, следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений» (К. т. I, гл. 13, стр. 317, межд. издание).

Мы привели полностью мысль Маркса, ибо цитирование по частям, к которому прибегает И. И. Рубин, не передает ее адэкватно. Маркс здесь ставит задачу создания истории технологии. Последняя должна показать, как конкретное развитие «производительных органов общественного человека» вело с необходимостью к смене общественных отношений и какие социальные потребности влияли на техническую логику развития средств производства, как, например, технически была разрешена историей общественная задача создания адэкватной капиталу организации производственного процесса. Неправильно полагать, как это делает Рубин, будто Маркс здесь требует создания новой теоретической науки об «общественной технике», которая должна раскрыть социальные законы развития производительных сил капитализма.

Специфически-общественные законы развития производительных сил следует, вопреки Рубину, искать в развитии производственных отношений. Политическая экономия, изучая последние, как форму движения производительных сил капитализма, тем самым раскрывает социальные законы их развития. Это непонятно лишь тому, кто не относит форму к самой сущности содержания, не рассматривает ее «как «закон» предмета, или, лучше сказать, его строения» (Плеханов, Собр. соч., т. XVII, стр. 35). Именно потому, что у Рубина производственные отношения фактически выступают не как форма, не как закон развития производительных сил, он вынужден требовать особой науки для открытия «специфических законов развития производительных сил в капиталистическом хозяйстве» (Рубин). Эта методологическая установка заставляет И. И. Рубина рассматривать производственные отношения в особой сфере, изолированно от производительной деятельности людей в общественном производстве.

По мнению Рубина, «в товарно-капиталистическом обществе отдельные лица связываются непосредственно друг с другом определенными производственными

отношениями не как члены общества, не как лица, занимающие определенное место в общественном процессе производства, а как владельцы определенных вещей, как «социальные представители» различных факторов производства». (Очерки, 3 изд., стр. 30. Курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.*).

Это противопоставление («не как»... «а как») людей, как владельцев вещей, людям, как участникам общественного процесса производства, основана на статическом подходе к производственным отношениям товарно-капиталистического общества. Если рассматривать общественный процесс производства в движении, то окажется, что люди вступают между собою в связь как владельцы вещей, именно, как участники общественного процесса производства. Вместе с тем исчезает та взаимно исключающая противоположность, о которой говорит Рубин.

Статическая точка зрения на производственные отношения имеет глубокие корни во всей концепции Рубина. Как известно, Рубин постоянно подчеркивал и подчеркивает, что производственные отношения «создаются», «устанавливаются» путем перехода вещей. Это верно и неверно. Верно, что производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства носят вещный характер, и их движение осуществляется через движение вещей. Если мы станем на статическую точку зрения, если мы будем рассматривать этот переход вещей не как момент общественного процесса воспроизводства, а владельцев вещей не как участников последнего, то действительно может показаться, что переход вещей, купля-продажа, обмен, будучи изолирован от процесса производства, «создает», «устанавливает» производственные отаошения между «владельцами вещей» [1]).

Но если подойти к движению вещей с точки зрения его связи с движением процесса воспроизводства, то мы увидим, что эта способность вещей «создавать» и «устанавливать» отношения между агентами обращения есть лишь форма реализации производственных отаошений и в то же время условие их дальнейшего функционирования в общественном процессе производства.

Если же видеть только эту способность вещей «создавать» и «устанавливать» производственные отношения, то в результате производственные отношения перемещаются в область обмена, при чем оказывается, что каждой «экономической форме вещей», каждой «определенности формы» соответствует особое, «создаваемое» и «устанавливаемое» в обмене производственное отношение. Вполне логичной с этой точки зрения является та скрупулезная классификация меновых сделок, различных видов меновых договоров, которой занимается Рубин в «Очерках». Оказывается, что каждой разновидности меновых сделок соответствует особый тип производственных отношений:

> «Каждая социальная функция или форма денег,—говорит Рубин,—выражает иной характер или тип производственных отношений между обменивающимися лицами». (Очерки, 43). «Различным производственным отношениям между продавцами и покупателями,—читаем мы в другом месте,—соответствуют различные функции денег». (Очерки, 46).

Таким образом, Рубин рассматривает, в противоположность Марксу, различные «определенности формы», которые мы наблюдаем в процессе

[1]) Во 2-м изд. «Очерков» И. И. Рубин всюду просто говорил, что вещи создают производственные отношения. В 3-м изд. (см. стр. 15, 16, 20 и т. д.), он в одних случаях заменил термин «создают» термином «реализуют» (будто это одно и то же!). Там же, где он остался при старом термине «создают», «устанавливают», то он большей частью говорит теперь о производственных отношениях между определенными лицами. (См. «Очерки» 3 изд. (стр. 25, 26, 27, 28 и т. д.). Всякому ясно, что здесь дело не только в формулировках. Но в 3-м изд., с одной стороны, на ряду с новыми «формулировками», остались старые, а с другой, весь подход к проблемам полит. экономии свидетельствует, что И. И. Рубин остался по существу на старых позициях.

обращения, не как моменты движения функционирующего в процессе производства производственного отношения, а как застывшие выражения различных отношений обмена.

Поэтому непосредственный процесс производства выступает сплошь и рядом у И. И. Рубина как «материально-технический процесс», непосредственно лишенный производственных отношений, как «известная комбинация технических факторов производства».

Чувствуя несовместимость своей точки зрения с взглядами Маркса, Рубин в последнее время стал утверждать, что он противопоставляет не материальное социальному, а материально-техническую сторону социальным отношениям людей; что он считает материально-технический процесс производства социальным явлением, поскольку этот процесс исторически развивается (См. «Проблемы экономики», № 3).

И. И. Рубин доказывает таким образом лишь одно: что он употребляет термин социальный в разных смыслах. И земля имеет свою историю. Но от этого геология и палеонтология так же мало становится социальными науками, как землетрясение социальным явлением.

Суть концепции Рубина именно в том, что процесс материального производства лишен внутренней специфически-социальной закономерности, что социальная закономерность не относится к процессу материального производства.

Рубин рассматривает отношения рабочих между собой на капиталистической фабрике вне специфических отношений капиталистического производства, как организованные производственные отношения. Он забывает, что «как независимые личности рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталисту, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, не в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. Вступив в эту область они сделались частью капитала» («Капитал», т. I, изд. 1909 г., стр. 248). Рассматривая процесс производства только как материально-технический процесс, Рубин поневоле подменяет производственное отношение капиталиста к рабочим техническими отношениями сотрудничества. Тем самым, несмотря на термин «производственные отношения» процесс производства рассматривается Рубиным вне производственных отношений капитализма. Он упускает из виду, что Маркс постоянно говорит о совокупной рабочей силе, о кооперации как о «производительной силе», используемой капиталом». Следовательно, привлечение этой совокупной рабочей силы и тех отношений, из которых она складывается, отнюдь не наделяет непосредственного процесса производства чертами специфической «общественности».

Между тем, по Марксу, непосредственный процесс производства есть не только «комбинация технических факторов производства», не только «технические отношения», выступающие как производительная сила кооперации, но он представляет собой также производственное отношение между капиталистом и наемными рабочими. Поэтому Маркс писал:

> «Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но и процесс увеличения стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условия труда, а условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее». (Капитал, I, стр. 386, курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.*).

Рубин, будучи вынужден связать каким-то образом производственные отношения (которые он часто отождествляет с «экономическими формами

вещей»), с производительными силами, которые для него идентичны с техникой, заявляет:

«Маркс не только постарался развить грандиозную систему, связанных друг с другом экономических форм, но и постарался всю эту систему прикрепить (слушайте! Г. Д. и А. Н) к лежащей в их основе материально-технической базе, к процессу производства» («Абстрактный труд и стоимость», стр. 87).

Это заявление Рубина прямо указывает, что процесс производства, по его мнению, тождественен с материально-технической базой и что, следовательно, производственные отношения (здесь выступающие под псевдонимом «экономических форм») пребывают вне непосредственного процесса производства.

В итоге «перенесения» в сферу обмена производственных отношений, понимаемых как отношения между «владельцами вещей», а «н е к а к» отношения между участниками общественного процесса производства, роль обмена выступает в неверном, извращенном виде. Оказывается, что не способ производства определяет способ обмена, а, наоборот, обмен н а к л а д ы в а е т «определенную печать и на фазу непосредственного производства». (Очерки, 3 изд., стр. 18). Обмен, следовательно, рассматривается не как необходимый момент движения производственного отношения, хотя и придающий ему «implicite его специфический характер». Он просто накладывается на производство и, накладываясь, привносит и з в н е в него черты социального, кладет на него «печать» и т. п.

Капиталистический способ производства, как и всякий иной, заключает в себе, как свой момент, также особый, своеобразный **о п о с р е д с т в у ю щ и й м е х а н и з м** своего движения. Капиталистический способ производства имеет, в силу своеобразного распределения элементов производства, в качестве такого опосредствующего механизма обмен товаров, продажу классом рабочих классу капиталистов своей рабочей силы. Функционирование рабочей силы и соединение ее со средствами производства, находящимися в собственности капиталистов, в непосредственном процессе производства в качестве производительной силы к а п и т а л а имеет своим условием, своим моментом покупку-продажу рабочей силы на рынке, обмен товаров.

«В о т н о ш е н и и м е ж д у к а п и т а л и с т о м и н а е м н ы м р а б о ч и м д е н е ж н о е о т н о ш е н и е п о к у п а т е л я и п р о д а в ц а с т а н о в и т с я о т н о ш е н и е м, и м м а н е н т н о п р и с у щ и м с а м о м у п р о и з в о д с т в у. Н о э т о о т н о ш е н и е в о с н о в е с в о е й з и ж д е т с я н а **о б щ е с т в е н н о м** х а р а к т е р е п р о и з в о д с т в а, а н е с п о с о б а **о б м е н а**; п о с л е д н и й, н а о б о р о т, в ы т е к а е т и з п е р в о г о. В п р о ч е м, у з о с т и б у р ж у а з н о г о к р у г о з о р а, г д е в с е в н и м а н и е п о г л о щ а е т с я п р а к т и ч е с к и м и о п е р а ц и я м и, к а к р а з с о о т в е т с т в у е т в о з з р е н и е, ч т о н е х а р а к т е р с п о с о б а п р о и з в о д с т в а с л у ж и т о с н о в о й с о о т в е т с т в у ю щ е г о с п о с о б а о б м е н а, а н а о б о р о т». (К., В. II, S. 83, нем. изд. 1926 г., стр. 90, рус. пер. Курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.*). «Х о т я п р и с в о е н и е п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и, — с т о и м о с т и, п р е д с т а в л я ю щ е й и з л и ш е к н а д э к в и в а л е н т о м, а в а н с и р о в а н н о й к а п и т а л и с т о м с т о и м о с т и — п о д г о т о в л я е т с я к у п л е й - п р о д а ж е й р а б о ч е й с и л ы, о д н а к о, **о н о** п р е д с т а в л я е т а к т, к о т о р ы й с о в е р ш а е т с я в с а м о м **п р о ц е с с е** п р о и з в о д с т в а и о б р а з у е т с у щ е с т в е н н ы й м о м е н т **п о с л е д н е г о**. (S. 328, р. п. 360; курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.*).

Итак, когда Рубин говорит, что обмен накладывает «определенную печать и на фазу непосредственного производства», то он расходится с Марксом, который заявляет, что именно «узости буржуазного кругозора... как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего способа обмена, а наоборот».

Но, быть может, Рубин и его ученики в праве опираться на Ленина? Быть может, его точка зрения совпадает с подлинной точкой зрения Ленина? И здесь мы должны разочаровать сторонников Рубина.

Всем известно, что Ленин сумел разглядеть в советском хозяйстве, несмотря на «обмен», «предприятия последовательно-социалистического типа», сумел из новых производственных отношений, из нового способа производства вывести изменения и необходимость дальнейших изменений в «способе обмена». Обмен в советском хозяйстве иной, ибо здесь иной **с п о с о б п р о и з в о д с т в а**.

Это прямо вытекает из учения Маркса о соотношении между производством и обменом. Нельзя, подобно Рубину, отождествлять обмен в простом товарном хозяйстве и хозяйстве капиталистическом («Очерки», 27). Это принципиальное различие обмена в различные экономические эпохи вытекает из различия способов производства, моментом которых является обмен. Разный характер распределения средств производства между участниками общественного производства и соединения этих средств производства с производителями в производственном процессе обуславливает так же разный характер как всего движения производственных отношений, так и опосредствующего механизма этого движения.

Когда Рубин, таким образом, многократно повторяет определение Ленина, то в его устах это определение перестает быть ленинским, ибо в него вкладывается, как мы показали, совсем не ленинский смысл [1]).

Разыгравшаяся в последнее время дискуссия с полной очевидностью показала, что нет никаких оснований отождествлять с учением Маркса и Ленина не только точку зрения Кона и Бессонова, но и точку зрения Рубина и его учеников. В этом направлении выступал т. Абезгауз в И К П.

Теперь мы спрашиваем участников сборника: почему они выступают с о д н о с т о р о н н е й критикой? Почему они справедливо (но недостаточно) ибо они сами делают механистические ошибки), критикуя Кона и Бессонова, считают ошибки Рубина «неточностями», «детской игрой» и т. д.? Мы думаем, что не из злого умысла. Про англичан когда-то говорили, что с тех пор, как они узнали про гениальность своего Шекспира, они перестали читать не только других писателей, но и самого Шекспира. Сторонники Рубина с некоторых пор начали подражать англичанам: они перестали «читать» не только Маркса и Ленина, но и самого Рубина.

Участники сборника оказывают поддержку И. И. Рубину и в вопросе о к л а с с и ф и к а ц и и общественных наук. И. И. Рубин выдвинул на дискуссии в ИКП, в подкрепление своей точки зрения на предмет политической экономии, следующее положение:

«При непрерывной связи и взаимодействии различных сторон жизни общества, — говорил он там весной этого года, — каждая наука, изучающая одну сторону жизни общества, должна постоянно включать в свое исследование для об'яснения своего об'екта явления соседней области, те явления, которые служат непосредственным предметом исследования других, соседних наук. Например,

[1]) В своих статьях против т. Кона мы (вместе с т. Абезгаузом) требовали от т. Кона уточнения понимания предмета политической экономии вовсе не из желания «уточнить» Маркса и Ленина, в чем нас обвиняет Г. Деборин. Для нас было ясно, что за **о д и н а к о в ы м и** внешне формулами скрывается **р а з н о е** понимание. Поэтому, **о п и р а я с ь** на Маркса, Ленина и Розу Люксембург, мы требовали от Кона (и косвенно от Рубина) уточнения формулировок путем раз'яснения в духе марксизма-ленинизма общепризнанного положения. Только таким образом было бы возможным противостоять тем влияниям со стороны, которые, благодаря «новой» трактовке основных категорий исторического материализма и теории стоимости Рубиным, с одной стороны, и Коном, с другой, стали проникать в марксистскую политическую экономию. И лишь известная доза наивности могла толкнуть некоторых товарищей на отождествление раз'яснения Рубина и Кона с «уточнением» Маркса и Ленина.

наука, изучающая право, не может понять развитие права, не апеллируя к развитию хозяйства и в частности к развитию материальных производительных сил. В противном случае такая наука о праве не была бы марксистской наукой. Но тем не менее наука о праве не делает предметом своего исследования хозяйство. Политическая экономия для об'яснения производственных отношений людей и их изменений должна апеллировать к развитию материальных производительных сил... Мы привлекаем их в наше исследование лишь постольку, поскольку это нам необходимо для об'яснения закономерностей изменения производственных отношений людей» («Под Знаменем Марксизма», № 4, за 1929 г., стр. 82—83).

Мы привели столь длинную цитату для того, чтобы «новейшее» откровение в области марксистской классификации наук выступило перед читателем во всей своей наглядности. Оказывается, что политическая экономия имеет в принципе такое же касательство к производительным силам, что и наука о праве. А именно — производительные силы суть инстанция, к которой, как к высшему судье, обращаются с «апелляцией» обе эти науки в качестве, так сказать, «равноправных клиентов». Разве не игнорируется в этой марксистской классификации общественных наук принципиальное различие между политической экономией—наукой, изучающей капиталистические производственные отношения, как форму движения производительных сил капитализма, и наукой о праве, изучающей специфический (правовой) способ выражения производственных отношений?

Что может быть более плоским, чем аналогия связи между производственными отношениями и производительными силами в политической экономии, с одной стороны, и правовыми отношениями и производительными силами науки о праве, с другой? Ведь должно быть известно И. И. Рубину, что в то время как в качестве содержания производственных отношений выступают производительные силы, содержанием правовых отношений являются производственные отношения.

Деление наук, с точки зрения диалектического материализма, основывается не на соображениях технического удобства, а на качественном различии форм движения. «Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией и иерархией,— как писал Энгельс в «Диалектике природы»,— согласно присущему им порядку самих этих форм движения». Однако отдельные науки изучают различные и связанные друг с другом формы не «формально», не как бессодержательные формы, а как формы специфического содержания. С точки зрения диалектического материализма, это специфическое содержание не привлекается эклектически наравне с производными и косвенно влияющими моментами для об'яснения каждой данной качественно отличной формы движения. Напротив, через изучение специфической формы познается закономерность содержания, ибо форма, по выражению Гегеля, есть то, чем живет и посредством чего движется и развивается специфическое содержание.

Аналогии Рубина и его учеников, теория «апелляции», «привлечения» прекрасно разоблачают то понимание, которое вкладывается Рубиным в изучение политической экономии производственных отношений «в связи» с производительными силами. Эта связь мыслится им отнюдь не как диалектическая связь. Производительные силы у Рубина выступают как «предпосылки», они привлекаются», к ним «апеллирует» и т. д. Но они у него не выступают (не на словах, а на деле!) в качестве содержания того процесса, закономерность которого познается через изучение специфической формы. Политическая экономия имеет, конечно, «предпосылки», она, конечно, не пренебрегает знаниями, завоеванными другими науками. Однако связь и соотношение между производственными отношениями и производительными силами не только

в действительном процессе, но и в политической экономии, иные, чем между об'ектом политической экономии и этими «предпосылками».

Один из участников сборника утверждает, что вообще вопрос о связи между производственными отношениями и производительными силами не имеет никакого отношения к предмету политической экономии».

«Исторический материализм, — читаем мы на стр. 118 — 119 сборника, — интересуется соотношением между производственными отношениями и производительными силами. Связь между последними и является об'ектом его исследования в данной области. В противоположность этому (!) политическая экономия изучает только производственные отношения... В отличие от исторического материализма предметом политической экономии являются производственные отношения и их связи с производительными силами, а не эта связь как специфический об'ект». (Г. Деборин).

Оставим в стороне «глубокомысленные» размышления о соотношении между историческим материализмом и политической экономией, которые сами по себе представляют «откровение». Обратимся к вопросу о предмете политической экономии. Здесь наивный автор в своем увлечении словесными вывертами и подражанием учителю, забывает, что для всякого марксиста связь между производственными отношениями и производительными силами означает вместе с тем противоречие между ними. Тот, кто выбросит за борт исследования политической экономии противоречие между производственными отношениями и производительными силами, во-первых, останется за бортом марксизма, во-вторых, не сможет, конечно, открыть закон существования и движения капиталистического способа производства, не сможет исследовать «производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке». (Ленин).

Конечно, связь между производственными отношениями и производительными силами в политической экономии не следует мыслить так, как это делает Бессонов, протаскивающий в политическую экономию технологию, историю техники и т. п. Тов. Бессонов в своем увлечении техникой перестает замечать (по методу: «совсем наоборот») за единством материального производства различия внутри него. В отчаянной попытке противостоять Рубину, Бессонов забывает об'ективное различие натуральных и общественных элементов, различие отношения к вещам и отношений между людьми.

Однако связь между производственными отношениями и производительными силами в политической экономии не может мыслиться также по методу «привлечения» и «апелляции». Исследование капиталистического способа производства и вытекающего из него распределения и обмена есть вместе с тем исследование связи и противоречия между производственными отношениями и производительными силами капиталистического общества. Эта связь и противоречивость постоянно выступает перед нами как полюсы производственного отношения, как единство противоположностей внутри способа производства.

Резюмируем положительные выводы из всего сказанного по вопросу о предмете политической экономии: Политическая экономия изучает производственные отношения товарно-капиталистического общества, как форму (закон) движения производительных сил на определенной ступени исторического развития и обнажает внутренние противоречия этого движения. Исследуя противоречия между производственными отношениями и производительными силами капитализма, противоречия, выражающиеся в борьбе классов капиталистического общества, политическая экономия вскрывает закон возникновения, существования,

развития и гибели капитализма, как исторически преходящей социально-экономической формации [1]).

Марксистская классификация наук построена не по формально-логическому признаку. Не мертвящий формализм лежит в ее основе, а живые реальные формы движения. Открытие общих и специфических законов движения — вот задача марксистских наук, и эта задача должна быть полностью отражена в понимании предмета политической экономии.

II. Об абстрактном труде.

Дискуссия о предмете политической экономии на ее нынешнем этапе является логическим продолжением дискуссии об абстрактном труде. И в этом вопросе позиция участников сборника вызывает большие сомнения.

Нельзя не согласиться с т. Леонтьевым, когда он критикует точку зрения т. Кона, утверждающего, что абстрактный труд есть только затрата физиологической энергии и присущ всем общественно-экономическим формациям.

Взгляды т. Кона по этому вопросу уже были подвергнуты резкой критике. Поскольку т. Кон продолжает оставаться на старых позициях, необходимо продолжать борьбу против его попыток прикрыть их именем Маркса.

Авторы сборника, повторяя приведенную уже в журнальных статьях против т. Кона аргументацию, еще раз показывают непримиримость позиции тов. Кона с системой Маркса. Бесспорно, что т. Кон здесь неправ. Бесспорно, что абстрактный труд есть категория историческая. Вся экономическая система Маркса не оставляет места для каких-либо сомнений по этому вопросу.

«Труд, создающий стоимости, — говорит Маркс, — является специфической общественной формой труда. Например, труд портного в своей материальной определенности, как особая производительная деятельность, производит одежду, а не ее меновую стоимость. Последнюю он производит не как труд портного, но как абстрактно-всеобщий труд, а этот труд зависит от общественного строя, которого портной не произвел» («Zur Kritik...», S. 13. Курсив наш. *(Г. Д. и А. Н.)*.

Здесь Маркс недвусмысленно заявляет, что абстрактный труд «зависит от общественного строя». И т. Кон никак не сможет совместить с этим заявлением Маркса свое утверждение, что «... из того, что в товарном обществе происходит сведение конкретного труда к абстрактному, совершенно не следует, что абстрактный труд является исключительно категорией товарного хозяйства». Не нужно больших усилий, чтобы убедиться в расхождении тов. Кона с Марксом в вопросе об абстрактном труде.

Эта ошибка т. Кона не случайна. Она целиком увязывается с его механистическим пониманием общественного развития, энергетической концепцией исторического процесса, которой проникнуты все его работы.

Однако дискуссия об абстрактном труде далеко не исчерпывается вопросом об историческом характере этой категории. Читатель, который следил за дискуссией, знает, что Рубин, вопреки Марксу, исключает из понятия абстрактного труда момент равенства труда как затраты однородной человеческой рабочей силы, рассматривая это равенство только как предпосылку абстрактного труда. И так как вопрос о соотношении между абстрактным трудом и равенством, труда как затраты однородной человеческой рабочей силы был центральным пунктом дискуссии с Рубиным, то мы вправе спросить тт. Борилина и Леонтьева: согласны ли они

[1]) Мы даем более пространное определение политической экономии, чем обычно, ибо, как указывал Ленин, «слишком короткие определения, хотя и удобны, ибо подытоживают главное,—все же недостат..ны»... Тем более недостаточны, что методология Маркса стала предмето. .живленной дискуссии.

с тем пониманием абстрактного труда, которое дается автором «Очерков»? В своих статьях, опубликованных в сборнике, тт. Боролин и Леонтьев не берут учение И. И. Рубина об абстрактном труда под свою прямую защиту. Но чем об'яснить умолчание по основному вопросу политической экономии, особенно в статье, посвященной «урокам дискуссии»? Ведь, как вполне своевременно напоминает т. Леонтьев, «на теории о двойственном характере труда покоится все понимание фактов» (Маркс). Не думает ли т. Леонтьев, что на это положение Маркса можно опереться только при критике Кона, забывая его, когда речь идет в взглядах И. И. Рубина?

Остановимся на взглядах И. И. Рубина по вопросу об абстрактном труде.

Эти взгляды претерпели солидную «эволюцию». Во втором издании «Очерков» Рубин рассматривал, как известно, субстанцию стоимости и абстрактный труд как различные понятия, соотносящиеся друг к другу как содержание и форма. Под субстанцией стоимости Рубин разумел то «материально-технический процесс», то затрату труда в физиологическом смысле (см. Очерки, 2 изд., стр. 59, 88, 105 и др.).

Противопоставление тогда шло по линии: субстанция стоимости (затрата человеческой рабочей силы) — абстрактный труд (производственное отношение между товаропроизводителями). Субстанция стоимости—содержание, абстрактный труд — форма. «Абстрактным трудом,— писал Рубин,— мы называем само производственное отношение между товаропроизводителями» (Очерки, 2 изд., стр. 112). Таким образом, абстрактный труд рассматривается Рубиным во втором издании «Очерков» только как форма организации труда и противопоставлялся субстанции стоимости.

Критика правильно отметила, что в этом противопоставлении Рубин разошелся с Марксом. Маркс неоднократно указывал, что абстрактный труд есть не что иное, как субстанция стоимости. Так, в «критике» он пишет:

«Как меновые стоимости, различной величины, они (товары *Г. Д.* и *А. Н.)* представляют большее или меньшее, больше или меньше количества простого, однообразного абстрактно-всеобщего труда, образующего субстанцию меновой стоимости» (стр. 62 русского перевода И. Рубина, 4 нем. изд. 1924 г., курсив наш. *Г. Д. и А. Н.)*.

Общеизвестно, что у Маркса категория абстрактного труда связана с понятием равенства труда как затраты однородной человеческой рабочей силы, хотя характеристика абстрактного труда не исчерпывается этим равенством. Поэтому, исключая из понятия абстрактного труда момент равенства «затрат человеческой рабочей силы в физиологическом смысле», Рубин впадал в явное противоречие с прямыми и не оставляющими никаких сомнений высказываниями Маркса.

Вышеочерченное разграничение абстрактного труда и субстанции стоимости понадобилось Рубину специально для того, чтобы скрыть это противоречие. Этим противопоставлением абстрактного труда субстанции стоимости, Рубин пытался об'яснить общеизвестные места, в которых Маркс включает в понятие абстрактного труда момент равенства труда как однородной рабочей силы в том смысле, что Маркс здесь, собственно, имеет-де в виду не абстрактный труд, а, отвлекаясь от общественной формы, только субстанцию стоимости («Очерки», 2 изд., стр. 105).

Но сам Рубин почувствовал всю искусственность своего построения. Вследствие этого в своем докладе в Ранионе он вступил на путь исправления своих ошибок в этом вопросе. Во-первых, он признал, что субстанцией стоимости является абстрактный труд; во-вторых, он включил в понятие абстрактного труда также равенство труда как затраты однородной челове-

ческой рабочей силы. И. И. Рубин сформулировал свое новое понимание абстрактного труда следующим образом:

«Понятие абстрактно-всеобщего труда включает в себя, конечно, и физиологический труд и социально-уравненный труд, но кроме этих двух признаков он включает еще и социальное уравнение в той специфической форме, которую он имеет в товарном хозяйстве»[1].

Однако Рубин не удержался на этой позиции, ибо она несовместима, как правильно указал в своем выступлении сторонник Рубина — Б. С. Лифшиц, со всей концепцией автора «Очерков». Вследствие этого уже в своем заключительном слове по тому же докладу Рубин сделал поворот в сторону прежних позиций. Равенство затрат человеческой рабочей силы в физиологическом смысле снова выключается из понятия абстрактного труда и рассматривается как предпосылка последнего.

Эта же позиция сохраняется и в третьем издании «Очерков». Проводя различие между физиологически-равным, социально-уравненным и абстрактным трудом, Рубин рассматривает здесь последний как «социально уравненный труд в той специфической форме, которую он приобретает в товарном хозяйстве». («Очерки», 3 изд., стр. 154). Каково же соотношение между физиологически равным и абстрактным трудом? Первый выступает только как предпосылка последнего (Очерки, 3 изд., стр. 151, 159 и др.).

В третьем издании Рубин все же признает, что абстрактный труд является субстанцией стоимости. Но ведь как раз противопоставление субстанции стоимости и абстрактного труда имело своей целью показать «согласованность» точки зрения Рубина с пониманием абстрактного труда Марксом, высказанным последним на первых же страницах «Капитала».

Поэтому, отказавшись сейчас от этого противопоставления, И. И. Рубин вынужден выдвинуть для согласования своего понимания абстрактного труда со взглядами Маркса новую версию.

«Поскольку из труда, — пишет Рубин, — должна быть диалектически выведена стоимость, мы должны понимать под трудом труд, организованный в определенной социальной форме, присущей товарному хозяйству. Пока мы говорим о физиологически равном или даже социально уравненном труде вообще, этот труд не образует стоимости. К иному, более бедному понятию труда можно притти лишь в том случае, если ограничить свою задачу чисто-аналитическим сведением стоимости к труду. Если мы исходим из стоимости, как из готовой, данной социальной форму продуктов труда, не требующей особого об'яснения, и ставим себе вопрос, к какому труду можно свести эту стоимость, мы отвечаем кратко: к равному труду. Иначе говоря, если стоимость можно диалектически вывести только из абстрактного труда, отличающегося определенной социальной формой, то аналитическое сведение стоимости к труду может ограничиться констатированием характера труда, как социально-уравненного вообще или даже, пожалуй, как физиологически равного труда. Возможно, что именно этим об'ясняется тот факт, что во втором разделе первой главы I тома «Капитала», где Маркс при помощи аналитического метода сводит стоимость к труду, он подчеркивает характер труда, как физиологически равного, не останавливаясь ближе на социальной форме организации труда в товарном хозяйстве. Напротив, всюду там, где Маркс хочет диалектически вывести стоимость из абстрактного труда, он в характеристике последнего подчеркивает социальную форму труда в товарном хозяйстве» (Очерки, 3 изд., стр. 162 — 163).

Рубин противопоставляет здесь аналитический метод диалектическому. Это противопоставление с точки зрения диалектического материализма незаконно. Анализ может быть противопоставлен не диалектике, а синтезу, с которым он образует единство. Это единство анализа и синтеза есть основа абстрактного метода Маркса и является составной частью диалектического метода. «Мышление,— писал Энгельс,— состоит столь же в разложении об'ектов сознания на их элементы, как и в об'единении родственных элементов в единство. Без анализа нет синтеза» (Анти-Дюринг).

[1]) И. И. Рубин — «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса», это место из первоначальной стенограммы цитировалось в двух выступлениях: Г. И. Дукора, стр. 44 — 45, и Б. С. Лифшица, стр. 61.

В результате анализа мы получаем «труд вообще», «затрату человеческой рабочей силы в физиологическом смысле». Единство анализа и синтеза предполагает, что результат анализа должен стать исходным пунктом синтеза. Однако результат анализа товарно-капиталистического хозяйства — «труд вообще» по Рубину лишен специфической исторической характеристики. Исходный же пункт синтеза в политической экономии, долженствующей воспроизвести посредством мышления конкретное капиталистическое хозяйство, конечно, должен обладать такой характеристикой.

Рубин пытается найти выход в противопоставлении диалектического метода аналитическому. Результат анализа — «затрата человеческой рабочей силы» отбрасывается, оставляется за бортом политической экономии, об'является предпосылкой абстрактного труда, который, «не заключая в себе ни одного атома материи», выступает перед нами как исходный пункт «диалектического метода». Таким образом, конечный пункт анализа—«труд вообще», не развивается в исходный пункт синтеза «абстрактный труд», а помещается рядом, по соседству, как «предпосылка». Только ценою отрыва синтеза от анализа Рубину удается получить свое понятие абстрактного труда.

В знаменитом месте второго подразделения первой главы I тома «Капитала» речь идет не просто о труде, но и труде социально-определенном, о труде товаропроизводителя, образующем стоимость. Здесь дается характеристика двойственного характера труда в товарном хозяйстве. Маркс здесь не отвлекается от социальной формы труда, как уверяет И. И. Рубин, а, наоборот, предполагает здесь товарно-капиталистический характер производства. Именно поэтому труд выступает у Маркса не просто как затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, но как труд создающий стоимость, т.-е. как абстрактный труд! Следовательно, аналитически «сводя» стоимость к труду, как «человеческому труду без всякого дальнейшего качества» и синтетически переходя от труда к стоимости, Маркс имеет в виду «труд вообще», в условиях товарного хозяйства, выступающий поэтому, как труд, образующий стоимость, как абстрактный труд. Таким образом, «труд вообще» или затрата человеческой рабочей силы не остается в качестве результата анализа за пределами синтеза, но в определенных социально-историческихи условиях он становится исходным пунктом синтезна и включается в понятие абстрактного труда. Что это именно так, видно из той роли, которую абстрактный труд играет в товарном хозяйстве. Общество прежде всего выступает как сочетание человеческих деятельностей. Поэтому труд членов общества есть всегда часть общественного труда, который реализуется для общества в продукте труда, представляющем своими свойствами также и специфические особенности создавшего его труда.

В организованном обществе, где производство осуществляется по заранее установленному плану, труд как в самом процессе производства, так и после него в его продукте выступает как непосредственно общественный труд. Поэтому здесь нет общественной формы труда, отличной от его конкретной формы, как нет и формы продукта труда, отличной о тего натуральной формы. Труд выступает в организованном обществе как непосредственно общественный труд во всей своей конкретности. Совершенно иную картину мы имеем в товарном хозяйстве. Здесь труд отдельного товаропроизводителя является непосредственно частным и лишь скрыто общественным. «Общественное рабочее время,—говорит Маркс,—заключается в товарах в скрытой форме и обнаруживается лишь в процессе обмена. Возникает вопрос, каким образом частный (и лишь скрыто общественный труд) входит в общественный «обмен веществ».

С одной стороны труд товаропроизводителя должен удовлетворить определенной общественной потребности, т.-е. выступить как труд конкретный, а с другой — он должен притянуть другие специфические виды труда, которым он должен противостоять, как «равный», «однородный» труд. Он должен быть представлен как всеобщий, не теряя одновременно своей специфической формы.

Только обнаружив свое равенство с различными видами труда в процессе всестороннего отчуждения на рынке, труд отдельного товаропроизводителя реализуется как часть совокупного общественного труда. Поэтому однородность, всеобщность труда должна быть свойственна всем видам труда, несмотря на их специфические черты. Но эта однородность не может быть выдумана или искусственно установлена. Она может состоять лишь в том, что есть действительно общего в труде. Что же общего между различными видами труда? То, что они являются затратой однородной рабочей силы [1]. Только обнаружив свое равенство, как затраты однородной человеческой рабочей силы, частный труд принимает форму, в которой он может реализоваться как труд общественный. Именно поэтому в обществе товаропроизводителей общечеловеческий характер труда, всеобщность труда является общественной формой труда.

«В пределах этого (товарного мира),— говорит Маркс,— всеобщий человеческий характер труда есть его специфически общественный характер». Общечеловеческий характер труда существует при всех общественно-экономических формациях, но только в товарном хозяйстве он выступает, как специфически общественная форма труда, т.-е. как абстрактный труд. Под абстрактным трудом, таким образом, Маркс понимает не просто общечеловеческий характер труда, как затрату однородной человеческой рабочей силы,— как думает тов. Кон,— а ее затрату в определенных социально-исторических условиях, при которых «всеобщий характер обособленного труда» выступает, «как его общественный характер» («Zur Kritik», стр. 71).

Тем самым абстрактный труд, т.-е. труд, создающий стоимость, приобретает социально-историческую определенность.

Маркс говорит, что «условия труда, определяющего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть общественные определения труда или определения общественного труда, но не просто общественного вообще, а общественного в особенной форме. Эта общественность имеет специфический характер». В чем же заключается специфически-общественный характер труда, определяющего стоимость? «Прежде всего, неразличимая простота труда есть равенство труда различных индивидов, взаимное отношение их труда, как равного, а именно путем фактического приведения всех видов труда к однородному труду». («К критике»..., 1929 г., стр. 65).

И. И. Рубин и его ученики нас уверяют, что когда Маркс говорит о всеобщности и равенстве труда, он имеет в виду не физиологическую однородность труда. Но это же явное насилие над Марксом! Ведь не кто иной, как Маркс неустанно повторял, что в процессе всестороннего отчуждения труда на рынке, труд товаропроизводителей обнаруживает свое равенство как затрата однородной человеческой рабочей силы.

[1]) «Сюртук представляет стоимость,—писал Маркс в I изд. I тома «Капитала»,—лишь потому, что он вещественное выражение человеческой рабочей силы, израсходованной на его производство, следовательно, отвердевший или застывший абстрактный человеческий труд; абстрактный потому, что здесь не обращается внимания на определенный, полезный характер его; человеческий — потому что труд считается здесь только, как трата человеческой рабочей силы вообще» (Изд. 1872 г., стр. 663).

«Труд, реализованный в товарной стоимости,— говорит Маркс,— получает не только отрицательное выражение, как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных работ, но, кроме того, отчетливо выступает вперед и его положительная природа. Последняя состоит в сведении всех действительных видов труда к общему характеру труда, к затрате человеческой рабочей силы». (Капитал, 1, 34).

Но у Рубина имеется одно возражение против включения физиологического равенства труда в понятие абстрактного труда.

«Маркс не уставал повторять,— пишет Рубин,— что стоимость есть явление общественное, что бытие стоимости (Werfgegenständlichkeit) имеет «чисто общественный характер» и не заключает в себе ни одного атома материи» (К., I, с. 14). Отсюда вытекает, что и абстрактный труд, отражающий стоимость, должен быть понимаем, как категория социальная, в которой мы не найдем ни одного атома материи. Одно из двух: если абстрактный труд представляет затрату человеческой энергии в физиологическом смысле, то и стоимость имеет вещественно-материальный характер. Или же стоимость есть явление общественное,—тогда и абстрактный труд тоже должен быть понимаем, как явление социальное, связанное с определенною общественною формою производства. Также невозможно примирить физиологическое понимание абстрактного труда с историческим характером образуемой им стоимости...» («Очерки», 3 изд., стр. 149—150).

Здесь верное удивительно переплетается с глубоко ошибочным. Верно, что «Маркс не уставал повторять, что стоимость есть явление общественное». Верно, что предметность стоимости (Wertgegenständlichkeit) не заключает в себе ни одного атома природного (натурального), вещества (Naturstoff) Однако, глубоко неверно делать отсюда вывод, что абстрактный труд не за-

[1]) Как мы видели из приведенной выше цитаты из Рубина, последний рассматривает абстрактный труд, как нечто нематериальное, где мы не найдем ни одного «атома материи». А. Леонтьев упрекает И. И. Рубина в том, что такое утверждение может дать повод к недоразумениям и покоится у автора «Очерков» на неточном переводе следующей фразы из Маркса: «Im geraden gegenteil zur sinnlich groben gegenständlichkeit der Warenkörper gent kein Atom Naturstoff in ihre Wertgegenständlichkeit ein». (Das Kapital, B. I, S. 14).

«Рубин переводит: «Kein Atom Naturstoff» — ни одного атома материи. «Нам представляется,— говорит Леонтьев,— что во избежание всяческих недоучетов следовало бы в данном случае придерживаться более точного буквального перевода: ни одного атома природного (или естественного) вещества, именно так переведено это место в наиболее распространенном базаровско-степановском переводе (см. ГИЗ, 1920 г. и ГИЗ 1928 г.). При этаком способе перевода каждому, даже не очень догадливому критику, сразу станет ясно, что об отрыве социального и материального нет речи, что речь идет лишь о противоположности между социальным и натуральным, о различии между общественным и природным, естественным» (стр. 24).

Мы здесь привели эти длинные рассуждения тов. Леонтьева, чтобы показать, что, во-первых, он признает «материальность» абстрактного труда, рассматривая его, как социальную материю, и, во-вторых, что он сам неверно понимает смысл приводимой фразы из Маркса. На самом деле, разве в приводимой им цитате из Маркса у последнего речь идет об абстрактном труде или субстанции стоимости? Маркс здесь говорит о Wertgegenständlichkeit, но только Базаров и Степанов переводят Wertgegenständlichkeit, как субстанцию стоимости. Перевод же Базарова и Степанова не точен. С этим согласен и И. И. Рубин. Под «Wertgegenständlichkeit» Маркс понимает вещную форму выражения субстанции стоимости в продукте труда, а не самую субстанцию стоимости. «Овеществление» абстрактного труда (субстанции стоимости) придает продукту труда особую стоимостную форму Wertgegenständlichkeit, которая означает лишь предметное выражение труда в товаре. С точки зрения тех, кто отождествляет труд со стоимостью, вполне «логично» переводить «Wertgegenständlichkeit», как субстанцию стоимости, но мы не думаем, чтобы тов. Леонтьев стал в этом вопросе на позиции тов. Кона, который, как известно, стоимостью называл труд, затраченный на производство товара. Раз тов. Леонтьев взялся исправить неточности перевода И. И. Рубина, то нужно быть последовательным до конца и не пользоваться при этом ошибками, допущенными при переводе Базаровым и Степановым. Правильное понимание понятия Wertgegenständlichkeit, которое Маркс употребляет очень часто и в которое он вкладывает определенное содержание, имеет огромное значение для правильного понимания марксовой теории стоимости.

ключает ни одного «атома материи». Рубин не сможет найти во всех работах Маркса ни одного заявления о том, что труд, образующий стоимость, субстанция стоимости, не обладает свойствами действительной производительной деятельности, траты человеческой рабочей силы. Наоборот, и «К критике» и «Капитал» свидетельствуют, как известно, об обратном. В подтверждение точки зрения Рубина, можно было бы только привести н е в е р н ы й перевод Базарова и Степанова, которые перевели «Wertgegenständlichkeit» как субстанцию стоимости,— в результате чего получилось, что «субстанция стоимости», т.-е. абстрактный труд не заключает в себе ни одного атома «природного вещества». Но сам Рубин признает, что перевод Базарова и Степанова неверно передает мысль Маркса.

Однако, если абстрактный труд по Марксу включает затрату человеческой рабочей силы, однородной в физиологическом смысле, то нельзя ли отсюда сделать вывод, что Маркс был сторонником вульгарного, грубого материализма, в чем его неоднократно упрекали буржуазные критики?

Этот вывод был бы уместен лишь в том случае, если бы Маркс понимал о в е щ е с т в л е н и е труда в стоимости, как конденсацию человеческой энергии, если бы Маркс стал на энергетическую точку зрения в теории стоимости. Но ведь этого нет. Ведь Рубин, вслед за Марксом, учил нас не понимать овеществление труда в стоимости «по шотландски». («Очерки», стр. 360—361).

«Однако, нельзя,—писал Маркс,—так «по-шотландски» понимать овеществление труда, как понимал его Смит. Если мы говорим о товаре, как об овеществлении труда,—а в смысле его меновой стоимости,—то речь идет у нас только о воображаемой, т.-е. только о социальной форме существования товара не имеющей ничего общего с его вещественным существованием; мы представляем его себе в виде определенного количества общественного труда или денег. (Теории, I, стр. 179).

Маркс, таким образом, рассматривал стоимость не как конденсацию мускулов, нервов, а как с в о е о б р а з н ы й, и с т о р и ч е с к и о п р е д е л е н н ы й с п о с о б в ы р а ж е н и я общественного труда.

«В действительности,— пишет Маркс,— стоимость представляет собой только вещно выраженное отношение производительных деятельностей». (Теории, т. III). Если бы Маркс отождествлял стоимость с трудом, то И. И. Рубин был бы прав в его выводах. Но как раз у Маркса, как доказывает и сам И. И. Рубин, этого отождествления нет. Поэтому приведенное выше противопоставление Рубина (или абстрактный труд «материален», тогда и стоимость «материальна», или стоимость «нематериальна»,— тогда и абстрактный труд лишен «материальности») покоится на ничем не обоснованной подмене правильного понимания «овеществления», которое по существу развивает И. И. Рубин неправильно, против которого он сам полемизирует.

Но перейдем к авторам нашего сборника. Тов. Леонтьев, раз'ясняя И. И. Рубина, утверждает «материальность абстрактного труда». Поэтому очень странно звучат следующие слова тт. Греблис, Коровая и Степанова:

«Маркс связывал двойственную «природу» товара (потребительная стоимость и стоимость) с двойственной «природой» труда, создающего товар. Он связывал конкретный, особенный полезный материальный труд с процессом создания потребительной стоимости абстрактный труд—с процессом образования «создания стоимости. Труд образующий стоимость, носит чисто общественный характер». (Стр. 49).

Всякий непредубежденный читатель может здесь сделать лишь один вывод, а именно, что наши авторы, подобно И. И. Рубину, противопоставляют материальный характер конкретного труда общественному характеру абстрактного труда, рассматривая последний как нечто нематериальное. Однако, как примирить противопоставление общественного характера абстрактного труда его материальности с правильным рассуждением тов. Леонтьева, «что для марксиста не может быть и речи о противопоставлении социального явления (если под этим понимать не общественное сознание, а реальные общественные отношения между людьми) материальному. Социальное явление может и должно противопоставляться натуральному явлению. Социальное и натуральное представляют собою в свою очередь две части, две стороны материального мира, между этими областями налицо диалектическая взаимосвязь»? (стр. 14). Вы слышите, тт. Коровай, Греблис и Степанов: для марксиста и речи быть не может о противопоставлении социального материальному! А вы упорно продолжаете противопоставлять. Действительно, «гони природу в дверь, она войдет в окно». Понятно, гораздо легче и проще повторять общеизвестные положения диалектического материализма, чем применять их при анализе действительных реальных отношений. Мы не сомневаемся, что тт. Греблис, Коровай и Степанов полностью согласятся с вышеприведенным заявлением А. Леонтьева (еще бы — пропобовали не согласиться!). Но когда они приступают к анализу капиталистической действительности, они почему-то их «забывают». Но и здесь верным остается положение, что критерием истины является практика. Истина для них по правильному выражению А. Леонтьева «становится острее лезвия ножа» (стр. 14).

Но откровение тт. Греблиса, Коровая и Степанова в вопросе об абстрактном труде этим не исчерпывается:

«Тот факт,—говорят они,—что «ряд количественных признаков, отличающих труд с материально-технической и физиологической стороны», оказывает причинное влияние на количественную определенность абстрактного труда, не дает нам основания для отождествления социального равенства трудовых затрах с их физиологическим равенством. Они не совпадают ни качественно, так как одно есть выражение общественного труда, а другое характеризует труд с его естественной стороны, ни количественно, так как количество абстрактного (общественного) труда вовсе не обязательно совпадает с к о л и ч е с т в о м к о н к р е т н о г о т р у д а и л и ф и з и о л о г и ч е с к о й з а т р а т ы (курсив наш. *Г. Д.* и *А. Н.)*, хотя само собою понятно, что изменения количества абстрактного труда обуславливаются количественным изменением в затратах конкретного труда» (стр. 54).

До появления статьи тов. Греблиса, Коровая и Степанова, в с е думали, что физиологическая затрата п р о т и в о п о л о ж н а конкретному труду. Все исходили из противопоставления конкретного труда — физиологически-равному труду в товарном хозяйстве. Об этом также недвусмысленно многократно говорил и Маркс. Так, например, в I томе «Капитала», на стр. 3 мы читаем:

«Когда продукты труда перестают быть полезностями, то вместе с тем воплощенный в них разнообразный труд утрачивает свой полезный характер, и, стало быть, различие конкретных форм этого труда исчезает: они уже больше не отличаются друг от друга, и все сводятся к равному человеческому труду, выражают абстрактный человеческий труд»

Но что Маркс? Приходят Греблис, Коровай и Степанов и уверяют нас, что конкретный труд тождественен с понятием физиологического равенства труда. Никакого другого вывода из их положения, что «количество абстрактного (общественного) труда вовсе не обязательно совпадает с количеством конкретного труда или (!) физиологической затраты», сделать нельзя. «Кочкретного труда или физиологической затраты» — вот до чего договорились наши авторы! Как не вспомнить при этом французскую поговорку о словах, которые вопиют при их соединении. Если бы они сказали, что всякий конкретный труд есть физиологическая затрата в определенной полезной форме, и наоборот: всякая физиологическая затрата может осуществиться только в той или иной полезной форме, то они были бы правы. Но они утверждают нечто большее. Они отказываются от различия между полезной формой, в которой физиологическая затрата осуществляется, с самой этой затратой. Однако, отказаться от этого различия—значит закрыть себе путь к пониманию двойственного характера труда в товарном хозяйстве.

Все злоключения наших авторов происходят оттого, что их понимание абстрактного труда, как формы труда, лишенной всякого материального содержания, лишает их возможности придать количественную определенность абстрактному труду. Поэтому количественную характеристику абстрактный труд получает у них от конкретного труда [1]) (см. стр. 54—55). Но если рассматривать различные конкретные виды труда только с количественной стороны, то они выступят перед нами как определенные количества затрат однородной человеческой рабочей силы в физиологическом смысле. Поскольку наши авторы вслед за Рубиным исключают затрату человеческой рабочей силы из понятия абстрактного труда, а количественную характеристику труда они выводят из конкретного труда, то им остается только поставить знак равенства между конкретным трудом и физиологически равным трудом. Вместо того, чтобы рассматривать физиологически равный труд и конкретный труд как различия внутри единства, они отождествляют одно с другим. И это называется диалектикой!

* * *

Сопоставление ошибок И. И. Рубина в вопросе о предмете политической экономии с его точкой зрения на абстрактный труд показывает, что мы имеем здесь дело не с отдельными извращениями теоретической системы Маркса, а с определенной системой извращений, системой ошибок. Правда, наряду с неправильными положениями, И. И. Рубин выдвинул положения, которые способствовали и способствуют усвоению экономической системы Маркса. Однако, неправильная линия И. И. Рубина, подчас теряясь в грудах компромиссных формулировок и правильных самих по себе цитат, снова и снова прорывается наружу в трактовке отдельных проблем политической экономии.

Вся «эволюция» И. И. Рубина по существу имела своей целью прикрыть путем изменения некоторых формулировок, путем компромиссных решений свой конфликт с Марксом. И как не вспомнить в этих условиях характеристику, данную Марксом Шеллингу, что все искусство последнего состояло не в том, чтобы открыть скрытое, а в том, чтобы скрыть открытое.

Позиции диалектического материализма в политической экономии можно отстоять лишь в борьбе как против механистических тенденций Кона и др., так и против идеалистических и механистических ошибок И. И. Рубина, прикрываемых и защищаемых не только им самим, но и участниками сборника «Против механистических тенденций в политической экономии».

---

[1]) В этом они следуют за И. И. Рубиным, который пишет: «количество абстрактного труда определяется количеством действительно затраченного в материальном процессе производства конкретного труда» («Очерки», 3-е издание, стр. 361). При рубинском понимании абстрактного труда нельзя правильно поставить вопрос о количественной характеристике абстрактного труда. Здесь возможно или отождествление конкретного труда с физиологически равным трудом, что делают т.т. Греблис, Коровай и Степанов и которое имеет место у И. И. Рубина, или вращение в порочном кругу, как это особенно ярко обнаружил И. И. Рубин в главе «Равенство товаров и равенство труда», стр. 113. Здесь Рубин, с одной стороны, заверяет, что понятие равенства труда соответствует моменту равновесия. Равновесие же между различными видами труда,—говорит он,—преполагает равенство выгод для товаропроизводителей. Равенство же выгод в простом товарном хозяйстве выражается в равенстве труда. Но что такое равенство труда? Равенство труда, — говорит Рубин, — соответствует состоянию равновесия труда между различными отрослями. Таким образом, тут явный порочный круг: равенство труда выводится из равновесия труда, а равновесие труда из равенства труда .

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ОБ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКИ ВРЕДНОЙ КНИГЕ.

(А. Айхенвальд. Советская экономика. Экономика и экономическая политика СССР. С предисловием Н. И. Бухарина. ГИЗ. 1929 г. Стр. 367).

Книга тов. Айхенвальда «Советская экономика» вышла в настоящем году пятым изданием с пятидесятитысячным тиражем. Общий тираж книги по всем изданиям достиг 100 тыс. экземпляров. Кроме того, она переведена на украинский язык. Несомненно, что это один из наиболее распространенных у нас учебников экономической политики.

Это обстоятельство заставляет отнестись с сугубым вниманием и интересом к политической линии, проводимой автором, к принципиальным установкам книги.

Вооружает ли она своих многочисленных читателей пониманием генеральной линии партии в хозяйственном строительстве? Развертывает ли она достаточно четко план великого социалистического наступления наших дней? Т. Бухарин в предисловии к книге относит к ее достоинствам «последовательность политической линии». Действительно, автору нельзя отказать в последовательности. Но какова та линия, которую он последовательно защищает?

Характерно, что, переиздавая книгу в пятый раз, автор не вносит никаких дополнений и изменений к тому первоначальному тексту, который был написан в начале 1927 года, до XV с'езда партии. Повидимому, автор считает, что решения XV с'езда не вносят ничего существенного в экономическую политику партии и не заслуживают того, чтобы быть отмеченными на страницах его учебника. Или, может быть, автор полагает, что он в своем тексте настолько правильно предвосхитил эти решения, что о них не стоит особо говорить?

Правильно понять и изложить экономическую политику советской власти можно только в том случае, если она рассматривается в свете основной задачи пролетариата в переходный период — задачи построения социализма. В соответствии с этим обычно строится изложение курса в учебниках экономической политики (Сегаль и Таль, учебник шести авторов): сначала освещается генеральная линия партии, курс на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, и в свете этой генеральной линии рассматривается система экономических мероприятий в отдельных отраслях хозяйства

У тов. Айхенвальда изложение построено иначе Его вводная глава, дающая принципиальное обоснование нашей экономической политики, носит название «Этапы рабоче-крестьянского Союза и развитие советской экономической политики», после чего автор непосредственно переходит к вопросам промышленной, сельско-хозяйственной, торговой и финансовой политики. Проблема индустриализации страны освещена лишь в заключительной главе книги. Такое построение книги не случайно, оно отражает руководящую идею автора, рассматривающего «союз рабочего класса с крестьянством» вне общих задач социалистического строительства.

Между тем, Ленин учит нас, что «соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов».

Азбукой ленинизма является учение о союзе рабочего класса с основной массой крестьянства. Это необходимейшее условие, при помощи которого пролетариат осуществляет свою основную задачу — уничтожение классов и построение социализма. Но у Айхенвальда это средство превращено в самоцель. И отсюда с неизбежностью потускнела, отодвинулась в «туманные дали», потеряла свое действенное значение в изложении автора боевая задача пролетарской диктатуры — построение социализма в СССР.

При постановке проблемы смычки пролетариата с крестьянством в настоящих условиях, автор исходит, прежде всего, из мелкособственнической природы крестьянина. «На основе победы над буржуазно-помещичьим строем рядовой мужик-середняк хочет развернуть свое мелкое хозяйство, хочет избавиться от нищеты, хочет разбогатеть»... «Надо добиться, чтобы была смычка между пролетарским

стремлением к социалистическому хозяйству и стремлением мелкого собственника к богатому хозяйству» [1]).

В другом месте эта центральная идея автора формулирована еще выразительнее и сочнее:

«Стихийную мелкобуржуазную экономическую силу, напор 22 — 24 млн. крестьянских дворов, стремящихся к богатству, к наживе, к торговому интересу необходимо не уничтожать, а направить по новому руслу и использовать эту силу, этот напор, это стремление к наживе, как основу и двигатель социалистического строительства». (Курсив наш. *В. Р.)* [2]).

Итак — «обогащайтесь»! При этом тов. Айхенвальд совсем не отмечает той существенной стороны дела, что мелко-товарное хозяйство «ежедневно, ежечасно рождает капитализм» (Ленин), что поэтому процесс обогащения индивидуального хозяйства об'ективно и неизбежно является процессом роста капиталистических элементов. Мы увидим дальше, к каким серьезным ошибкам это приводит автора.

Но еще более поразительно то, что автор никак не связывает осуществление лозунга «обогащайтесь» с классовой борьбой внутри деревни. Декларируя необходимость, чтобы «деревня богатела не по-старому, не по-капиталистически, а по-новому, по-социалистически», автор тут же ничтоже сумняшеся, прибавляет «наша задача добиться того, чтобы поднималось все крестьянство». (Разр. наша. *В. Р.).* [3]).

Неужели тов. Айхенвальду неизвестна та азбучная истина, что рост кулацкой верхушки деревни идет за счет бедноты, ее эксплоатации и закабаления, и что, с другой стороны — рост этот усиливает влияние кулака и является поэтому величайшим тормозом социалистической переделки деревни. В бесклассовых построениях тов. Айхенвальда нет места внутрикрестьянской борьбе. У него мирненько, рядышком поднимается все крестьянство (в том числе и кулацкое), и в то же время деревня, по его мнению, «богатеет по-социалистически».

Эта установка совершенно гармонирует с общей позицией книги по вопросу о кулаке. В курсе нигде ничего не сказано о необходимости наступления на кулака. Наоборот, автор считает, что «если бы власть стремилась задавить, обобрать всякого богатого крестьянина, вышло бы то, что личное богатство стало бы преступлением и крестьянин боялся бы поднимать свое хозяйство» [4]).

Вместо борьбы с кулаком, автор стоит на позиции сотрудничества с ним. Он пишет: «Почти все нити, соединяющие мелких сельско-хозяйственных или кустарных капиталистов с широким рынком (переработка, транспорт, хранение, торговля), собраны в государственных руках. Так же обстоит дело с кредитным рычагом. Наконец, новую технику капиталисты получают из социалистических предприятий, в частности, электрическая энергия государственных станций окончательно превратит всякое капиталистическое производство в продолжение государственного хозяйства (!). (Разр. наша. *В Р.)* [5]).

Для лучшей организации сотрудничества, автор прямо предлагает кулацкую кооперацию. «Крупную роль,—пишет он,—сыграет об'единение мелких капиталистиков в кооперацию. Находясь под руководством кооперативных центров и государственных предприятий, подвергаясь их контролю и регулированию, такие кооперативные об'единения будут являться одним из видов госкапитализма» [6]).

Во многих других местах книги говорится, кроме того, об использовании кулацких накоплений через кредитную систему.

Итак, «капиталистик» тов. Айхенвальда родной брат того, печальной известности, кулака, который, овладевая отдельными кооперативными гнездами, «врастал в социализм». Бухаринская концепция «врастания кулака в социализм» в книге тов. Айхенвальда конкретизирована и развита с полной ясностью. Нет нужды говорить о том, как вопиюще непримиримо противоречит эта концепция решению XV с'езда партии о форсированном наступлении на кулака. Вместо того, чтобы дать развернутое экономическое обоснование этому решению, чтобы вывести необходимость наступления на кулака из борьбы за социалистический путь развития деревни, автор сеет вредную иллюзию мирного сосуществования двух путей развития — капиталистического и социалистического, прикрывая первый фиговым листком госкапитализма

Но как мыслит Айхенвальд самый социалистический путь развития деревни? Этот вопрос приходится ставить, принимая во внимание, что автор предполагает впречь в колесницу социализма стремление к богатству индивидуального крестья-

---

[1]) Айхенвальд. Советская экономика. Стр. 31 — 32.

[2]) Там же, стр. 275.

[3]) Там же, стр. 131.

[4]) Там же, стр. 169.

[5]) Там же, стр. 276.

[6]) Там же, стр. 277.

нина. Переделка крестьянского хозяйства стоит у Айхенвальда на двух китах. Это торговая смычка деревни с городом и кооперация.

Крестьянин — мелкий товаропроизводитель руководится исключительно рыночным интересом. Поэтому, наиболее действительны для его хозяйства те влияния, какие идут от рыночной стихии.

«Вместо того, — говорит Айхенвальд, — чтобы по плану приказывать крестьянину засеять побольше земли и провести такие-то улучшения, советская власть стремится, чтобы рынок показал крестьянину, что его же собственная выгода требует большого посева, хорошей обработки, введения севооборота, технических растений и т. д.» [1]).

Это верно. Но неверно, как думает Айхенвальд, что достаточно овладеть рыночными каналами, путями рыночного воздействия на крестьянское хозяйство, чтобы проблема пролетарского руководства развитием сельского хозяйства была уже решена. Между тем, тов. Айхенвальд понимает смычку с сельским хозяйством исключительно как смычку торговую.

«Эта смычка (промышленности и сельского хозяйства) устанавливается тем, что советские предприятия организуются по-торговому и через рынок связываются с крестьянским хозяйством в одно экономическое целое», пишет он.

Признавая необходимым, «чтобы социалистическое руководство охватывало самые корни мелкотоварного развития» (очень хорошо!), — тов. Айхенвальд считает вместе с тем, — «что это стало возможно тогда, когда социалистическое хозяйство сумело перевести свою работу на рыночные начала, сумело овладеть важнейшими торговыми путями и высотами и сделать рыночную связь проводником своего воздействия. Тогда та основная торговая среда, в которой развивается мелкотоварное хозяйство, перестала тянуть его исключительно к капитализму» [2])

Совершенно недостаточно в настоящее время ограничивать путь воздействия пролетариата на крестьянство товарооборотом. В этой постановке вопроса у автора дает себя знать более общая ошибка — непонимание новой фазы в развитии нэпа в связи с вступлением народного хозяйства в реконструктивный период. Сводя все значение нэпа к развязыванию товарооборота, к стимулированию крестьянского хозяйства через рынок, автор не понимает того, что с этого началось наше воздействие на сельское хозяйство. Автор ссылается при этом на указание Ленина, который писал:

«Торговля — вот то звено в исторической цепи событий и в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—22 года, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии» [3]). (Разрядка наша. *В. Р.).*

Следуя точно этому указанию, мы ухватились за это звено и цепью овладели. Сельское хозяйство, стимулированное развертыванием товарооборота, стало восстанавливаться и развиваться. Но в процессе этого развития наросли новые противоречия, встали новые задачи. Дальнейшее движение уперлось в раздробленность сельского хозяйства, в его мелкотоварный характер. В сельском хозяйстве нельзя быстро двигаться вперед, не идя к его обобществлению. Этому бешено сопротивляется кулачество, которое пытается само возглавить движение крупного хозяйства, повести его по капиталистическому пути. Проблема «кто кого» из области товарооборота перенесена в область сельско-хозяйственного производства и поставлена с небывалой остротой. Социалистическое руководство пролетариата выражается в том, что он мобилизует широчайшие середняцкие массы на переделку самого производства, усиливает непосредственное снабжение деревни сельхозмашинами, помогает крестьянству перестроить энергетическую базу крестьянства, пересесть с лошаденки на трактор. А тов. Айхенвальд не находит ничего лучшего, как выступать в этой обстановке с концепцией узко-торговой смычки и провозглашать рыночную стихию единственным проводником пролетарского воздействия на сельское хозяйство!

С тем же торговым рыночным подходом пытается тов. Айхенвальд разрешить центральную проблему переделки сельского хозяйства — проблему кооперации. Величайшие пиэтет перед мелкособственнической природой крестьянина и его жаждой наживы делает его в этом вопросе сугубым постепеновцем и приводит к подлинному опошлению ленинского кооперативного плана. Эта установка лучше всего отразилась в следующей сентенции автора:

«Прежде всего, нужно начинать переделку сельского хозяйства с доступного, понятного, выгодного, именно среднему рядовому мужицкому хозяйству. Надо не огорошивать крестьянина чем-то новым, неслыханным, чем-то чуждым (например, запрещение торговли, посев по плану и т. д.), надо, наоборот, считаясь с его

---

[1]) Там же, стр. 135.

[2]) Там же, стр. 279.

[3]) Ленин, т. XVIII, ч. 1.

привычками, с укладом его мелкого частного хозяйства, постепенно показывать ему сначала небольшие, сравнительно мелкие улучшения, в ближайшее же время укрепляющие его хозяйство и приносящее ему очевидную пользу, прямую выгоду, даже попросту прямую наживу» [1]). Здесь нельзя не остановиться, чтобы поставить тов. Айхенвальду такой вопрос: как отнесутся учащиеся, усвоившие из учебника Айхенвальда отвращение ко «всему» новому, чуждому для крестьянина, к таким, например, мероприятиям советской власти как контракционные договора с целыми деревнями, сплошная коллективизация районов; машинотракторные станции, производственное целевое снабжение, общественные меры воздействия на производство и т. д. Тов. Айхенвальд прямо опорачивает важнейшие мероприятия партии и советской власти, подлинно революционирующие советское хозяйство.

При этом Айхенвальд думает, что он в точности следует ленинским заветам, опираясь при этом на отдельные цитаты из известных статей Ленина, относящихся к 21 году. Но неужели автор не понимает, что вопрос о смычке пролетариата с крестьянством надо ставить диалектически во всех связях и опосредствованиях, что совсем иначе стоял этот вопрос, когда промышленность только начинала выходить из тяжелой разрухи и сейчас в реконструктивный период нэпа, когда она может снабжать деревню десятками тысяч тракторов и др. сельскохозяйственных машин.

Исходя из своей выше очерченной установки автор, естественно, ограничивает задачи кооперирования: «Торговые, сбытовые об'единения, таково очередное звено, теперешняя, первая ступенька социалистической переделки основной массы крестьянства,—пишет он [2]).

При этом оказывается, что коллективизация даже в самое понятие кооперации не входит. На странице 165 мы находим такой заголовок: «Роль кооперации в деле коллективизации». Откуда такой странный оборот речи? Ведь вопрос о соотношении этих двух понятий уже ставился однажды в партийной печати и было выяснено, что коллективизация есть составная часть кооперации, ее высшая форма. Но у автора разделение этих двух понятий проходит красной нитью через все изложение, искажая тем самым ленинский кооперативный план.

Размежевание между колхозами и коопрацией автор производит, так сказать, в пространстве и во времени. По первой линии автор отводит колхозам бедняцкий сектор. Что же касается середняков, основной массы деревни, то они должны кооперироваться по линии сбыта, снабжения и кредита.

«Нельзя упускать из вида,—пишет он,—что разные виды крестьянских хозяйств будут существенно разными путями подходить к коллективизации. Если для крестьянского хозяйства путь коллективизации лежит через кооперирование в области обращения, т.-е. в области сбыта и снабжения, то для бедняцких хозяйств такой путь немыслим, им торговать почти нечем, излишки у них слишком невелики и потому их коллективизация начинается с налаживания совместного производства, с артели, коммуны или товарищества по общественной обработке земли» [3]).

Но почему же нельзя проводить коллективизацию середняцких хозяйств? Оказывается, для этого есть следующие «серьезные» экономические обоснования:

«Переработка и торговля уже сейчас могут быть организованы как более или менее крупные предприятия. По другому обстоит дело с непосредственными сельскохозяйственными работами. Чтобы перевести их из области частных обособленных хозяйств в область крупных коллективных предприятий, необходимо создать соответственную техническую базу, которая диктовала бы крестьянам необходимость производственного об'единения [4])».

Отсюда автор делает следующий вывод: до тех пор, пока через снабженческую кооперацию не будет проведено в деревню необходимое количество сельскохозяйственных машин и тракторов, ставить вопрос о коллективизации середняцкого хозяйства несвоевременно.

Вот уже где подлинно рукамиразведешь! Разумеется, коллективизация немыслима без подведения под нее технической базы, без индустриализации страны. Но совершенно непонятно, почему трактора, машины, электрические установки должны притти в деревню через снабженческую кооперацию, а не непосредственно через колхоз. Почему необходимо, чтобы государство сначала передало в руки снабженческой кооперации техническую базу, а уже затем началась под этим влиянием, как это изображено у автора, тяга крестьян к колхозу?

Все вопросы здесь поставлены на голову, ибо только через коллективизацию возможны подведение новой технической базы и техническая революция сельского хозяйства. С одной стороны, об'единение крестьянства в колхозы, с

[1]) Айхенвальд, «Советская экономика», стр. 136.
[2]) Там же, стр. 179.
[3]) Там же, стр. 165.
[4]) Там же, стр. 165.

другой, техническая реконструкция—две стороны одного и того же процесса теснейшим образом связанные между собой и взаимообуславливающие друг друга. И если растущая тяга крестьянства в колхозы определяется размерами тех средств производства, которые могут быть им переданы со стороны государства, то с другой стороны сама эта тяга толкает промышленность к усиленному производству сельскохозяйственного оборудования.

«Двухступенчатый» план тов. Айхенвальда — сначала сельхозкооператив, а потом колхоз—таит в себе еще одну опасность: если крупные сел.-хоз. машины пойдут в деревню не непосредственно в коллективные об'единения, то они могут просочиться и в известной мере неибежно должны просочиться под той или иной вывеской в руки кулака, ибо кулак не может не вести бешенной борьбы за овладение новой техникой.

Эта надуманная худосочная аргументация нужна для того, чтобы оправдать скептическое отношение правого уклона к широкой и массовой коллективизации крестьянского хозяйства.

И совершенно естественно, когда из всего предыдущего тов. Айхенвальд делает такой вывод:

«Неправильно было бы ожидать, что мы сможем сейчас же тянуть большинство крестьян в колхозы... Главную массу крестьянства можно подвести к социализму только через предварительную организацию совместной торговли, поэтому—«столбовая дорога к социализму» для массы крестьянства это — кооперация» [1]).

Итак настоящее слово сказано! Не колхозы, а «кооперация». Так извращен ленинский кооперативный план.

Непонимая настоятельной экономической необходимости переделки сельского хозяйства, не видя развертывающейся классовой борьбы в деревне т. Айхенвальд пытается внушить своему читателю, что дело коллективизации надо «осуществить» медленным шагом, робкимэ игзагом, не увлекаясь, приспособляясь, что в этом вопросе вместо действенной линии нужна ставка на «самотек». Всякому ясно, непримиримое противоречие между всей этой постепеновщиной и партийной линией, намеченой XV с'ездом и осуществляемой пятилетним планом реконструкции сельского хозяйства.

Итак, оглянемся на пройденный путь, по которому мы следовали за автором. Перед нами раскрывается поистине «идиллическая» картина: сельское хозяйство, оплодотворяемое благотворной жаждой наживы, пышно растет и развивается. При этом «вкупе и влюбе» богатеют все слои крестьянства. Государство выступает «организатором и помощником крестьянского накопления» (стр. 114). Даже накопление кулака через кредитную систему используется социализмом. Кулак, об'единяясь в кооперацию, «врастает в социализм». Однако, основная масса крестьянства от тлетворного капиталистического влияния ограждена, ибо все торговые связи города с деревней находятся в руках государства. Движимая рыночным интересом, крестьянская масса постепенно обобществляет свою торговлю с городом, создает сбытовую и снабженческую кооперацию. Через эту последнюю постепенно движется в деревню новая техника. Ее наличие стимулирует широкие середняцкие массы к производственному об'единению—и так происходит «врастание мелко-товарной ткани в социализм». Все это происходит так плавно, мирно и гладко, что сам крестьянин, пожалуй, не заметит, когда и как он преодолел свою собственническую природу.

При этом автор, разумеется, уверен, что кулак, сам «врастающий в социализм» будет кротким, как агнец, что он не использует свое накопление для закабаления бедноты, что он не будет бороться за овладение середняком, за овладение кооперацией, за овладение новой техникой, что он не использует своего экономического роста для борьбы за капиталистическое развитие деревни.

Вот по существу та внеклассовая утопическая маниловщина, которую преподносит нам автор в качестве перспективы развития сельского хозяйства в СССР.

Такая концепция в области сельского хозяйства предопределяет неправильный подход автора к проблеме индустриализации страны. Задачу индустриализации автор выводит исключительно только из низкого уровня нашего материально-технического развития. Он невидит тех внутренних и внешних классовых условий, которые диктуют необходимость индустриализации страны. Он не понимает, что проблема индустриализации теснейшим образом связана с борьбой социализма с капитализмом внутри страны и вне ее, с проблемой «кто кого». Поэтому вопрос о темпе индустриализации для тов. Айхенвальда не стоит, и в его учебнике совершенно не затрагивается.

[1]) Там же. стр. 166.

Можно еще отметить, что определяя источники средств на индустриализацию, автор ни словом не упоминает о том, что одним из источников является и должно являться,— известное перераспределение накоплений деревни через систему цен в пользу социалистической индустриализации, в которой заинтересовано само крестьянство.

Совершенно очевидно, что в книге Айхенвальда мы имеем развернутую платформу правого уклона. Все острейшие политические вопросы, по которым развертывается борьба партии с правыми уклонистами — вопрос о темпе индустриализации страны, о борьбе с кулачеством, о коллективизации сельского хозяйства, о двух периодах нэпа, об обострении классовой борьбы в связи с реконструктивным периодом—разрешены у тов. Айхенвальда против линии партии, против решения XV с'езда. Книга Айхенвальда является вредной антипартийной книгой.

В. РЕВЗИНА.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ «БОЛЬШЕВИКА».

С настоящего номера в «Большевике» вводится «Отдел консультации читателей «Большевика».

Отдел ставит целью консультацию читателей «Большевика», на страницах журнала и через почту, по всем возникающим у них вопросам марксистско-ленинской теории и партийной политики.

Запросы направлять по адресу: Москва, Тверская 48. Редакция журнала «Большевик», отдел консультации.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

ПОПРАВКИ:

1) В № 17 «Большевика», на стр. 97-й два первых абзаца даны в искаженном виде. Вместо них, начиная со слов «Печатаемые выше...» и кончая словами «...Е. Бош и Г. Пятаковым», должно быть:

«Печатаемые выше письма Ленина к А. Шляпникову посвящены, главным образом, конфликту редакции Ц. О. партии (в которую входили в то время Ленин и Зиновьев) с группой «левых» во главе с Н. И. Бухариным, Е. Бош и Г. Пятаковым по вопросу о редактировании журнала «Коммунист».

2) На стр. 36 этого номера (4-я строка снизу) ошибочно напечатано: «концентрации», следует—«конкуренции».

3) На стр. 6 этого номера (1-я строка снизу) ошибочно напечатано «не повлоняющих директив партии», следует—«не выполняющих директив партии»; на стр. 27 напечатано: «конкуренция», следует «конкуренции»; на стр. 57 (в подзаголовке) напечатано «2. Письмо Т. Жозефа», следует—«2. Письмо тов. Жозефа»; на стр. 78 (в подзаголовке) напечатано «Наш путь», следует «5. Наш путь»; на стр. 129 (12-я строка сверху) напечатано «еще бы пропобовали», следует «еще бы попробовали».

РЕДАКЦИЯ.

Редколлегия: Бауман, К., Бухарин, Н., Криницкий, А., Молотов, В., Попов, Н., Розенталь, К., Ярославский, Е.